

Миларти Борис

ЦЕЛИТЕЛЬ

2020

Конец света не наступил 21.12.2012, но календарь Майя закончился, ознаменовав начало нового уровня развития человечества. Люди живут, еще не осознавая, что в новой эпохе приходится начинать с нуля, как первобытному человеку. Эра механической физики исчерпала себя, наступила пора молекулярных теорий, квантовой физики, целительной медицины, 4-5-6-мерного пространства. Человек только входит в этот неизведанный мир.

Борис Мишарин
Целитель

Егор Сибирцев глянул вверх — прилетели стрижи. Двадцать третьего мая, надо бы запомнить, подумал он, и сравнить с будущим годом. Зачем — просто интересно. Значит, дня два-три будет погода не очень, когда прилетают стрижи. Он это выяснил из личных наблюдений — всегда было так в последние годы. С чем это связано — он не знал, возможно, обыкновенное совпадение. Может потому, что сдвинулась земная ось, и весна стала приходить позже, как и наступать осень. Дедушка рассказывал ему, что в шестидесятые годы прошлого столетия ходили на Первомай в рубашках, а сейчас и на девятое мая так не пойдешь — прохладно.

Но в этом году весна пришла раньше обычного на неделю-две и было совсем тепло, только постоянно дули ветра. Через пару дней первый ЕГЭ в школе, потом еще надо думать — куда подавать документы. Все-таки он склонялся к медицинскому университету. Врач — не директор банка и может повезти по-разному в смысле денег. Сидеть на нищенской зарплате или все-таки зарабатывать тем, чему тебя научили в ВУЗе. Главное — суметь устроиться на работу в «приличную» клинику. «На работу»... — Егор хмыкнул, — надо еще поступить и окончить университет.

Он снова посмотрел вверх — стрижи носились по небу, делая невероятные виражи, видимо, гонялись за мошками. Егор устремил взгляд в бездонное пространство голубого неба и внезапно почувствовал, что его что-то пронзило, неведомая волна прошла спереди по позвоночнику. Какая-то невидимая глазу энергия вошла в него, содрогнув все тело и рассосалась бесследно. Ошеломленный, он потрогал себя — все на месте, ничего не болит и только ощущения стали другими, словно его накачали неведомой энергетической силой, подключив к космической батарее.

Позже, гораздо позже он поймет, что кто-то неведомый, непознанный и неизвестный активизировал в его ДНК шесть спящих кодонов. Их у человека, как известно, шестьдесят четыре — двадцать постоянно включены, а остальные спят. То есть нормальный человек использует всего менее трети своих возможностей. Но сейчас Егор ничего этого не понял и пошел готовиться к экзаменам, посчитав, что содрогнулся он то ли от перегрева на солнце, то ли от дунувшего ветерка.

Время школьных экзаменов... волнения... выпускной балл... и вот он уже студент медицинского университета. Много предметов изучалось на первом курсе. Химия, физика, биология, история... Ни один из них Егор не считал не нужным именно практикующему врачу. Они необходимы для общего развития человека с высшим образованием и для ученых медиков. Но один единственный предмет был все-таки чисто медицинским — нормальная анатомия человека. Хотя и этот предмет некоторые студенты, готовя себя в терапевты, не считали жизненно необходимым — на практике участковому врачу не потребуются знания мельчайших сосудов и нервов, ошибочно считали они.

Егор хорошо запомнил слова своего первого медицинского преподавателя: «Каждый из вас уже наметил для себя путь хирурга, терапевта, невропатолога, окулиста, а некоторые еще не определились и в этом. Но жизнь диктует свои условия — мечтающий стать прекрасным терапевтом всю свою жизнь оперирует и наоборот; хочет быть гражданским, но становится военным доктором. Желание у всех вас одно — стать хорошим врачом, а не посредственностью, как, к сожалению, получается частенько. Приходит, например, к

терапевту больной и жалуется на небольшое онемение или покалывание в пальцах руки по утрам. Тот его, естественно, к невропатологу, а там такой же сидит, который еще студентом не считал, что анатомия важна всем. И не помнит, конечно, про синовиальные каналы в запястье и их сужения, которые нерв сдавливают. Лечат они такого больного годами, а толку нет. Надо бы просто расширить сужения консервативно или оперативно — болезнь исчезнет, но эта врачебная посредственность не считает анатомию для себя полезной. На этом краткий экскурс заканчиваю и переходим к непосредственному изучению строения позвоночника человека. Каждый бугорок, отверстие, отросток и так далее вы должны знать на двух языках — латинском и русском. Забыли одно — ответ не считается и скидок на отставание предмета латинского языка у нас не делается».

Преподаватель более часа объяснял и показывал, говоря то на русском, то на латинском, а потом пояснил, что ждет от каждого на следующем занятии подобного ответа. Почти все получили на следующем занятии двойки, но уже через месяц никого не тяготило незнание латинского языка, преподавание которого часто отставало от насущной проблемы.

Много нового познавал Егор. Например, на занятия по истории без медицинского халата не пускали...

Первый курс, второй, третий, четвертый... Наконец-то пошли спецпредметы — факультетская терапия, хирургия... Шестой курс, выпуск, красный диплом, интернатура и направление в центральную районную больницу (ЦРБ). Выдали миллион рублей подъемных и вот он уже в деревне. Собственно, не в деревне, а в районном центре с населением до десяти тысяч человек.

Четыреста километров от областного центра, из достопримечательностей — речка и тайга. Поселок городского типа Североянск в основном с частными деревянными домишками и огородами, но и с благоустроенными кирпичными домами в два этажа, несколько трехэтажных домов, в которых располагалась администрация и другие муниципальные учреждения, в том числе и ЦРБ.

Егор сразу же направился в больницу, вошел в приемную главного врача. Молоденькая секретарша окинула его недобрый взглядом.

— Вы по какому вопросу? — спросила она.

— Я из города — прибыл к вам на работу хирургом, — ответил он.

— Вы, — она глянула в какую-то бумажку, — Егор Борисович Сибирцев?

— Совершенно верно — Егор Борисович Сибирцев, — подтвердил он.

Секретарша уже смотрела на него по-другому. Видимо, раньше подумала, что он пришел с жалобой.

— Проходите, главный врач уже давно ждет вас. Мы думали, что вы вчера еще приедете. Где остановились?

— Пока нигде — с автобуса прямо к вам.

Он глянул на большую сумку в руках, потом на табличку на двери — «Главный врач Яковлев Семен Петрович». Оставил сумку в приемной и вошел в кабинет.

— Здравствуйте, Семен Петрович, я Егор Борисович Сибирцев, направлен к вам на работу хирургом.

— Здравствуйте, Егор Борисович, вчера еще вас ждал. Из областной больницы позвонили, сказали, что у вас красный диплом. Честно сказать не ожидал, что городской отличник пожалует к нам в ЦРБ. Присаживайтесь.

— Работа врача везде одинакова, условия, конечно, разные. Я в смысле инструментария

и аппаратуры. Но ничего, не Боги горшки обжигают, поработаем с тем, что есть.

Вроде бы ничего мужик, подумал Егор, глядя на главного врача, постарше меня лет на двадцать, а дальше поглядим.

— Что умеете делать? — спросил главный врач.

— Что положено — то умею, — неопределенно ответил Егор.

— Я в том смысле, что вы еще молодой хирург, опыта нет. Приходилось ли ассистировать на сложных операциях, например, резекция желудка или частичное удаление легкого, ножевые и огнестрельные ранения?

— И ассистировать, и самому приходилось делать, — ответил он.

— Да-а, — забарабанил он пальцами левой руки по столу, — я сам из бывших хирургов, но вот... так получилось, — он показал отрезанных два пальца правой руки, — теперь главный врач.

— По поводу пальцев сожалею, но рад, что вы не санитарный доктор.

Яковлев задумался, он хорошо помнил звонок из областной больницы, что к нему едет бывший интерн, но хирург прекрасный, переплюнувший многих с десятилетним стажем. Его заведующий хирургическим отделением многое не умел делать из того, что может этот новенький. Но он именно новенький — останется или уедет через несколько лет, бабушка надвое сказала, а больница должна работать. Как потом возвращать на должность заведующего, если поставить новенького? Просто хирург — с заведующим возникнут конфликты, тот не переносил, когда ему перечат. Этот будет делать сам, а тот отправлять в область... Городские врачи в селе не задерживались и всегда находили способ уехать. Этот новенький наладит работу хирургического отделения на год-два, а потом что я стану делать, когда он уедет, с кем работать? Внезапно мелькнула мысль...

— Егор Борисович, у нас в участковой больнице совсем нет ни одного врача — фельдшер всем командует там. Конечно, я понимаю...

— А что — я не против, больница везде больница, небольшую операционную, я полагаю, и там можно сделать. Инструмент выделите? — перебил главного врача Егор.

Яковлев явно не ожидал такого ответа... В участковой больнице операций не делают, но это сейчас не главное. Конфликта с заведующим не будет и важнейший вопрос прояснится со временем — останется новенький или укатит в город?

— Вы где остановились? — спросил он, решивший не вдаваться в подробности.

— Нигде, с автобуса к вам.

— Тогда глянем сразу участковую больницу, это недалеко, десять километров от нас, деревня называется Пороги, около тысячи человек проживают. Там на реке действительно пороги начинаются, поэтому так и называли деревушку.

Главный врач рассказывал по дороге:

— В деревне мало работы, но люди живут, не уезжают пока. Есть пилорама, мужики работают на лесозаготовках. Магазин имеется и даже клуб. Многие занимаются охотой, сдают пушнину и этим кормятся. Стационар есть в больнице на десять коек..., впрочем, сами все увидите.

Через час они были на месте. Больница — большой деревянный дом, из персонала фельдшер, две медсестры и санитарка. Операционная, естественно, отсутствовала, но была перевязочная и даже бестеневая лампа. Егор усмехнулся...

— Здравствуйте, Клавдия Ивановна, вот вы и дождались, — начал Яковлев, — привез к вам доктора и не простого доктора, а хирурга — станет жить и работать здесь. Знакомьтесь

— Егор Борисович Сибирцев, а это Клавдия Ивановна Самохина, местный фельдшер.

Сибирцев поздоровался и понял, что к нему относятся настороженно. И он понимал почему. Хирург, согласившийся работать в захудалой больнице, где операционной нет совсем, может быть пьяницей или «зарезавшим» кого-то на операционном столе. Из медицины совсем не выгнали, но сослали в «тартар». Нечто подобное и предположила Самохина.

Он познакомился с медсестрами Аней и Светой, санитаркой тетей Галей. Осмотрел больницу и имеющиеся инструменты. Кроме скальпеля, игл, шовного материала, иглодержателей и пинцетов ничего практически не было. В присутствии своих подчиненных он обратился к главному врачу ЦРБ:

— Необходим малый хирургический набор, хороший шовный материал, иглы, шины...

— Вам здесь зачем? — удивился Яковлев.

— Я что аппендицит должен в ЦРБ тащить или на удаление желчного пузыря отправлять к вам? А серьезные бытовые раны, переломы? Зачем вам тогда врач здесь нужен — для статистики?

— Но операции не делают в участковой больнице, — возразил главный врач ЦРБ.

— Я думал, что проведение конкретных операций зависит от квалификации хирурга, а у вас от названия больницы? Так ставьте тогда тетю Галю главным врачом здесь, а я у нее в помощниках с удовольствием побуду.

— Хорошо, Егор Борисович, хорошо, — не стал с ним спорить Яковлев, — закажем инструмент в области.

— Ответ понятен, Семен Петрович, это означает жди — три года, пять, но жди, усмехнулся Сибирцев, — но ничего, мы выживем, не сомневайтесь. Вопрос следующий — где я жить буду?

Егор сменил тему, не желая ссориться с главным врачом ЦРБ, своим непосредственным начальником. А тот посмотрел на Самохину. Она ничего не поняла из этого разговора — новый доктор действительно собирался здесь оперировать? Но встрывать не стала, врач есть врач, не фельдшер и ответила:

— Домов пустых много, все для жизни пригодные, я покажу. Сами выберете себе подходящий. Мебели, правда, нет, но на первое время кровать, стол и стулья найдем.

— Тогда по мне все, Семен Петрович. Клавдия Ивановна, я пока человек новый — что больнице жизненно необходимо сейчас?

— Лекарства нужны, шприцы разовые, халаты медицинские. Для вас, Егор Борисович, ни одного халата нет — все женские и по размеру не подойдут.

— Понятно. Семен Петрович, я бы завтра хотел начать прием больных, сможете подвезти халаты мне и персоналу часам к девяти, не позже? Не сами, конечно, можно водителя отправить.

— Сделаем и кое-какие лекарства подвезем. Всего доброго, Егор Борисович, приказ по ЦРБ о вашем назначении тоже с машиной отправлю. Ознакомьтесь, копию себе — оригинал нам.

Яковлев попрощался и уехал. Егор видел на себе изучающие взгляды — в участковой больнице не было врача, тем более хирурга, всем заведовала фельдшер. Он обратился к Самохиной:

— Клавдия Ивановна, пойдете смотреть дом и обустраивать быт, а завтра с девяти прием больных.

Деревенька Пороги оказалось не такой уж большой — несколько улиц вдоль речки. Всего домов триста, часть из которых брошена уехавшими в город насовсем. Улицы, естественно, без асфальта, но засыпаны гравием и в дождь грязь месить не придется. Самохина познакомила доктора с главой местной администрации, показала магазин, в котором продавались продукты, инвентарь и одежда, местный клуб, где собирались иногда сельчане по праздникам. И, наконец, дом. Совсем не старый и большой по деревенским меркам. С огородом соток на двадцать пять и оградой сотки на две. Какой-то сарай, баня, хлев для скотины.

Егор присел на крылечко, предложил фельдшеру место рядышком.

— Клавдия Ивановна, — начал он разговор, — не торопите события — все встанет на свои места само собой — немного времени нужно. Вы, наверное, думаете сейчас — чего меня в такую дыру занесло из города, даже в районе не оставили? Алкаш? Но по виду не скажешь — не успел еще спиться совсем. Турнули меня с работы где-то за какое-нибудь бедокурство, но и этого не было на самом деле и алкоголем я не злоупотребляю. Тогда почему я здесь? Какая разница на самом деле — где людей лечить? Конечно, в лучших клиниках лекарства, аппаратура, а здесь элементарного УЗИ и рентгеновского аппарата нет. Но мы обойдемся, верно?

Самохина посмотрела на городского молодого человека. Интересно — сбежит до Нового Года или продержится до следующего лета? Ответила сдержанно:

— Фельдшеру еще можно лечить и ставить диагноз, а как врачу без рентгена и УЗИ, анализов? На враче ответственность другая, а наши деревенские не очень то охочи до поездок в райцентр, — осторожно ответила она. — Мой муж, например, сорвал спину года три назад и теперь мается радикулитом постоянно. Здоровый мужик, а второй день уже в лежку лежит, не встает. В туалет идти — так я его сначала на пол скатываю, а потом за руки поднимаю, с пола ему встать легче, не так больно. А лекарств никаких нет — ни диклофенака, ни мовалиса, ничего нет. Даю анальгин с аспирином и горячий кирпич на спину ставлю — вот и все лечение. Он и снимки раньше делал — выявили межпозвоночную грыжу, говорят, что операция необходима. Что сможет здесь врач без аппаратуры, анализов и лекарств? Тот же аппендицит, про который вы говорили, надо в район отправлять.

— Замечательно, — улыбнулся Егор, — фельдшеру уподобляться не стану, без обид и ничего личного, пойдемте к вашему мужу, посмотрим.

— Чего здесь замечательного? — не поняла и нахмурилась Самохина.

— Это вы чуть позже поймете, Клавдия Ивановна. И наперед — со мной спорить не надо. Все-таки я ваш начальник.

— Ну, пойдемте, — ответила она неохотно.

Ишь ты какой — с гонором, подумала она. Спорь-не спорь, а если ничего нет, то и нет. Вывих вправить — так это и я умею, а перелом уже в район: снимок требуется...

Сибирцев осмотрел больного. Мужчина лет пятидесяти явно рабочей профессии с мозолистыми, как говорится, руками, без лишнего жирка на животе. На вид он был постарше супруги лет на пять, но, как выяснилось позже, всего на три года.

— Как вас зовут? — спросил доктор.

— Антон.

— Молод я еще называть вас по имени. Так какое отчество?

— Николаевич.

— Вот и хорошо, Антон Николаевич, поворачивайтесь потихонечку на животик.

Спинкой кверху.

— А-а, — махнул больной рукой, — ни к чему это все. Меня профессор в области смотрел, говорит, что оперировать надо, грыжу межпозвоночную удалять — выпирает сильно. Мне бы чего-нибудь обезболивающего, полежу дней десять и пройдет все до следующего раза.

— Антон Николаевич, со мной спорить не надо — поворачивайтесь, — твердо возразил Сибирцев.

Кряхтя и постанывая, больной нехотя и с трудом повернулся. Егор погладил его спину, поводил над ней ладонью, надавил несколько точек, а потом попросил:

— Вставайте и ложитесь животом на мое колено — будем грыжу убирать.

Он посмотрел на Самохина и добавил:

— Все нормально — у вас уже ничего не болит. Вставайте. Походите, понаклоняйтесь, попрыгайте и ко мне на колено.

Мужчина удивленно глянул на доктора, повертел слегка поясницей в разные стороны и снова оторопело посмотрел на Сибирцева, потом на жену, встал. Она молчала всем своим видом выражая крайнее изумление. Он лег на колено. Егор снова понажимал некоторые точки, потом надавил одновременно на разные места и произнес:

— Все, Антон Николаевич, была грыжа и нет ее больше. Хотите верьте, хотите снимок делайте, но спина у вас больше болеть не будет.

Мужчина вертел спиной, наклонялся и даже подпрыгнул несколько раз — ничего не болело.

— Егор Борисович, — неуверенно спросила Самохина, — как вы это сделали, его же профессора смотрели и ничего? Вы врач и экстрасенс?

— По диплому я врач, Клавдия Ивановна, и вы это хорошо знаете, и не экстрасенс. А по состоянию души я целитель. Врачи лечат, а целители исцеляют — вот и вся разница между ними.

— Это же надо!.. И сколько теперь мы вам должны? — спросила она, — с книжки я деньги сниму, но там не много — десять тысяч, больше у нас нет.

— Клавдия Ивановна, я не беру деньги со своих. Ни с вас и ни с кого из деревенских брать ничего не стану. Станут приезжать городские — посмотрим, — ответил Егор. — Люди должны помогать друг другу. Если сможете, то помогите со столом, кроватью и табуретками — у меня же ничего нет.

— Счас, все исполним. Ты, Клава, накорми доктора, а я все организую. Где он остановился, в каком доме?

Жена объяснила ему, и он исчез. Хозяйка стала накрывать на стол. Сибирцев поел, как следует, поблагодарил.

Весть о том, что в деревню прибыл врач, хирург, а главное целитель облетела всю деревню мгновенно. Все знали, что у Антона радикулит и валяться ему дней десять еще, а тут бегают, прыгают и никаких болей. Утром на прием к доктору в больницу собрались практически все. Ошеломленная Клавдия Ивановна подошла к Сибирцеву:

— Там... там человек пятьсот на улице... все на прием к вам.

— Пойдемте.

Они вышли на крыльцо больницы вместе с Самохиной.

— Здравствуйте уважаемые сельчане, — начал разговор доктор. — Меня, естественно, радует ваш приход, нам жить вместе в одной деревне, будем считать, что познакомились.

Ваше количество говорит об одном — вы верите мне, спасибо, — он поклонился всем в пояс. — Но всех я принять сегодня физически не могу, и вы это хорошо понимаете. Поступим так — Клавдия Ивановна вас всех хорошо знает. Она составит список из тридцати человек, которые остро нуждаются в моей помощи и станет это делать ежедневно. Постепенно я приму всех. Согласны?

— Согласны, мы понимаем, — ответил за всех глава поселковой администрации.

— Согласны, — подтвердил народ хором.

Это в городе можно жить на одной лестничной площадке много лет и ничего не знать о соседях, а в деревне информация разносится мгновенно. Все знали, что муж фельдшерицы лежит в лежку от радикулита и вдруг встал мгновенно. Сельчане с интересом и любопытством смотрели на доктора.

— Тогда Самохина назовет фамилии, а остальные пусть меня извинят, всех приму со временем, — пояснил он.

Егор ушел внутрь здания, а фельдшер называла людей на прием сегодня. Первой вошла старенькая бабушка лет восьмидесяти. Клавдия Ивановна подала врачу карточку больной.

— На что жалуетесь?

— На возраст, сынок, на возраст, — бабушка оказалось еще и с юмором, — поджелудочная беспокоит, диабет и инсулин заканчивается. Сестрички уколы ставят, спасибо им большое, но говорят, что через два дня он кончится... инсулин этот, а без него не жить мне. Сердце часто колет... что там говорить — возраст.

— Раздевайтесь до пояса — посмотрим.

Пока старушка раздевалась за ширмой у кушетки, Егор попросил фельдшера заполнять карточки больных, записывая жалобы — дело привычное для Клавдии Ивановны.

— И так продолжим, — он кивнул Самохиной, чтобы она записывала в карточку, — живот мягкий безболезненный при пальпации. Внутренние органы — печень, селезенка, поджелудочная железа в размерах не увеличены. При аускультации дыхание везикулярное, тоны сердца чистые, пульс семьдесят в минуту, А/Д сто тридцать на семьдесят. Диагноз — здорова.

Самохина отодвинула карточку... Сибирцев пояснил:

— Клавдия Ивановна, это раньше у больной печень выступала на целую ладонь из-под края реберной дуги, были шумы в митральном клапане и хрипы в легких. Дальше не продолжаю — посмотрите сами печень, пульс, послушайте ее.

Самохина стала осматривать больную. Непонятно куда делась увеличенная печень, исчезли шумы и хрипы, а пульс и давление соответствовали названным цифрам. Такого у бабули никогда не случалось — давление всегда зашкаливало... Егор не стал выслушивать Самохину и обратился к бабушке.

— Всё, вы здоровы, идите домой и никаких уколов. Таблетки от давления тоже не принимайте, никакого лечения вам больше не нужно. Поживете еще, сколько Богом отмерено, но без болячек разных. Станете делать инсулин и пить таблетки от давления — умрете: здоровым людям они только вредят.

— Но диабет же не лечится, — возразила старушка.

— Правильно, диабет не вылечивается полностью, но я не лечу, бабушка, я исцеляю. Все — некогда объяснять, у меня еще больных в очереди много.

Бабуля пошла домой в непонятном состоянии, размышляя — вежливый доктор, в пояс народу поклонился, обходительный, но как же быть с моим диабетом и сердцем? Вдруг

поняла, что в раздумьях дошла до дома, ни разу не отдохнув по дороге. А раньше приостанавливалась несколько раз, отдыхала, валидол под язык и дальше в путь. Не поверила, вернулась обратно в больницу, снова дошла без остановок и приступов, села в очереди на прием к доктору.

— Ты чего вернулась? — спросила соседка.

— Не понимаю ничего, поэтому и вернулась. Раньше ходила в больницу, останавливалась три раза по дороге, а сегодня туда и обратно без остановок пробежала, как молодая, и не болит ничего, не колет, одышки нет. Ничего не понимаю...

— А доктор что сказал?

— Сказал, что не лечит, а исцеляет, сказал, что здорова я и таблетки с уколами не принимать.

— Так че пришла-то? — снова спросила соседка.

— Ну как че — я же болею, диабет у меня, сердце постоянно колет, задыхаюсь при ходьбе, до больницы дойти не могу, с трудом поползаю.

— Вот дура, тебе же сказали, что здорова. Ты в больницу, домой и обратно сюда сбегала — сердце болит, одышка есть?

— Ничего нет, поэтому и пришла. А как же теперь болезни?

В очереди засмеялись. Другая соседка сказала:

— Ты в райцентр съезди, там тебя быстро врачи вернут в прежнее состояние. Снова все заболит и сомневаться перестанешь.

— Нет, мне в райцентр не надо, я лучше домой побегу, — испугалась старушка.

В очереди снова засмеялись, а старушка ушла. На следующий день на Сибирцева смотрели, как на Бога, и никому ничего объяснять уже было не надо. Ни Самохиной, ни больным.

Вечером Егор вышел на свое крылечко, присел на ступеньку, вздохнул. Муж Самохиной позаботился неплохо — в спальне стояла кровать с бельем, подушкой, одеялом и матрасом, в комнате стол и стулья. В подполье немного картошки и разные соленья — огурцы, помидоры, грибы. Надо бы съездить в район за холодильником, мебелью, электроплитой, чайником. Придется ехать через два дня в выходные, надо попросить машину грузовую, чтобы все привезти враз. Он отказался идти на ужин к Самохиным — неудобно, а кушать хотелось. Сварил бы картошки да плитки нет и чайника тоже. Он еще раз вздохнул и ушел в дом, прилег на кровать. Придется переночевать голодным.

Клавдия Ивановна пришла домой, и муж сразу спросил:

— А где доктор, почему не привела его ужинать?

— Я говорила, он не захотел, стесняется.

— У него же в доме даже чайника нет. Собирай еду и термос — пойдем кормить моего спасителя. Наслышан о его приеме сегодня, все говорят одно и тоже — зашел больным, вышел здоровым. Если бы на себе не испытал — все равно не поверил бы. Вся деревня гудит, все разговоры о новом хирурге. Ты же с ним рядом там, как он это делает?

— Откуда я знаю, сама ни черта не понимаю. Не бывает такого, чтобы печень в минуту в размерах уменьшалась, одышка исчезала, а у него бывает, — ответила Клавдия.

— Ну че встала, собирайся.

Клавдия быстро собрала еду, налила горячего чая в термос, и они отправились к Сибирцеву домой. По пути встретили медсестер Аню со Светой тоже направляющихся к доктору с сумочками.

— Лишние мы здесь с тобой, Клава, — прошептал муж, — молодые девчонки, авось и сладится у них что с доктором. Ты завтра переговори с ними, пусть по очереди ходят, а то мешать друг другу станут, сами того не понимая.

Самохины повернули назад, а медсестры вошли в дом к Сибирцеву.

— Егор Борисович, мы вам покушать принесли, — произнесла Аня.

— Муж Клавдии говорил, что у вас даже чайника нет, — добавила Света.

— Что ж, раз принесли покушать — не откажусь, если со мной вместе потрапезничайте. Проходите, накрывайте на стол, к сожалению, угостить мне вас пока нечем, но за заботу спасибо.

Оказалось, что у доктора и посуды нет. Светлана сбегала быстро домой, она жила ближе. Егор покушал, поблагодарил и девчонки засобирались домой, стеснялись больше друг друга, нервничали и молчали. Так молча и удалились, сказав до свидания доктору. На улице глянули друг на друга зло и вновь молча разошлись по сторонам.

Утром Клавдия отругала их:

— Чего вдвоем ходите, мужика смущаете? По одной нашего светилу кормите, по четным дням ты, Аня, по нечетным Света. Все понятно? Может и клюнет на кого из вас, не вам решать. Нравится?

Она понимала истинную цель, прикрытую заботой о еде. В деревне не было молодых неженатых мужиков, глаз положить не на кого. Девушки отвернулись, ничего не ответив.

Первой на прием зашла женщина лет сорока. Сибирцев глянул карточку и удивился. Ателектаз легкого, вызванный опухолью. От операции больная отказалась категорически, считая, что не выживет однозначно. Лучше уж в домашней кровати умереть, чем под ножом хирурга или сразу после операции.

— Что же это вы, голубушка, отказались от оперативного лечения? Оно вам однозначно показано, без него вы умрете.

— Не верю я, доктор, что встану с операционного стола, вот и отказалась. Хочу дома умереть в родных стенах.

— Зачем ко мне тогда пришли. Я же тоже хирург и без операции вам нельзя. Согласны на операцию?

— Если станете делать вы, то согласна. Другим не дамся.

Наслышанная о чудесных способностях доктора, она решилась на отчаянный шаг...

Сибирцев попросил Аню, чтобы она подготовила стол в перевязочной, будем оперировать, пояснил он.

— Но у нас же ничего нет для операции, — ахнула Аня, — ни операционной, ни инструментов, ни наркоза, ни лекарств. Вы шутите, — заулыбалась она.

— Вы есть, Света, Клавдия Ивановна, тетя Галя — неужели вместе не справимся? — улыбнулся Сибирцев.

— Но как?.. Мы-то здесь причем?

— Ты, Аня, на стол простынь постели и тазик приготовь для ненужных частей легкого и опухоли. Больную раздень и уложи на здоровый бок. Это все, что от тебя требуется.

Аня стояла, как вкопанная, и ничего не понимала. Раздень, уложи — зачем? Но указание доктора выполнила в полном неразумении.

Сибирцев вымыл руки и подошел к столу.

— Надеюсь, что крови никто не боится и в обморок падать не станет. Что мы имеем? У больной сильная одышка, пульс слишком частый, амплитуда движения больного легкого

визуально гораздо меньше, при перкуссии пустой звук, дыхание не прослушивается. Больная уже находится в гипнотическом сне, проснется, когда мы закончим. — Он застелил еще одной простыню тело, оставляя открытым только операционное поле. — Проводим асептику невидимым излучением и начинаем, все вокруг уже стерильно.

Ничего не понимающий медицинский персонал участковой деревенской больницы стоял рядом с уснувшей непонятным образом больной. Какая может быть операция без инструментов, наркозной аппаратуры, автоклава для стерилизации?..

Сибирцев провел кончиками пальцев по межреберью больной, ткани словно вздрогнули и разошлись.

— Ой, — вскрикнула Света.

— Кричать и удивляться не нужно, привыкайте девочки. Сейчас останавливаем кровь путем нанесения энергетического клея на сосуды. Так, все прекрасно, крови почти нет. Дальше удаляем несколько ребер для хорошего доступа к легкому, — он положил вырезанные ребра на простынь, — теперь вынимаем опухоль, сдавливающую бронх и скопившуюся слизь, — Егор бросил их в тазик, — проводим антисептику раны и возвращаем ребра на место, склеивая их энергетикой. Ранку тоже зашьем, не оставляя рубцов. Все, девочки, операция завершена. Прошу вытереть кровь с больной, когда закончите — она проснется сама. Пусть одевается и домой топает — она здорова.

Сибирцев вышел из перевязочной, а персонал так и остался стоять шокированным. Первая очнулась Самохина:

— Чего стоите, рты раззявив? Быстро кровь вытереть, вымыть операционное поле и убрать все.

Больная проснулась, села на столе и спросила:

— Скоро начнете операцию?

— Сделали уже все, одевайся и иди домой, ты здорова. Вон твоя опухоль вместе с остальным дерьмом в тазике.

Клавдия указала на таз — больная при виде кровавого комка упала в обморок, но вскоре пришла в себя. Тазика уже не было. Она пощупала и осмотрела свой бок.

— Чего врете-то? Никаких следов нет.

— Так тебя целитель оперировал — вынул опухоль, откачал слизь и зашил все без рубца. Поняла? — спросила Клавдия.

— Поняла, — ответила пациентка, — хотя ни хрена и не поняла. Все что ли?

— Все, гуляй до дома, ты здорова, — пояснила Клавдия.

Больная оделась, хмыкнула и ушла. Позже до нее дошло, что ничего не болит, нет одышки и нормальное сердцебиение. Самохина с медсестрами и тетей Галей ушли ненадолго в комнатку, где обычно принимали пищу в обед.

— Нет, я такого в кино не видела и в фантастике не читала, — изумленно произнесла Клавдия, — это же надо без скальпеля вскрыть грудную клетку, вынуть опухоль, все почистить и зашить без рубца. Никакого наркозного аппарата и все сделать за несколько минут, хотя профессора оперируют такое часами. Я видела все своими глазами, но поверить не могу до сих пор. Как это возможно, девочки?

— Это все из-за неверия, — произнесла тетя Галя, — наш доктор Сибирцев — это святой апостол Егор-чудотворец. Богом к нам посланный ангел во плоти. Вы во время исцеления на грудь больной смотрели, а я на его голову — она же святилась вся. Богом он к нам посланный, Богом, человеку сие недоступно.

Тетя Галя перекрестилась и пошла в очередь рассказывать свою версию. Бабушки сразу приняли ее рассказ, а молодые не верили.

— Людка вон, наша легочница, у которой изо рта все время воняло как из преисподней, сейчас на приеме была, сами видели. Апостол Егор-чудотворец ей грудь без ножа вскрыл, опухоль достал и зашил все обратно без рубца и следов. А голова у него так и святилась вся в сиянии. Людка уснула и никакой боли не чувствовала. Опухоль то вот она, из груди у Людки вынутая. Тут уж без всякого обману. Надо закопать ее поглубже, чтобы нечисти на земле не было.

Люди смотрели на кровавый кусок в целлофановом пакете с раскрытым ртом. А тетя Галя продолжала:

— Давно было предсказано, что явится на землю апостол Егор-чудотворец во плоти земной и станет исцелять людей.

— Истинно, истинно так, — поддерживали ее старушки, хотя сами и не понимали ничего, но верили.

Тетя Галя, давно схоронившая мужа, жила затворницей, часто ходила в церковь, болтливостью и проповедованием ученья божьего никогда не отличалась и многие верили ей сейчас. Женщина в возрасте, но еще не старушка, вот и величали ее тетя Галя. Молодые люди в очереди все же сомневались в неземном происхождении доктора, но чудеса то творит и это факт, от которого не уйти. Доктор первоклассный и лучший, ни чета профессорам городским — однозначно.

Слухи распространялись быстрее звука и уже в райцентре все знали, что в Порогах появился апостол Егор-чудотворец во плоти. Слушали рассказы деревенских, махали руками. «Появился доктор хороший — радуйтесь, но обожествлять то зачем»? — отвечали в основном в райцентре.

Егор с мужем Клавдии Антоном и его другом поехали в субботу за мебелью, холодильником и прочими вещами. В магазине молоденькая продавщица поинтересовалась у Антона:

— Кому это в Порогах потребовалась мебель?

— Доктору нашему, вот ему, — он кивнул в сторону молодого мужчины, выбирающего мягкий уголок.

— Смотрите девчонки, — засмеялась продавщица, — это сам апостол Егор-чудотворец к нам прибыл. Красавец писанный, ничего не скажешь. Я бы с ним ночку провела неземную.

— Дура ты, — зло ответил Антон, — не знаю, как там насчет апостолов, но то, что он чудотворец — это факт. Неизлечимых в пять минут исцеляет и от этого не уйти, чтобы вы там не сочиняли про него.

— Правда что ли? — переспросила продавщица.

— Все чистая правда. Только верующие старушки ему этот нимб святой прилепили. А в остальном все как есть правда, — ответил он.

Антон с товарищем погрузили все в грузовик. Накупили много всего, в кузов еле-еле вошло. Столы, стулья, шкафы, мягкий уголок, холодильник, электроплиту, бойлер для нагрева воды, посуду и множество мелких вещей. Дома возились с мебелью до полуночи, собирая и расставляя. Клавдия потом вымыла пол. Самохины ушли от Сибирцева далеко за полночь, успев выпить по рюмочке-две винца и водки.

Егор в воскресенье спал долго. Намотался за субботу, утром встал бодрый и довольный — наконец-то у него появилось все свое и не надо столоваться у чужих. Он понимал, что его принимают от чистого сердца, но все равно стеснялся и не хотел обременять новых друзей в лице Клавдии Ивановны и ее мужа Антона. Они относились к нему, как к своему родному сыну. Настоящий вырос и учился в городе на экономиста.

Он позавтракал и вышел на улицу. Теплый августовский денек — прелестно. Егор осматривался спокойно, без суеты. За огородом речка Порожнянка, за ней сразу же холмы и тайга бескрайняя до самой тундры. С другой стороны равнинный лес, но на горизонте и здесь виднелись холмы. Надо бы узнать где ягоды и грибы можно собирать, какая рыба водится в речке, подумал он.

Егор прошел по своему непосаженному огороду, перелез через изгородь из жердей и подошел к речке. Порожнянка соответствовала своему названию. Выше, сразу же за деревней начинались пороги. Вода там бурлила, с шумом перекатываясь через валуны, а уже около самой деревни и ниже текла тихо и спокойно. Он спустился к воде, потрогал рукой — леденящая, видимо, горная речка, хотя откуда здесь горы, одни холмы.

— Холодная водичка, — услышал он, вздрогнув от неожиданности, — Порожнянка берет свое начало от подземных ключей, поэтому всегда ледяная, даже в июльскую жару.

Егор посмотрел на девушку, стоявшую метрах в десяти от него. Как появилось здесь это прелестное создание, он не расслышал. В отражении солнца Егор не мог рассмотреть ее

лица, но фигурка поражала своей изящностью формы, она словно светилась в лучах и была невесомой. Он отошел немного в сторону от линии ее головы и солнца, смог рассмотреть лицо. Прелестное личико, только в таких глубинках могут вырастать сказочные красавицы.

— Здравствуйте, Егор Борисович, я Антонина, Тоня — произнесла девушка.

— Здравствуйте Тоня... вы так неслышно подошли, словно появились из сказки. Я не видел вас раньше.

— Ездил в город поступать в университет медицинский. Но не прошла по конкурсу и вернулась. На платное обучение принимали. Но финансы поют романсы. Вернулась и узнала, что у нас появился доктор в деревне и не простой доктор — чудотворец.

— Чудотворец? Какой же я чудотворец — обыкновенный земной человек, хотя старушкам, наверное, кажется по-другому.

— Не скажите, Егор Борисович, вскрыть грудную клетку без скальпеля, вынуть опухоль и все зашить без следа — разве не чудо или врут все сельчане?

— Не врут, Тоня. Не врут. Но это не чудо — я пользуюсь энергетическим скальпелем, он и расслаивает ткани, практически не повреждая их. Естественно, что они потом склеиваются и заживают без следа. Какое же здесь чудо?

— Чудо есть и спорить мы на эту тему не станем. Как может спорить с доктором провалившийся абитуриент? Вы уже бывали где-нибудь здесь в тайге, осматривали окрестности?

Егор посмотрел на Тоню — девушка с характером и собственным мнением. «Чудо есть и спорить мы на эту тему не станем». Ишь ты... как она прекратила спор ловко и перешла на другую тему.

— Нигде еще не успел побывать. Есть предложения?

— Предложения... — она улыбнулась, — если желаете, можем пройти вверх вдоль речки. Там изумительные пороги, река бурлит, рвется сквозь них, а еще выше снова течет мирно и спокойно.

Тоня повернулась и пошла, словно точно зная, что он последует за ней.

— Хотите я вам расскажу легенду про эту речку, про ее пороги? — она начала рассказ сразу, не дожидаясь ответа. — Давным-давно это было. Во времена сказок, принцев и принцесс, Золушки и Василисы премудрой. Жила в этих местах девушка неписанной красоты и звали ее Гальциона, дочь бога ветров Эола. Бродила она в одиночестве по тайге, поднималась на вершины холмов, осматривая бескрайние таежные дали и немного грустила в уединении. Как-то услышала она один раз песню и пошла на ее звучание. Долго шла, а песня все звучала и звучала. Только на третий день она увидела красавца Бояна, который играл на гуслях и пел, а его прекрасный голос разносился по окрестностям на многие версты. Полюбили они друг друга, но Гальциона знала, что отец, бог ветров Эол, никогда не позволит ей связать судьбу с земным человеком. Пыталась она сбежать к своему любимому, но отец поймал ее и заточил в каменной башне. Долго она находилась в башне и слышала призывные песни своего Бояна. Однажды глубокой ночью девушка решила на побег, превратившись в родник прямо в центре каменной башни. Просочилась сквозь стены и потекла к своему любимому в тишине, ориентируясь на его голос. Но стражи Эола не спали, обнаружили отсутствие дочери и доложили отцу. Сильно рассердился Эол, рассвирепел и дунул на скалу, — Тоня указала на холм рукой, — скала наклонилась от могучего ветра, упала, рассыпаясь на огромные валуны и перегородила дорогу потоку воды. Но Гальциона накопила силы и пробилась сквозь валуны. Тогда проклял ее отец, повелев навсегда

оставаться речкой. А Боян пришел к валунам и запел долгую песню о неувядающей любви. Он пел пока не состарился и не превратился в дух, а его гусли до сих пор звучат и слышать этот звук могут только влюбленные. Башня, где была заточена красавица Гальциона, развалилась со временем или ее разбили звуки песни влюбленного Бояна, но до сих пор люди могут видеть останки той башни, из которой и берет свое начало речка. Бывшая скала обросла со временем землей, превратилась в холм, выросли деревья, но так и остались на ней живой памятью рассыпанные валуны.

Тоня замолчала, вглядываясь в бурлящую среди валунов реку. Прислушивалась, словно хотела услышать те самые гусли. Слышала ли она их — кто знает.

— Прекрасное место, — прервал ее мысли Егор, — и замечательная легенда.

Тоня ничего не ответила, кивнув головой в знак согласия, и пошла обратно к деревне.

— Вы замечательный рассказчик, Тоня, вам бы не в медицинский, а в литературный поступать надо. Могу я вас пригласить отобедать со мной?

— Это будет удобно? — спросила девушка.

— Конечно, — ответил Егор кратко.

Они так же вернулись обратно и через изгородь перелезли в огород Сибирцева. Егор стал доставать продукты из холодильника и соленья из подполья.

— Егор Борисович, позвольте я сама все сделаю. Вы великий доктор, но на кухне у меня получится лучше. Вы сильно проголодались?

— Не очень. Я поздно встал сегодня. Вчера допоздна занимались расстановкой мебели. Спасибо Клавдии Ивановне и Антону Николаевичу, без них я бы совсем загнулся тут с голоду и в райцентр они мне организовали машину. Встал, покушал и пошел посмотреть речку. Рядом живу, а у воды еще не был. Работа... я без нее ни куда, это моя жизнь, Тоня. Рожденный исцелять должен служить людям, а потом уже себе.

— Про себя тоже забывать не надо. Кушать всем хочется. Не только больным, но и докторам тоже. А у вас кроме солений и колбаски поесть нечего. Это не правильно, сейчас будем борщ варить, котлетки сделаем, потом вместе и поедим.

— Тоня, это не удобно, я пригласил вас в гости, а вы суп варить...

— Егор Борисович, вы в больнице главный и здесь не город, а деревня, здесь все по-другому. Как же мы своего доктора без еды оставим? У кого угодно спросите, все ответят, что я права. С институтом у меня не получилось, к сожалению, а может это и хорошо. Теперь я возьму над вами шефство на кухне и даже не возражайте — обижусь. Придете в обед с работы, а у вас супчик свеженький, котлетки, стол накрыт — разве это плохо? Тут не город, Егор Борисович, здесь другие ценности. В городе все за деньги покупается и человечности гораздо меньше. Почему вам должно быть стыдно, что я стану готовить вам? Мне приятно это делать, это ни к чему никого не обязывает. В городе за такое лечение миллионы бы драли, а вы бесплатно лечите. На западе бы жили на вилле с кучей бездушных горничных, платили им, а я от чистого сердца вам приготовлю.

Тоня все говорила и говорила, одновременно чистя картошку, мясо уже варилось на плите. Егор слушал ее и не понимал, почему он не остановит ее, заставил гостью варить суп. Разве я заставлял? Она сама взялась за это и мне приятно ее видеть. Но я же буду обязан ей? Он вздохнул и произнес:

— Вы словно мама, которой у меня никогда не было, ухаживаете за мной. Мне неудобно, Тоня. Все вы говорите правильно, по-человечески, а я сижу тут лодырем...

— Никогда не было мамы... расскажите о себе, Егор Борисович, — попросила она.

— Мне и рассказывать о себе нечего, — усмехнулся он, — никого у меня нет — ни папы, ни мамы, ни братьев, ни сестер. Детдомовский я. Поступил в университет... интернатура и вот я здесь. Направление, правда, было в ЦРБ, но главный врач предложил мне участковую больницу, и я охотно согласился. Мало, конечно, еще прошло времени, но я доволен. Здесь действительно не город и другие отношения у людей. Все знают друг друга с малолетства, кто чем дышит и чем живет. Лучше расскажите вы о себе, Тоня, кто ваши родители, я их знаю?

— Мне то же особо рассказывать нечего. Школу закончила и в медицинский второй раз провалилась, на платное обучение принимают, а на бюджетное баллов говорят не хватает. Маму и папу моих вы хорошо знаете и они вас тоже — иначе бы я здесь не была, к незнакомым людям, извините, в дом не хожу. Моя мама работает вместе с вами, она фельдшер и много мне о вас рассказать успела.

— Вот даже как, а я и не знал, что у Клавдии Ивановны есть дочка. Про сына слышал, что он в городе учится на экономиста.

— На экономиста и мне бы баллов хватило и на другие специальности в том числе. Хотела врачом стать, а не получается. Здесь для меня работы нет, что делать — не знаю. Но целый год впереди, посмотрим. Наверное, надо идти на бухгалтера учиться или экономиста, как брат.

В дверь постучали и вошла Клавдия Ивановна.

— Здравствуйте, Егор Борисович.

— Здравствуйте, — ответил он, краснея.

Обе Самохины это заметили.

— Я потеряла тебя, Тоня, думаю куда ты могла уйти? Решила на обед Егора Борисовича позвать, а ты уже здесь хозяйничаешь всюю.

— Не хозяйничаю, мама, а суп варю, это разные вещи, — одернула она мать.

— Так я это и имела ввиду, ничего другого. Раз здесь обед будет свой — пойду и я своего Антона кормить.

Самохина старшая развернулась и вышла. В доме повисло некоторое молчание. Тоня перемешала суп, попробовала:

— Сварилось, — констатировала она, — будем кушать.

Егор достал припасенную бутылочку вина. Тоня вернулась домой ближе к вечеру.

— Ты где познакомилась с доктором, Тоня? — спросила мать.

— Случайно, мама, на речке. Потом мы к порогам ходили, и он пригласил меня домой. Сварила суп... поели.

До главного врача ЦРБ тоже стали доходить слухи об апостоле Егоре-чудотворце, но в апостолов Яковлев не верил. Но были конкретные вылеченные им больные. Одну он знал лично — ателектаз легкого, вызванный сдавливающей опухолью. В свое время она отказалась от операции сама и стала впоследствии неоперабельной. Но недавно явилась для собственного убеждения. Говорила, что стала абсолютно здоровой и это факт. При аускультации дыхание везикулярное (нормальное), а рентгеновский снимок показывал абсолютно здоровое легкое. Ателектаз не мог сам собой рассосаться, а опухоль исчезнуть. Это Яковлев понимал хорошо — операция проведена блестяще, но куда делся послеоперационный рубец и чем оперировал, у Сибирцева не было инструментов и наркоза? Надо ехать и посмотреть все лично, пока не стали названивать с министерства здравоохранения области — этим ничего не докажешь без фактов. Успокаивало одно — у

Сибирцева имелось медицинское образование и специализация в хирургии, не обвинят в самозванщине.

Яковлев появился в Порогах с раннего утра, но не в больнице, а у Самохиной дома. То, что она рассказала ему, повергло главного врача ЦРБ, оперирующего хирурга в недалеком прошлом в элементарно фантастический шок.

— Разве такое возможно? — спросил он.

— Чудо я вижу ежедневно и до сих пор спрашиваю себя — разве такое возможно? — ответила она вопросом, — побудете на приеме — сами все увидите. Тем более сегодня Сибирцев оперирует этого бывшего зэка с кавернозным туберкулезом. Сам он уже до больницы не дойдет, придется пятьсот метров вести на машине, хоть бы до операции дожил и не помер заранее. Не только это не понимаю, но и как такой доктор мог оказаться у нас в деревне? Это не врач — это действительно чудо! Верующие бабки понятно, что прозвали его Егором-чудотворцем и нимб на голову навесили. Никакого святого нимба нет, но операции то он делает без операционной и наркоза, без всяких осложнений.

Когда Сибирцев с Яковлевым вошли в операционную или ранее в перевязочную, больной уже лежал на столе и дышал тяжело, видимо доживая последние часы отмеренной жизни. Из рта постоянно сочилась кровь, стекая на шею. Егор Борисович начал, комментируя для Яковлева, со своими подчиненными он уже проводил операции молча.

— Проводим излучением энергетического поля асептику окружающей среды, рук и операционного поля. Больной спит и ничего не чувствует. Делаем т-образные разрез грудной клетки и останавливаем кровотечение.

Яковлев в ужасе наблюдал, как расслаиваются ткани, появляются красные кровоточащие точки сосудов и сразу же перестают кровить. Шесть ребер, сложенных на простыне рядом и вот оно легкое, сплошь пораженное кавернами и двумя толстостенными полостями. Легкое не подлежит лечению. Его необходимо полностью удалить.

— Кавернозные останки и толстостенные оболочки удаляем, — комментировал Сибирцев, — давая возможность остаткам здоровой легочной ткани разрастись.

У Яковлев перехватило дыхание при виде растущей на глазах здоровой ткани, заполняющей образовавшиеся пустоты. Он тупо смотрел на вновь образованное здоровое легкое, как ставятся на место и «запаиваются» ребра, мягкие ткани.

— Вновь асептика и переходим ко второму легкому, — повторял свои действия Сибирцев.

Через десять минут Егор Борисович вымыл руки и вышел из операционной. Яковлев все еще продолжал стоять в ошеломлении увиденного. С больного вытерли кровь, обтерли мокрой салфеткой, и он проснулся. Самохина подала ему рубашку:

— Одевайся и иди домой. Операция прошла успешно, и ты абсолютно здоров.

— Я же ходить не могу...

— Толай домой, симулянт несчастный, — улыбнулась Самохина, — тебе же сказали, что ты здоров, доктор Сибирцев тебя успешно прооперировал, туберкулеза больше нет и таблетки теперь для тебя являются вредными. Иди, иди, нечего тут рассиживаться попусту.

Больной натянул рубашку, осторожно встал с операционного стола, прошелся, удивляясь — ничего не болит, не колет, нет мокроты и кровохарканья, дышится легко и свободно. Потом словно очнулся и пулей вылетел из бывшей перевязочной. За ним вышел и Яковлев с медсестрами и фельдшером, осталась одна тетя Галя убирать старые и стелить новые простыни на стол.

— Как ощущения, Семен Петрович? Разве такое возможно? — с улыбкой спросила Самохина.

Яковлев был не в состоянии пока что-либо отвечать, махнул неопределенно рукой и вышел из больницы. Словно на автомате дошел он до машины и уехал. На середине дороги пришел в себя и приказал водителю вернуться.

— Я хоть и в прошлом, но тоже хирург и не понимаю, как такое возможно? Как разрослись здоровые ткани легкого, как срослись ребра и мягкие ткани грудной клетки? — задавал он вопросы Сибирцеву.

— Это не колдовство, это медицина будущего и ее сложно понять в настоящем времени, — кратко ответил Егор.

— Вы хотите сказать, что через энное количество лет так станут лечить все врачи?

— Совершенно верно, Степан Петрович, именно это я и хотел сказать.

— А вы как к этому пришли?

— Сие заложено в каждом из нас. В человеческой ДНК шестьдесят четыре кодона, двадцать из них работают, а остальные спят и это установленный наукой факт. Наш организм не изучен, достаточно много вопросов и белых пятен. Человек только стал развиваться в своих возможностях и использует их на треть — это тоже установленный факт. У меня работают не двадцать, а чуть больше кодонов, именно этим объясняются мои способности, а не вымышленными чудесами. Так будет со временем у всех.

— Понятно, что ничего не понятно, но хоть какое-то объяснение. Спасибо, Егор Борисович.

Яковлев пожал руку, попрощался со всеми и укатил в райцентр. Теперь он был готов объяснить хоть что-то, но вряд ли начальники воспримут его объяснения. Но это уже не так важно. Главное он прокакал великого хирурга, загнав его в участковую больницу, а мог бы взлететь. Но не все так плохо... все-таки участковая больница тоже его учреждение...

Егор в последнее время стал чаще задумываться. Нагрузка на работе стала меньшей, тяжелых больных он всех излечил и мог позволить себе уйти с работы пораньше. Какое может быть нормированное время в деревне? Местные шли к нему в любое время суток, и он принимал безотказно всех нуждающихся в его помощи.

Тоня практически жила в его доме, когда он был на работе — мыла, стирала, убирала, варила. Но когда возвращался хозяин — накрывала на стол и уходила, все реже и реже оставаясь поговорить. Егор замечал это, но его тщетные попытки задержать Антонину подольше ни к чему не приводили. Вольная девушка всегда находила причину.

Сегодня он не пошел сразу домой к вечеру. Прошел по улице к окраине деревни и вышел к порогам. Шум и напор бурлящей воды всегда восхищал его взгляд, и он мог долго смотреть на борьбу реки с валунами. Он долго стоял в задумчивости и вдруг услышал гусли — то была песня Бояна, а в водянистой пыли стремнины у самого большого валуна заходящее солнце осветило лицо Тони.

Егор вздрогнул — он услышал песню, которую могли слышать только влюбленные. Но внезапно исчезло все — река с шумом огибала пороги, лицо девушки испарилось в заходящих лучах и гусли уже не звучали призывно и грустно.

Он вздохнул и направился домой. Тоня, как обычно, накрыла на стол и засобиралась к себе. Егор не возражал и не просил остаться поужинать вместе, сегодня он был задумчивый и молчаливый. Тоня присела за стол, внимательно глядя на него, а он молчал, размеренно хлебая суп из тарелки. Она посидела с минуту и ушла домой, не спросив ничего.

Егор отодвинул тарелку и прикрыл веки. Как он живет? Утром подъем, завтрак, прием больных, ужин и сон. Неужели так будет всегда и где радости жизни? Сейчас у него одна радость и действительно большая — здоровье людей.

Здесь замечательная природа, животный мир, а он нигде еще не был, кроме порогов, куда отвела его Тоня. Скоро осень и уже начинают желтеть некоторые березки с осинами. Прошла ягодная пора голубики с черникой, но наступило время брусники, которое продлится еще долго. Скоро опустеет деревня — уйдут люди в орешник, а позднее за сободем и белкой, за козой и сохатым. А я так и стану сидеть на подачках населения, рассуждал про себя Егор. А Тоня?..

Он лег на кровать, так и уснул не раздеваясь в раздумьях. Утром пришел на работу и объявил персоналу:

— Прием больных схлынул, практически вся деревня здорова, и я замотал всех, стараясь помочь людям и в выходные дни. Впредь станем отдыхать в субботу и воскресенье, сегодня четверг и я отпускаю всех до понедельника. Отдохните, займитесь домашними делами, я поработаю один пару дней, а субботу и воскресенье отдохну тоже.

— Но как же вы один...

— Все, Клавдия Ивановна, — перебил он ее, — с начальством спорить не нужно — в понедельник увидимся.

Сибирцев принял двух больных, а в пятницу вообще никто не пришел на прием. Но это его не беспокоило, он понимал, что здоровым людям незачем таскаться по больницам. Беспокоило другое — Тоня не пришла к нему ни в четверг, ни в пятницу ни разу. Он расстроился, привык уже, что в обед ему накрывают на стол и кушают они вместе, а вечером накроют и уйдут. Но разве она обязана? Ишь ты... нашел себе рабыню. Отца вылечил — так делать это должен по специальности. Постоянные мысли о Тоне он гнал от себя. Надо приучаться к самостоятельности. Он оглядел двор и понял, что скоро осень, зима, а у него даже дров ни полена нет и топора, кстати. Егор глянул на часы — шесть вечера, пятница, в администрации наверняка никого нет. Но пойду, пройдуся, все равно делать нечего. Надо бы спутниковую антенну купить и телевизор, зимой вечерами здесь, наверное, вообще тоска.

На удивление здание администрации было открытым и у главы шло какое-то совещание. Егор заглянул и прикрыл сразу же дверь, решив подождать. Глава объявил перерыв и сразу же сам вышел в приемную.

— Здравствуйте, Егор Борисович, вы ко мне?

— Здравствуйте, извините, я не хотел помешать и зайду позже.

— У нас как раз перерыв, пойдемте Егор Борисович.

Люди быстро вышли из кабинета, и они остались вдвоем. Сибирцев помнил Главу — Румянцев Станислав Валерьевич, у него были камни в желчном пузыре достаточно большого размера и примерно два раза в год он страдал тяжелейшими приступами, но пока все обходилось благополучно. Хирурги в больнице говорили ему, что операция необходима, любой приступ мог закончиться плачевно, если не оказать вовремя помощь. Сибирцев вынул камешки и отдал ему на память.

— Станислав Валерьевич, я в городе вырос и к деревенской жизни еще не привык, не освоился, — как бы оправдывался Сибирцев, — но со временем все наладится. Сегодня глянул во дворе у себя и понял, что дров нет совсем, в больницу бы тоже надо подвезти.

— Это вы меня извините, Егор Борисович, проморгал я, закрутился — администрация обязана обеспечивать дровами учителей и врачей, школу и больницу. Все сделаем, не

волнуйтесь. Что-то еще нужно?

— Спасибо, Станислав Валерьевич, больше ничего.

Оба вдруг услышали звуки сирены, Румянцев глянул в окно, бросил кратко:

— Скорая...

Сибирцев выскочил из кабинета и побежал к больнице, благо она находилась неподалеку. Мужчина, видимо водитель, барабанил кулаками в закрытую дверь. Егор открыл дверь салона — доктор весь в каплях пота от напряжения делал непрямой массаж сердца и искусственное дыхание.

— Что с ним? Я Сибирцев.

— Огнестрельное, пневмоторакс.

— Ясно, отойдите. Запускаем сердечко, — он положил руку на область сердца, — нормально, заработало, пульс есть, дышит.

Сибирцев повернул больного немного на бок, срывая герметичную наклейку с раны, просунул руку сквозь маленькое входное отверстие почти до локтя, расширяя рану и достал пулю.

— Вот она девятиграммовая смерть...

Он попросил бинт. Вытер место где была рана и она исчезла, не оставляя следа.

— Не понял!? — вытаращил глаза доктор, привезший больного.

Пациент открыл глаза и сел на носилках скорой.

— Где я? — спросил он.

— Вы в Порогах молодой человек, вас привезли с огнестрельным ранением, но сейчас все в порядке. Я доктор Сибирцев, а вы?

— Старший лейтенант полиции Зуев. Вы тот самый Сибирцев — апостол Егор-чудотворец?

Полицейским осматривал себя, видя разорванную рубашку и кровь, ощупывал себя, на находя раны.

— Какой еще апостол чудотворец? — переспросил Сибирцев.

— Так вас в народе называют. Я Костромин Аркадий Гайдарович, заведующий хирургическим отделением, мы так с вами и не познакомились раньше.

— Ничего себе... какой из меня апостол... надо же такое придумать. Ладно, вся фантастика позже, пойдемте ко мне домой, Зуеву, — Николаю, подсказал он, — Николаю надо стресс снять.

Они вышли из салона скорой, а водитель все еще барабанил в дверь и матерился.

— Кончай, Андрюша, двери ломать, доктор уже операцию сделал, — показывал Костромин на вышедшего из машины полицейского, — чудотворец: он и есть чудотворец.

Сибирцев накрыл стол, приглашая мужчин к столу, налил всем водки, кроме водителя. Они выпили и Костромин начал рассказывать:

— Его притащили полицейские... Еще в приемном покое я понял, что дело труба — пуля пробила легкое и застряла где-то в средостении. Такую операцию в районной больнице успешно не сделать. Как раз вошел главный врач и сказал, что у полицейского единственный шанс — дожить до Порогов. Мы его на скорую и сюда. Минуты за три-пять до приезда у Николая сердце остановилось, шофер гнал, что есть мочи, а я делал массаж и искусственное дыхание. Потом появились вы, Егор Борисович. Объясните — я ни черта не понял.

— Сначала я запустил сердце Николаю, потом провел асептику энергетическим излучением, расширил рану и вошел в нее рукой, достал пулю и, вынимая руку вместе с

остатками поврежденных тканей, одновременно заживлял и проводил антисептику. Вот и все, ничего особенного.

Сибирцев снова налил водки, они выпили. Захмелевший Костромин заговорил снова:

— Ты понял, Коля — я ни хрена не понял, хотя и зав отделением. Вижу, что он тебе руку по локоть в грудь загнал и вытащил пулю, потом протер все бинтиком. А я смотрю — раны то нет вообще, и ты встал. В городе профессор бы оперировал часа четыре, если удачно, то потом неделю в реанимации и месяц на койке. А ты сидишь сейчас и водку уже пьешь. А доктор еще утверждает, что не чудотворец. Про апостола, конечно, молчу, но то что чудотворец — однозначно, сам видел и других мнений здесь быть не может. Яковлев что-то объяснял там про кодоны, но какая разница, если не понятны детали, но суть ясна. А толку? Не время еще для понимания, вот так вот. Так, мужики, на посошок и домой, доктору отдохнуть надо.

Егор внезапно увидел стоявшую в дверях Тоню со слезами на глазах, она заметила его взгляд и выскочила. Он выбежал во двор, но калитка ворот уже захлопнулась за девушкой.

В субботу он выспался хорошенько, встал, умылся, позавтракал и вышел во двор. Присел на крыльце в раздумьях. Вошла Тоня.

— Хорошо, что вы пришли... я волновался...

— Волновались?.. Я все приготовила на два дня.

— Разве я об еде...

Егор огорчился, опустив голову вниз и разглядывая мелкие песчинки и трещинки на крыльце.

— Вы дали два дня отгула персоналу, мы вдвоем с папой и мамой собирали ягоду. Набрали голубики и черники, за брусникой позже пойдем. Вечером я увидела, как подъехала скорая, испугалась — вы всех лечите, а вас то лечить некому. Но поняла, что к вам стали возить больных и из райцентра... убежала...

Егор вздохнул, с трудом пересиливая себя — хотелось притянуть ее к себе, прижаться и стоять, не отпуская никогда, целовать всю... Он решил сменить тему разговора.

— Тоня, вы умеете рыбачить?

Она, не ожидавшая такого вопроса, посмотрела на него.

— Конечно, я же деревенская. Умею рыбачить и охотиться, с медведем, правда, не сталкивалась, но волков била. Без ружья у нас по тайге ходить опасно — летом медведя много, зимой волки. Нельзя в тайге без ружья.

— А я ничего не умею... мужчина называется...

— Егор Борисович, — улыбнулась ласково Тоня, — какие ваши годы — научитесь. И охотиться, и рыбачить. Тайга — наша гордость! И кормилица.

— Научите меня рыбачить... сегодня. Только у меня даже удочки нет.

— Удочки найдутся, только сейчас полдень, а рыбу надо ловить утром или вечером. Ладно, пойду червей накопаю и снасти приготовлю.

Она встала с крыльца, Егор взял ее за руку...

— Не уходи, Тоня, — он встал, — я не могу без тебя. Я люблю тебя, Тоня.

Последнее он проговорил почти шепотом. Антонина посмотрела ему в глаза и ответила так же тихо:

— Я думала, что уже не дождусь этих слов. Я тоже люблю тебя... Егорушка мой.

Она прижалась к его груди, он обнял ее и поцеловал в шейку, потом нашел ее губы...

— Ты выйдешь за меня замуж, Тоня?

— Да, милый мой, да, — отвечала она между поцелуями.

Егор взял ее на руки, закружил по двору и унес в дом.

К вечеру они пошли в дом Самохиных вместе. Егор только один раз был в этом доме, хотя всю семью знал хорошо.

— Подожди, Егорушка, я собак уберу со двора, — попросила Тоня.

— Не надо, — ответил с улыбкой Егор, — разве они могут укусить будущего родственника семьи Самохиных?

— Егор, это же собаки...

— Вот именно, что собаки... Не люди... — ответил он и вошел в калитку ворот.

Два здоровенных кобеля зарычали, ощерившись незваному гостю, готовые прыгнуть и порвать его.

— Чего это вы заворчали и не стыдно вам? Мы же с вами одной крови...

Собаки притихли, завиляли хвостами и подошли. Егор потрепал их за ушами рукой, а они только щурили глазки, словно прося извинения. На крыльцо вышел Тонин отец.

— Ничего себе... коленкор получается. Клава, — крикнул он громко, зовя жену, — ты посмотри — наши кобели к Егору Борисовичу ластятся и даже не лают.

Самохины и Сибирцев поздоровались. Егор произнес:

— Зачем им на меня лаять, рычать или кусаться? Я же произнес заветное слово — мы с тобой одной крови. Читали «Маугли»?

— Читали, читали, — с улыбкой произнесла Клавдия Ивановна, — проходите в дом, Егор Борисович.

Тоня все еще удивленно посматривала на Егора, погладила собак и тоже вошла в дом. Сибирцев начал разговор сразу, не успев присесть:

— Собственно я за одним только пришел, Клавдия Ивановна и Антон Николаевич. Мы с Тоней любим друг друга и я прошу у вас ее руки.

Тоня подошла к нему, прижалась, покраснела и опустила голову, словно разглядывая половицы.

— Чего тут говорить, — ответил отец, — если дочка вас любит, Егор Борисович — мы с матерью будем только рады.

Он подошел протянул руку, пожал и обнял Егора.

— Живите и будьте счастливы, — добавил он.

Клавдия Ивановна смахнула набежавшую слезинку, подошла и обняла Егора.

— Ну что, мать, накрывай на стол, сегодня у нас праздник и отметить его надо по-настоящему. Когда свадьбу играть думаете? — спросил отец.

— Мы не обсуждали с Тоней этот вопрос, но думаю, что готовы в любое время. Давайте вместе подумаем.

— Давайте подумаем, это правильно, — согласился отец, — ты чего, Тоня, к Егору Борисовичу жмешься, успеешь еще..., иди, матери помощи на стол накрыть.

Он пригласил Егора присесть в кресло и продолжил:

— Сейчас конец августа, а в начале сентября люди уйдут в орешник после копки картошки. В октябре вернутся, отдохнут немного и за мясом, но это немного, несколько дней займет перед холодами. Потом за пушниной. Свадьбу нужно играть через неделю, пока еще тепло и люди не очень заняты — вся деревня придет и из района некоторые приедут. Можно и в начале ноября, но на улице уже холодно.

— Причем здесь улица? — недоуменно спросил Егор.

— Все захотят на свадьбе гулять, а это тысяча человек со старыми и малыми, в клубе такое количество не поместится, будем столы на улице ставить. Сегодня суббота, если не против, Егор Борисович, то в пятницу и сыграем свадьбу. Если против, то в следующем году после посевной.

— Я не против и обеими руками за, но где столько продуктов взять на тысячу человек и водки?

— А вот за это не беспокойтесь, Егор Борисович, и даже не думайте. Доски на пилораме есть, столы сколотим, застелем и накроем всей деревней. Вам только костюм себе обеспечить и кольца, договориться с ЗАГСом в районе, все остальное мы с Клавой возьмем на себя. Самогонки нагоним, несколько бутылок шампанского на свой стол купите сами.

В понедельник утром на прием в больницу никто не пришел, и Егор с Тоней уехали в

Североянск. Первым делом пришли в ЗАГС.

— Мы бы хотели подать заявление о регистрации брака, — обратился Егор к одной из сотрудниц.

— Заявления принимаем после обеда, но сразу предупреждаю, что на ближайшие два месяца все расписано, только на ноябрь, — ответила сотрудница.

— Если можно — сделайте исключение, мы из Порогов, — попросил Егор.

— Из Порогов? — переспросила другая девушка, — кто вы?

— Сибирцев Егор Борисович и Самохина Антонина Антоновна. Ждать нам...

— Егор Борисович, — перебила его молодая женщина и поклонилась в пояс, — спасибо вам доктор за мужа. Пройдемте ко мне.

Егор с Тоней глянули на дверную табличку: «Заведующая ЗАГСом».

— За мужа? — переспросил удивленно он.

— Зуев Николай, помните?

— А-а, да, да, помню, конечно, огнестрельное ранение в грудь. Как он сейчас?

— После ваших замечательных рук, доктор, даже следа от раны не осталось. Работает Коля, мы про вас каждый день вспоминаем. Вы когда хотели зарегистрироваться?

— В пятницу.

— Понятно. Что там у нас, девочки, по пятнице? Хотя и так ясно. Вы же здесь зарегистрируетесь, а свадьбу в Порогах играть станете?

— Конечно, — ответил Егор.

— У нас регистрация начинается с двенадцати часов и до шести вечера, все по минутам расписано и не хотелось бы кого-то передвигать — не поймут люди. Но мы можем вас зарегистрировать в одиннадцать тридцать и в Пороги вовремя вернетесь.

— Отлично, — ответил Егор и Тоня согласно кивнула головой.

— Так, девочки, все слышали — принимаем заявление. А вы, Тоня, берегите своего будущего мужа, замечательный он у вас Человек. Все девушки России вам станут завидовать, не загордитесь и любите его по-настоящему, от всего сердца и души.

Егор с Тоней купили обручальные кольца и костюм Егору, платье невесты жениху видеть заранее не полагалось.

В пятницу деревянные столы ставили прямо на проезжей части дороги. Накрывали клеенками и расставляли посуду. К возвращению молодых из Североянска все было готово. Егор удивился изобилию — на столах рыба разных сортов, вареное и жареное мясо, вареный картофель, огурцы, помидоры, грибы... Баянист и аккордеонист играли марш Мендельсона. А людей то сколько — вся деревня и даже грудные ребятишки на руках матерей. Егор с Тоней подошли к столу, где во главе рядом были поставлены два вертящихся кресла типа административных. Музыка стихла и слово взял Румянцев, глава поселковой администрации:

— Уважаемые Егор Борисович и Антонина Антоновна, дорогие сельчане! Все мы рады вдвойне, втройне и в тысячу раз, что в нашей деревне появился такой замечательный доктор, который выбрал себе в спутницы жизни не кого-то там, а именно нашу сельчанку, нашу деревенскую девушку Антонину Антоновну. Сколько вы принесли людям счастья, скольких исцелили от болезней — здесь знают все. Многим людям вы дали, Егор Борисович, самое дорогое в жизни — здоровье. Каждый из нас готов поклониться вам в ноги, обнять и расцеловать обоих. За новую семейную ячейку Сибирцевых — горько!

Тысяча голосов подхватила последнее слово, Егор поцеловал Тоню в губы, слыша, как

считают народ — раз, два, три...

Ближе к семи вечера раздался вой полицейских сирен — то половина отдела прибыла на свадьбу вместе с главным врачом больницы и заведующим хирургическим отделением. Первым поздравлял молодых солидный полицейский полковник:

— Уважаемые Егор Борисович и Антонина Антоновна! Все мы рады это свадьбе безмерно, потому что великий доктор выбрал нашу девушку, не городскую, а значит будет работать здесь и творить чудеса. Именно чудеса, другим словом это не назовешь, глядя на коллегу Николая, — он похлопал его по плечу, — народ не ошибается, называя вас Егор-чудотворец. Долго мы размышляли всем отделом, как поздравить вас, что подарить? В деревне каждый человек охотник и Антонина Антоновна в том числе. И вы, Егор Борисович со временем приобщитесь к охоте, поэтому мы дарим вам карабин «Тигр» с хорошей оптикой, патронами и готовым разрешением на нарезное оружие. Пришлось воспользоваться служебным положением и скопировать ваши паспортные данные из ЗАГСа. Но и это не все — оружие должно храниться в сейфе и сейф тоже привезли вам, дорогие молодожены. Горько!

После этого слово взял главный врач районной больницы. Поздравлял молодых и подарил японский спиннинг с набором блесен, крючков и мушек.

— Мама, — тихонько обратилась к ней Тоня, — почему они все меня по отчеству называют?

— Потому, что ты теперь Сибирцева, а не Самохина — понимать надо, — так же тихо ответила она, — уважают люди Егора Борисовича, а через него и тебя.

Гуляли долго, до темноты, молодые ушли в дом, женщины постепенно разносили посуду по домам. Сами столы разбирали уже утром в субботу.

Самохины забрали свою посуду и часть продуктов с самогонкой. Все унесли в дом и присели на крылечко. Было уже прохладно и они накинули тужурки на плечи. На небе ни облачка, ярко светили и мерцали звезды. Они дали телеграмму в город, и их сын Андрей приехал как раз к свадьбе, не успев даже переговорить толком с родителями.

— Папа, вроде бы Тонька не гуляла ни с кем и тут на тебе — свадьба. Что это за мужик Егор, почему с ним так все вежливо и Тоньку даже по отчеству зовут. Он миллиардер что ли и Тонька беременна, если так быстро свадьбу сыграли?

— Андрей, Егор Борисович мой начальник. Он главный врач нашей больницы, — ответила за отца мать.

— Ну и что, подумаешь — шишка?

— Ты поосторожней со словами, сынок, Егор Борисович тебе близкий родственник теперь и ты должен уважать его.

— Уважать... за что? Заслужит — буду уважать, а пока не за что, — возразил Андрей, — вы каждого врача готовы на руках носить, и он не кандидат наук, не профессор. Обыкновенный деревенский лепила, которому в городе из-за плохих знаний места не нашлось.

— Андрей, Егор Борисович великий доктор, все профессора вместе взятые против него одного букашки маленькие, козявочки. Ты же слышал, как его называют — Егор-чудотворец.

— Чудотворец... — усмехнулся Андрей, — в цирке тоже фокусников много.

— Он не фокусник, а великий доктор, — отец взял Андрея за грудки, — тебе понятно? И он муж моей дочери, твоей сестры.

— Да понятно, отец, понятно. Чего ты рассвирепел-то?

Он ничего не ответил, бросил одно:

— Пойдем, Клава, спать. Город, как видишь, людей сильно портит.

Утром Андрей встал пораньше, когда родители еще спали. Вымыл лицо, глотнул чая и пошел на улицу, заметил на лавке у дома Сашку Черных, подошел. Он хорошо помнил, что тот переболел в раннем детстве ДЦП и после этого уже никогда не ходил. Профессора разводили руками — ничего сделать нельзя.

— Привет, Саша, как дела, решил с утра на солнышке косточки погреть?

— Нормально, Андрей Антонович, не спалось что-то.

— И ты туда же... Вы че все здесь — головой тронулись? — удивленно спросил Андрей.

— В смысле... не понял?

— Тоньку зовете и меня по отчеству.

— А-а, ты про это. Так не можем мы по-другому — Егор Борисович уважаемый человек.

— Расскажи, Саша, я вчера прямо на свадьбу попал, не знаю ничего. Что это за Егор Борисович такой?

— Так че тут рассказывать? Ты же знаешь, что я всю жизнь без ног.

— Ну...

— Вот тебе и ну. Егор Борисович приехал и прооперировал меня, я в одночасье ходить стал.

Черных встал и прошелся.

— Видишь? — спросил он.

— Ни хрена себе — это как?

— А вот так. Я потом профессорам написал — они не верят, утверждают, что розыгрыш. Мне по фигу их вера, когда у нас Егор Борисович есть и хожу я, топаю своими ножками. Козлы вонючие они, а не профессора.

— Спасибо за объяснение, Саша.

— Да не за что, ты надолго домой?

— Не знаю, посмотрим, — ответил Андрей и отправился обратно домой.

Удивленный, он присел на крыльце. Как такой светил науки в деревню попал? Оказывается, вот за что его чудотворцем все зовут, действительно чудеса творит, это факт. Как Тонька то его выцепила? Молодец сестричка, не промах. Да чего там — жили бы хорошо только.

Родители уже встали и мать позвала его завтракать. В обед, не раньше, решили молодых навестить все семьей.

— Молодые... пусть понежатся утречком. Эх, мать, — вздохнул он, — где наши годы? Тоже молодые были когда-то.

— В них наши годы, Антоша, — ответила она и обняла сына, — будем внуков теперь дожидаться от дочери, потом и Андрей женится.

— Ты надолго домой, когда обратно собираешься ехать? — спросил отец.

— Надолго, папа, пнули меня из института. На совсем вернулся. Не хочется рассказывать, а придется. Подставили меня с наркотиками. Даже месяц пришлось в СИЗО отсидеть, но разобрались и отпустили. Не виновен я ни в чем. Принес справку из полиции о своей полной невиновности, но в деканате сказали, что все равно я замаранный и отчислили. Говорили мне, что можно в суд подать и восстановят в две минуты. Но не хочу связываться, опротивели мне все эти рожи деканатские, да и экономика не мое дело, это я понял точно.

— Ладно, сынок, не грусти, тайга всех кормит, и мы не пропадем. Руки, ноги есть —

чего еще надо, — ответил отец.

В обед вся большая семья собралась у Сибирцевых. Выпили по рюмочке за молодых, и отец завел разговор:

— Андрей насовсем домой вернулся, понял, что экономика не его стезя и оставил институт. В следующие выходные картошку копать станем. Выкопаем и уйдем с Андреем в орешник на месяц. Куль ореха себе оставим, остальное сдадим — деньги не лишними будут. Снег выпадет — на охоту уйдем, что добудем, то и добудем. Зимой надо бы еще лес заготовить для будущего дома и новый вам поставить летом, Егор Борисович, попросторней, получше. Соседний пустует, снести его и ставить большой, на две семьи с разными входами — Андрею тоже не вечно жить с нами. Вот такие наши семейные планы на ближайшее будущее.

— Есть маленькие возражения, Антон Николаевич, — не согласился Сибирцев, — Во-первых, я для всех присутствующих не Егор Борисович, а просто Егор и на «ты». Во-вторых, в следующие выходные дожди зарядят дня на три, картошку копать надо раньше.

— Я метеосводку слышал, в выходные наоборот обещают ясную погоду, — возразил Андрей.

— Нет, Андрей, на метеорологов мы ориентироваться не станем. В субботу дождь с утра польет, сам потом убедишься. Теперь насчет дома — дом, наверное, надо ставить на хорошем фундаменте из листовка и не здесь, а за последней улицей, подальше от речки, там метров на сто выше, чем здесь. Тут подвалы сыреют от близких грунтовых вод. Яму заранее вырыть для подполья и скважину пробурить, чтобы в любое время вода была чистая и питьевая. Поставить бойлер, будет горячая и холодная вода, ванна, душ, туалет теплый. Гостиницу необходимо рядом поставить мест на десять, а лучше на двадцать. Личную гостиницу, не поселковую.

— Гостиницу то зачем? — удивился Самохин старший.

— Очень скоро ко мне больные станут из Североянска ездить. Не наш участок, но принимать придется и плату я с них за лечение брать не смогу. Но из города тоже приезжать станут и из других городов — тех бесплатно лечить не стану, пусть раскошеливаются. Но и драть, как в Германии или Израиле тоже не буду, трети стоимости вполне хватит для нас. Нашу участковую больницу скоро закроют — больных то нет в деревне больше. Я ее выкуплю и оформлю частную клинику, возьму на работу только Клавдию Ивановну. Вдвоем мы вполне справимся. Но можно и не строить гостиницу. Мое дело лечить, а не людей размещать, сами найдут у кого остановиться зимой. Летом и этого не потребуется чаще всего.

— Сколько в Германии или Израиле лечение стоит? — спросила Клавдия Ивановна.

— По-разному, от пятидесяти до ста тысяч и более. В Евро, конечно. По-нашему курсу это от трех до шести миллионов рублей без каких-либо гарантий на излечение. Поэтому миллион-два с гарантией — это совсем не много. Юрист нужен хороший, чтобы потом придинок от экономических правоохранительных служб не было, законно все оформить необходимо. Ничего не поделаешь — у нас рыночная экономика, а бесплатная медицина только в Конституции.

Самохины услышали, но не совсем еще поняли суть сказанного. Сибирцев и не пытался им это растолковать. Тоня просмотрела его гардероб и поняла, что на осень, зиму и весну у него ничего нет. Придется ехать в Североянск и все покупать. Но на чем ехать?.. Эта вечная проблема с транспортом. Они все же нашли попутку и уехали.

Тоня шла под ручку с Егором по райцентру и ее прямо распирало от счастья — она замужем за своим любимым Егорушкой. Тоню знали в Североянске многие, о Сибирцеве были наслышаны и в магазинах их узнавали, что было особенно приятно ей. Они накупили столько, что все с собой за один раз унести невозможно. Только из обуви пришлось приобретать сапоги, валенки, унты, ботинки. Все покупки они оставили в магазине. Егор повел Тоню в автомагазин, где как раз в наличии оказался УАЗ Патриот — машина для села подходящая, вездеход и с комфортом. Из миллиона подъемных он практически потратил немного и автомобиль купил сразу же. Зарегистрировал быстро в местном ГИБДД и получил номера. Слава доктора все-таки действовала и все вопросы решались мгновенно. Купленные вещи загружали уже в собственный автомобиль. Тоня ехала домой не на автомобиле, она ехала на седьмом небе от счастья.

Родители увидели, что открылись ворота у Сибирцевых и во двор въехала машина.

— К Егору кто-то из города приехал, пойдем, Клава, посмотрим, — произнес Антон.

— Почему из города?

— Машина не наша и во двор заезжает, значит, ночевать гости будут. Родни у него нет, друзья, наверное, — ответил он.

Смотреть пошли вместе в Андреем. Зашли в калитку — Тоня вытаскивала из салона купленную одежду. Увидев родителей, обрадовалась, бросив все назад.

— К Егору друзья приехали? — спросил отец.

— Какие друзья? — не поняла Тоня.

— Ну, вот, — отец указал на машину.

— А-а, — улыбнулась дочь, — это наша машина, Егор купил, — она погладила ладошкой автомобиль.

— Ничего себе... классная вещь, подходящая для деревни, — похвалил отец.

— Папочка, как на ней ехать хорошо — не трясет, как в грузовике или автобусе, здорово!

— А я о такой и не мечтал даже, — вздохнул отец, — всю жизнь хотел снегоход купить, но где деньги взять? Помню: как-то завалил сохатого килограмм на семьсот, здоровенный самец, разделал его, взвалил на себя килограмм пятьдесят и домой. На следующий день возвращаюсь к туше, а там только кости обглоданные, все волки съели. Был бы снегоход — за два раза все бы приволок. Рад за тебя доченька, теперь в район можно в любое время ездить.

Егор слышал разговор, но не подал вида, слово вышел во двор только что.

— Попутка случайно подвернулась, и мы с Тоней в Североянск уехали, вас не предупредив. Из теплой одежды у меня ничего не оказалось, накупили целую кучу — в руках не унести, пришлось машину купить. Нравится? — спросил Егор.

— Еще бы, конечно нравится, — ответил отец, — и проходимость у него хорошая, клиренс высокий. Как раз для нашего бездорожья автомобиль.

Во двор вбежала медсестра Аня, поздоровалась со всеми.

— Егор Борисович, там комиссия из города приехала и Яковлев с ними, сердитые все до ужаса — врача нет, фельдшера тоже. Я им сказала, что вы на обед ушли, больных все равно нет никого.

— Егор, я действительно на обед ушла, никого в больнице не было, — оправдывалась Клавдия Ивановна.

— Обед — есть обед, законное время. Спасибо, Аня, что прибежала, мы сейчас

подойдем с Клавдией Ивановной, у нас есть еще пятнадцать минут.

Егор с тещей вошли в больницу, поздоровались со всеми.

— Егор Борисович, комиссия из министерства здравоохранения области прибыла с проверкой. Это начальник отдела организации медицинской помощи населению Звонарева Эльвира Валерьевна и две ее сотрудницы, — сообщил Яковлев.

Сибирцев видел, что приехавшие недовольны, видимо, привыкли, что их хлебом-солью встречают, а тут и врача в больнице не оказалось.

— У нас целевая проверка, Егор Борисович, не комплексная. Перед поездкой я ознакомилась с вашим личным делом, переговорила с вашим наставником по интернатуре. Прекрасная характеристика — красный диплом и неплохие способности. Собственно, у нас один вопрос — откуда возникают слухи о неземных операциях и лечении?

— Какие слухи, Эльвира Валерьевна, понятия не имею? — ответил он.

— Так это вы, Семен Петрович, и вы, Аркадий Гайдарович слухи распускаете и меня пытались убедить? — спросила она, глянув на главного врача района и заведующего отделением.

— Эльвира Валерьевна, можно подробнее — что за слухи? — попросил Сибирцев.

— Можно и подробнее, — она ухмыльнулась, — например, этот хам полицейский. Я его осмотрела лично — ни о каких ранениях там и речи быть не может, кроме фантастических сказок.

— Вы, наверное, про Зуева говорите, вот его амбулаторная карточка, посмотрите.

— Амбулаторная карточка? Почему она здесь, а не в ЦРБ — он же в Североянске живет, как я поняла.

— Совершенно верно, Эльвира Валерьевна, вы прочтите, — предложил Егор.

Звонарева открыла карточку, стала читать:

«Зуев Николай Васильевич, старший лейтенант полиции... Объективно — входное пулевое отверстие размерами 1,5 на 1,5 сантиметра по средней подмышечной линии четвертого межреберья справа. Открытый пневмоторакс.

Лечение — проведена операция по методу Сибирцева. Пуля калибра 9 мм извлечена из средостения.

Диагноз — здоров».

— Это что за бред, Егор Борисович, выходит, что слухи лично вы распускаете. Какой еще метод Сибирцева, какая операция? Как может быть здоров человек при таком ранении? Чушь абсолютная. Вы у психиатра давно были? Пишите объяснение. Я не полномочна снимать вас с должности, но полагаю, что главный врач района сделает это незамедлительно.

— Никакого приказа не будет. Можете меня снимать с должности, а к психиатру вам самой надо, — ответил Яковлев и ушел, хлопнув дверью.

Оскорбленная Звонарева округлила глаза и не могла ничего произнести.

— Эльвира Валерьевна, — попытался успокоить ее Костромин, — я сам на этой операции присутствовал лично. В том то все и дело, что Егор Борисович оперирует так, что после не остается и следа, не то что рубцов.

— Сговорились, — ударила кулаком по столу Звонарева, — вы все у меня безработными завтра же будете.

— Дядя Егор, дядя Егор, — закричал вбежавший в кабинет мальчик лет десяти, — Саше на пилораме руку оторвало.

— Что за Сашка, где он? — спросил быстро Сибирцев.

— Внук бабы Дуси, его сюда тащат, а я вперед прибежал, чтобы предупредить.

В кабинет влетел запыхавшийся рабочий с пилорамы, неся на руках окровавленного пятилетнего мальчика, пережав ему плечо своей пятерней вместо жгута. Мальчик уже не кричал от боли, а только постанывал. Егор подошел быстро:

— Спокойно, останавливаем кровотечение... ты, Саша, поспи, так тебе легче будет.

Сибирцев взял уснувшего ребенка на руки, скомандовал медсестре:

— Быстро простынь чистую на стол и тазик с водой.

Медсестры метнулись — одна постелила простынь, другая принесла тазик.

— Где его оторванная рука? — спросил он рабочего.

— Не знаю, на пилораме, наверное, осталась.

— Бегом за ручкой и сюда ее быстро.

Самохина принесла салфетку и накрыла рану. В кабинет вбежала запыхавшаяся баба Дуся, неся с собой отрезанную по середине предплечья руку мальчика.

— В опилках нашла, — произнесла она с трудом от шока и бега на старости лет, отдавая доктору отрезанную конечность, — слава Богу, что вы здесь спаситель наш апостол Егор-чудотворец...

Бабушка упала на колени и стала молиться. Егор, не обращая внимания, опустил принесенную руку в таз с водой, отмыл конечность от опилок, крови и грязи. Видя отрезанную руку мальчика в тазике, Звонарева упала в обморок.

— Этого мне еще не хватало, Клавдия Ивановна, дай ей нашатыря.

Пинка бы ей дать, а не нашатыря, подумала Самохина.

Звонареву привели в чувство, и она молча смотрела на происходящее своими большими округленными глазами. Доктор обмыл водой и остатки предплечья мальчика, потом приставил отрезанную конечность.

— Асептика уже проведена. Включаем антисептику раны, освежаем поверхности и начинаем энергетическое сращивание тканей.

Клавдия Ивановна поняла, что Егор говорит это только для приехавших. Через минуту она протерла руку мальчика влажной салфеткой и вытерла слезки на его личике.

— Сашенька, ты в полном порядке, пора просыпаться, — произнес ласково Егор Борисович.

Мальчик открыл глаза и улыбнулся. Баба Дуся запричитала:

— Апостол ты наш Егор-чудотворец, спасибо тебе, спасибо.

— Баба Дуся, какой я апостол, чего вы ерунду несете, — он поднял ее с колен, — домой ступайте, с внуком все в порядке и пусть больше к циркулярной пиле не лезет.

— Дяденька Егор, а почему я в больнице? — спросил маленький Саша.

— Бабушка тебя привела, Сашенька, ты уснул на пилораме, когда играл, видимо, плохо спал ночью, вот бабушка и испугалась. Ручки не болят, кулачки сожми, разожми.

— Не болят, дяденька Егор, — ответил мальчик, вертя ручками и сжимая кулачки.

— Веди бабушку домой, Сашенька.

— Пойдем, бабушка.

Он взял ее за руку. Она так и пошла, крестясь на ходу.

— Дяденька Егор, дяденька Егор, — засмеялась Звонарева и тоже закрутила ручонками сжимая и разжимая кулачки.

— Эльвира Валерьевна, что с вами? — спросила ее коллега.

— Умом она тронулась. Везите ее домой и покажите психиатру — я хирург, извините, ей другой специалист нужен, — пояснил Сибирцев.

— Дяденька Егор, дяденька Егор, — продолжала смеяться и крутить руками Звонарева. Шокированные коллеги увели ее из больницы.

— На этом проверку будем считать законченной, — констатировал Сибирцев, — уберите здесь все и отдыхать. Сегодня больных больше не будет.

Егор с тещей вернулись домой. Клавдия Ивановна захлеб рассказывала мужу, сыну и дочери о произошедших событиях. Тоня уже знала многое о муже, а Андрей слышал подобное впервые. Он не мог не поверить матери.

Тоня, принеси мне самогонки с соленым огурчиком и отцу с Андреем, если желают, — попросил Егор.

Он выпил полстакана залпом, похрустел огурчиком и заговорил:

— Почему я должен доказывать этой дуре чиновнице свои возможности? Той, которая в своей жизни ни одной раны на свете не зашила и все время в кабинете сидит. Почему?

Клавдия Ивановна подошла и обняла зятя.

— Успокойся, Егор, ты все правильно сделал. Доказывать придется потому, что ты единственный и никто из врачей этого делать не умеет.

— А если бы этот маленький Саша не отрезал себе руку на пилораме, то меня бы элементарно выгнали с работы. За что — за обман, за непрофессионализм? Мне надо было ему культу зашить, и он бы всю жизнь безруким жил, так что ли?

— Успокойся, Егор, ты же знаешь, что все наладится со временем, — продолжала говорить Клавдия Ивановна.

— Знаю я все, знаю...

Отмахнулся он и допил самогонку. Посидел с минуту молча, склонив голову и продолжил:

— Так больше нельзя, надо что-то решать конкретно, и мы это решим все вместе. Я вот о чем попрошу вас, Клавдия Ивановна, вы вернитесь в больницу и позвоните Яковлеву и полковнику этому полицейскому, что на нашей свадьбе был. Попросите приехать ко мне сегодня после работы и нашего Румянцева пригласите. Соберемся все вместе, присутствие родственников обязательно, и решим проблему. Наверное, не решим, но определимся в дальнейших действиях. Я пока отдохну пару часиков на диване.

Егор встал и ушел в дом, Клавдия Ивановна пошла звонить, а Андрей спросил:

— Тоня, ты жена, мама фельдшер — это понятно. Мы то с отцом что можем решить?

— Не знаю, Андрей, но если Егор попросил — надо быть, он знает, что делает.

— Мы будем, я не об этом, непонятно просто все.

— Вот вечером и поймешь, — ответила Тоня.

Через несколько часов собрались все в доме Сибирцевых, приехал с Яковлевым и Костромин.

— О сегодняшней целевой проверке и ее последствиях знают все присутствующие. И она не последняя. Только теперь станут приезжать главные хирурги, профессора с области, потом из Москвы и неизвестно чем все закончится. Выгонят нас с работы или нет, — он посмотрел на Яковлева и Костромина, — я не знаю и ни в чем не уверен. Скорее всего выгонят — такой врач в деревне опасен для профессорского имиджа. У меня есть предложение — необходимо пригласить прессу, центральное телевидение, пару маститых профессоров и продемонстрировать им хотя бы одну операцию. Пусть это покажут по

телевизору, тогда никому не удастся уволить нас по-тихому и по громкому тоже. Но тут есть другие особенности, которые коснутся лично моей семьи, поэтому они все здесь как полноправные участники нашего неформального совещания. Коснется это деревни, — он глянул на Румянцева, — главного врача района и полиции. Пока в министерстве здравоохранения станут обсасывать и решать проблему — сюда повалят толпы больных людей и журналистов, которые попытаются засунуть свой нос всюду. В каждый дом, в каждую щелку, сфотографировать, особенно что-то необычное. И преподнести народу в своей интерпретации. Сейчас все здесь тихо и спокойно, но после передачи по телевизору на каждом миллиметре ворот, забора и телеграфном столбе будет висеть по журналисту, оператору и прочей братии СМИ. По деревне спокойно не пройдешь, полиции дополнительные силы для охраны никто не выделит. А главное, что в СМИ будет девяносто процентов вранья и выдумки, но в предположительном аспекте, за что наказать их, естественно, нельзя. Кончится наше спокойствие, господа. Какие мысли возникли в ваших головешках? Увольняться самим, жить за счет огорода и тайги или приглашать на операцию телевидение с профессорами?

— Зачем увольняться, — произнес Андрей, — пусть журналисты приезжают, что в этом плохого?

— Андрей, — нахмурился Егор, — я бы хотел посмотреть на тебя, когда ты даже покакать без вспышек фотоаппарата не сможешь. А ночью вся деревня не выспится от лая собак.

— Если показать вашу операцию по центральному телевидению, то это вызовет эффект разорвавшейся атомной бомбы, — заговорил главный врач, — Бог с ними, с журналистами, но что мы станем делать с наплывом больных? Они же тысячами сюда поедут и каждый со своей болью и надеждой на спасение.

— Больных можно будет предупредить в том же эфире, чтобы зря не ехали. Пусть пишут на адрес больницы и ждут приглашения, без приглашения их не примет никто, — посоветовал Костромин, — и вы не обязаны принимать больных не с вашего участка.

— Экстренно нуждающихся в помощи обязан принимать любой врач, дававший клятву Гиппократу. Хорошо, пока остаемся без решения. Посмотрим, как отреагирует на события олбздрав. Уволят — обратимся к прессе, тогда у меня будет моральное право в отказе больным: я уволен, — подвел итог Сибирцев. — Спасибо, что подъехали и выслушали меня.

Полицейский полковник уезжал из Порогов в задумчивости. Сибирцев, конечно, великий доктор, тут ничего не скажешь, но если понаедут журналисты и куча больных, то это может сильно залихорадить его отдел. Правильно доктор сказал — никто ему дополнительных сил не даст. Начальство не обрадуется моему звонку, но на опережение я все-таки сыграю, это поможет мне выстоять в будущем.

На следующий день он набрал номер приемной генерала Обухова Алексея Юрьевича, начальника УМВД, его соединили.

— Здравия желаю, товарищ генерал, начальник Североянского отдела полковник Ленский. Как здоровье, не собираетесь к нам на охоту, сохатого нынче много?

— Здравствуй, Анатолий Харитонович, спасибо, дел много, слушаю тебя.

— Вы помните, что у нас опера ранили, а местный доктор его к жизни вернул? Пуля ему легкое пробила насквозь и застряла в сердечной сумке. Местные хирурги сразу сообразили, что не смогут операцию сделать и на скорой его повезли в Пороги, такая деревня у нас есть в десяти километрах. По дороге у него сердце остановилось, дышать перестал, но успели

довезти, доктор Сибирцев его оперировал и вернул к жизни. Зуев — это наш опер, уже через пять минут к службе приступил после операции. Фантастично, конечно, но факт, и я не по этому поводу звоню, Алексей Юрьевич. Этот доктор Сибирцев всех так оперирует, а врачи в области не верят, недавно комиссию с проверкой отправили. Тут как раз в их присутствии пятилетнему мальчику на пилораме руку циркулярной пилой отрезало по локоть, ручонка отлетела и упала в кучу опилок. Доктор Сибирцев пришил ручку так, что мальчик через минуту бегал, прыгал, а на руке никаких следов не осталось, даже шрама. Все это на глазах областной комиссии происходило, их начальница умом тронулась, глядя на такое, но что они там решат в облздраве — это их дело. Меня другое беспокоит — ожидается массовый наплыв больных к нам, люди тысячами поедут к этому доктору Сибирцеву, журналисты, как воронье слетятся. Сами понимаете, к доктору с деньгами поедут, обворуют кого, а эти чайки журналистские такой гвалт поднимут, что мама не горюй.

— От меня ты чего хочешь, чтобы я приехал у вас порядок обеспечить?

— Товарищ генерал, но зачем же так-то? Вы знаете, что мы работаем и наш отдел не на последнем месте в области по результатам. Из Москвы могут очень солидные люди приехать. Сейчас самые тяжелые больные едут в Германию и Израиль оперироваться за миллионы без гарантии, а в наших Порогах прооперируют с гарантией. Я думаю, что ни один министр или олигарх больше в Германию не потащится. Пока у нас тихо, журналисты вопрос не раздули, но уверен, что скоро огромный костер вспыхнет. Поэтому и звоню, товарищ генерал, чтобы вы обстановкой владели — ничего более.

— Ты мне составь подробную справочку на этого Сибирцева. Всего доброго.

Уже вечером он получил информацию, ознакомился и сидел, раздумывая — позвонить министру здравоохранения области или нет? Тот позвонил сам.

— Здравствуй, Алексей — Кириенко беспокоит. Как настроение, здоровье?

— Здравствуй Аркадий, все нормально, у тебя как?

— Тоже вроде бы ничего. Врач у меня один в деревне объявился...

— Сибирцев что ли? — перебил его генерал.

— Ты уже в курсе? — спросил удивленно Кириенко.

— А как же — работа у меня такая, — ответил довольно Обухов.

— И что думаешь?

— Что думаю? Это уж извини, по моему ведомству он чист, как стеклышко, — ответил генерал.

— Да-а... мы тут как раз собирались... обсуждали. Как ты считаешь, Алексей, правда он так оперирует?

— Аркадий, ты ничего не попутал? Врач задает вопрос полицейскому об операциях. Но одно могу сказать тебе уверенно — Сибирцев не одну сотню больных вылечил, каких вы называете неоперабельными и неизлечимыми.

— Я думаю его на аттестационную комиссию вызвать и посмотреть, что он в реалиях может. Как ты считаешь? Я к тебе, как к товарищу обращаюсь, а не как к начальнику УМВД.

— Как к товарищу... Какой у тебя повод, Аркадий, его аттестовать? Он же никого не зарезал на операции. С его энергетическим скальпелем и шовным материалом твои профессора все равно не разберутся. Он хирург, у него красный диплом. Повод, конечно, можно найти, например, категорию ему присвоить внеочередную. Но ты лучше не бойся задницу свою растряссти и съезди к нему сам. И не с комиссией, а поговорить по-человечески. Будешь ему помогать — будет тебе почет и слава. Таких людей беречь нужно,

на Западе его никто аттестовать не станет, а дадут лучшую клинику и виллу с кораблями. Вот так вот, дорогой мой доктор.

— Что-то ты сильно за него ратуешь, Алексей, — недоверчиво произнес Кириенко.

— Но ты же сам ко мне обратился, как к товарищу. Мне, полицейскому, твой доктор Сибирцев может принести только проблемы и ничего более.

— Это почему же?

— Аркадий, неужели ты не понимаешь, что как только он прозвучит в эфире, так и попрут сюда толпы больных людей и журналистов. А массовое скопление богатых людей повышает уровень преступности. Этот Североянск и Пороги — тоже моя территория, как и твоя.

— Спасибо, Алексей за совет.

Кириенко положил трубку и стал рассуждать. Обухов явно на стороне Сибирцева, но почему, если тот ему только одни проблемы доставит? Нет, здесь что-то не так. Ну конечно же, связи. Не только простой люд поедет, но и важные персоны. А я и не допер сразу, дурак старый. И персоны эти на стороне Сибирцева все будут, они любого из нас в порошок сотрут, если что не так.

*Тихо подкралась желтая осень,
Саваном листьев покрыта земля,
Только иголки разлапистых сосен
Зеленью мокнут в каплях дождя.*

*Рисуется осень колером ярким,
Бежевым цветом оделись луга,
Солнце не греет лучиком жарким,
Шуршит ностальгией сухая трава.*

*Танго кружит по земле листопадом,
Рябью разлилось по тихой реке,
Ночь удивляет своим звездопадом,
Словно резвится на млечном песке.*

*Багряные краски на листьях осины,
Золотом манит березы листва,
Алые гроздья на ветках рябины —
Осень вступила на время в права.*

*Скоро и осень снежком припорошит,
Саваном белым накроют снега,
Только снегирь тишину потревожит,
Кровью рябины, брызнув слегка.*

(стихи автора)

Тихо подкралась желтая осень... Сопки местами пожелтели, где были березы, но в основном остались зелеными, чуть потемнев. Где-то вообще поредели — то лиственницы сбросили хвою. Днем еще грело солнце, но к вечеру уже приходилось накидывать телогрейку на плечи — в рубашке не посидишь. Даже вода в речке потемнела немного. Опустила деревня — мужики ушли за кедровым орехом. Себе добыть на зиму и продать большую часть.

Тихо... собаки не лают, тоже ушли вместе с хозяевами в тайгу. Из взрослых мужчин в Порогах остался один Егор. То дома находился, то в больнице — в деревне без разницы, найдут и дома, не смотря на часы работы.

В один из таких дней он с Клавдией Ивановной находился в больнице. Попили чайку и собрались домой.

— Раньше не так было, Егор, продыху от работы у меня не было, — говорила Клавдия Ивановна, — много в деревне бабулек и ходили ко мне часто. Уколы медсестры делали, я прием вела... А теперь тишина, все здоровые и никто в больницу не ходит. Закроют

больницу нашу или нет?

— Почему ее должны закрыть? — спросил вошедший мужчина в возрасте, — Здравствуйте. Вы извините, я случайно частично ваш разговор подслушал.

Он осмотрелся. Большой стол за которым сидели четыре женщины в белых халатах и один мужчина. На столе пустые стаканы из-под чая, видимо, только что закончили трапезничать. Больных — ни души.

— Здравствуйте, — ответил за всех Егор, — вы не из нашей деревни. На прием ко мне или другие вопросы имеются?

— Совершенно верно, я не из вашей деревни. Кириенко Аркадий Викторович, министр здравоохранения области, а вы, я полагаю, Егор Борисович?

— Так и есть, это Самохина Клавдия Ивановна, фельдшер, до меня здесь больницей командовала, это медсестры Аня и Света, санитарка тетя Галя. Присаживайтесь, чайку?

— Спасибо, коллега, еще раз извините, но почему больницу должны закрыть?

Он посмотрел на Клавдию Ивановну, а она в свою очередь на Сибирцева. Он ответил:

— Раньше больных действительно было много — и диабетиков, и астматиков, и с ишемической болезнью сердца, и туберкулезники и так далее. Я приехал и месяц без выходных работал, а сейчас все здоровые. Зачем здоровым людям в больницу ходить? Поэтому и интересовалась Клавдия Ивановна этим вопросом.

А вы как думаете сами?

— Я думаю, что министр решит этот вопрос правильно, — ответил уклончиво Сибирцев.

Кириенко улыбнулся, хмыкнул.

— Мой визит неофициальный. Я приехал не с проверкой, а поговорить с вами, Егор Борисович.

— Поговорить? Хорошо. Тогда лучше ко мне домой — все равно больных нет. В деревне врача, если он необходим и дома найдут в любое время суток.

Тоня быстро накрыла на стол, время как раз обеденное. Мужчины перекусили, выпили немножко и остались одни. Егор вначале хотел оставить женщин, но потом понял, что министру тэт а тэт разговаривать удобнее.

— Егор Борисович, скажу сразу же честно, что определенных мыслей на счет ситуации и вас у меня нет. Не правильно сказал, я имел ввиду ваше профессиональное будущее. Но есть уверенность, что мы совместно выработаем правильную политику. Хотелось бы поговорить открыто, без дипломатии и недоговорок.

— Что ж, я этому рад, Аркадий Викторович. Участковая больница, как таковая, в Порогах действительно не нужна в ближайшем будущем. Я планирую весной следующего года начать строительство своего дома и рядом частной клиники, допустим на десять одно-двуместных палат. Пока живу здесь и принимаю больных в участковой больнице, потом ее можно будет закрыть. Что потребуется от вас, Аркадий Викторович — это ваш лицензионный отдел, то есть получение лицензии на общую практику и на хирургическую. Вы подумайте, как это лучше сделать, чтобы меня потом не смогли взять за жабры определенные структуры. Чтобы я мог проводить нейрохирургические, кардиологические, офтальмологические и так далее операции. Чтобы были утвержденные расценки пониже, чем в Германии, например, но и достойные. Хотелось бы получить это все побыстрее. Как только все это будет — можно начать прием больных. Как я это вижу — вы лично и только вы направляете ко мне больных. Почему только вы? Полагаю, что вам будут интересны их

возможности и связи. Ко мне попасть невозможно, но вы этот вопрос решаете. Принимать я стану по десять человек в день кроме субботы и воскресенья. Завтра поеду в район, куплю себе хороший ноутбук и подключусь к интернету. Мы сможем переговариваться по скайпу и переписываться.

— Скажите, Егор Борисович, вы действительно можете лечить все?

— Практически да. Но с того света не возвращаю и ампутированные конечности не отращиваю. Любые виды и формы злокачественных заболеваний, в том числе лейкозы, пороки сердца, нервные заболевания, в том числе параличи, ДЦП и многое, многое другое. Лучше, конечно, ознакомиться с историей болезни или амбулаторной карточкой, посмотреть больного по тому же скайпу, например. Возраст больных может быть от грудного до старческого. Пусть узкие специалисты — гематологи, нейрохирурги, кардиологи, онкологи и так далее выходят на вас, и вы решаете, кого направить ко мне. Сейчас рыночная экономика, поэтому платно. Ваших родственников, Аркадий Викторович, приму бесплатно, естественно. Что теперь ответите вы?

— Я принимаю ваши предложения, Егор Борисович. А какие сроки лечения?

— В течение одного дня.

— А если...

— Неважно — в течение одного дня и быстрее.

— Да-а, сложно представить, что больной с переломом ноги может встать и уйти.

— Да хоть с переломом позвоночника. Но переломы ног я лечить не стану — это любой хирург-травматолог вылечит.

— А СПИД?

— Буду лечить и СПИД, но не часто, по необходимости. Эти больные мне не интересны. Вы когда домой собираетесь, переночуете у меня?

— Нет, спасибо за приглашение, Егор Борисович, поеду.

Кириенко уехал в город, не заезжая ни к кому — ни к главному врачу района, ни в администрацию. Он понял главное — благодаря Сибирцеву, он вратет в кресло капитально и его уже не выковырнуть никому, губернатор не решится уволить и поставить своего человека.

Егор решил не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Он уехал в райцентр следом за министром, купил в магазине два телевизора, спутниковые антенны и мощный ноутбук со спутниковой флэшкой интернета. Весь вечер дома устанавливал и настраивал антенны — у него получилось.

— Теперь мы не оторваны от мира, — довольно произнес Егор, — можем смотреть фильмы, новости, разные познавательные программы.

— Антон с Андреем вернутся из орешника — обалдеют, — добавила Клавдия Ивановна, — никогда в деревне не было телевизора, а тут множество каналов и прекрасное качество показа. Но как это, у нас же нет телевизора?

— Это спутниковые антенны, Клавдия Ивановна, они берут информацию прямо с космического спутника. Сложность лишь в том, чтобы правильно настроить антенну.

— Все-таки ты необычный зять, Егор, — она подошла и обняла его, подошла и Тоня.

Пообнимавшись с женщинами, Сибирцев включил ноутбук и стал просматривать фото и проекты деревянных коттеджей.

— Ты что делаешь, Егор? — спросила Тоня.

— Домик нам с тобой подбираю.

— В смысле?

— В том смысле, что какой мы будем строить летом, — ответил он.

Тоня вместе с матерью просмотрели дома, каждой понравился свой вариант, но Егор отверг все.

— Слишком маленькие и неуютные дома, — констатировал он, — две спальни, гостиная и кухня — ну что это за дом? Давайте считать вместе — нам с Тоней спальня, детям, предположим, что их будет двое — это уже три. Гостиная спальня и для родителей — пять. Две детские игровые комнаты и мой кабинет — восемь, меньше не получается. Вдобавок кухня, естественно, гостиные, два туалета, два душа с ваннами, котельная, складская комната — без этого тоже нельзя. Пристроенный гараж на две машины. Отдельно банька с сауной и бассейном, раздевалкой, холлом и комнатой отдыха.

— Зачем комната отдыха в бане? — удивилась Тоня.

Егор усмехнулся, произнес негромко:

— Возникнет у нас желание — в домик бежать?

Тоня покраснела, а Клавдия Ивановна, отошла, улыбнувшись. Но Егор вернул ее вопросом:

— Есть хорошие строители в деревне или из района придется приглашать бригаду?

— Егор, — отвечала она, — Антон на пилораме работает, лес всегда будет, а строить всей деревней станут, никто не откажется и денег не возьмет. Он же у меня и плотник, и столяр, почти все мужики в деревне строить дома умеют. Не переживай, за одно лето дом срубят.

— Но надо будет еще клинику частную построить, буду лечить приезжих за деньги. Против я платной медицины, но сейчас не Советский Союз, а рынок.

— И клинику построят, — уверенно ответила теща, — ты только проект дай, остальное мужики все сами сделают. Только не понимаю я — зачем ванна и душ в доме, воды же горячей нет и водопровода?

— Скважину пробурием метров на семьдесят или сто. Вода будет и водопровод. Все, как в городе. Бойлер и котельная на электричестве. А в гостиной камин сделаем — тепло, уютно, прелестно.

Какие бойлеры, что это такое? Котельная — топить надо углем... Но Клавдия Ивановна не высказала вслух непонимания, поживем — поймем, решила она.

Вскоре мужики стали возвращаться из орешника с кулями. Вернулся и Андрей, катя на узенькой тележке полный мешок кедровых орехов. Они набили десять кулей и теперь возили их домой по одному на тележке. Дороги в орешник для транспорта не было, приходилось вывозить добытое вручную по лесной тропинке. За два дня управились, затопили баньку, а вечером организовали небольшое застолье, посидели за столом всей семьей, выпили самогонки немного за успех.

— Ореха в этот раз достаточно, все вернулись с неплохим урожаем. Значит и соболь в этом году тоже будет, можно заработать неплохо.

— В следующем году ни к чему столько ореха, для себя куль и достаточно, деньги у нас будут. А на охоту станете ходить для удовольствия, но в этом году шкурки соболя мне потребуются, надо Тоне шубу соболью справить и Клавдии Ивановне тоже, чтобы они у нас лучше всех были одеты.

— Егор, — возразила теща, — Тоне можно, а мне ни к чему, перед кем мне здесь красоваться?

— Как это перед кем? Перед мужем, сыном, мной и дочерью. Люди будут приезжать к нам из города. И вообще, по-моему, гораздо приятнее ходить в соболе, чем в телогрейке.

— За один сезон не получится добыть на две шубы, — высказал свое мнение Андрей.

— Не получится — докупим у мужиков наших, но шубы должны быть, и они будут.

— Это же сколько денег то надо?..

— Антон Николаевич, я же говорю, что деньги не проблема. Я тут проект нашего с Тоней дома сделал и больницы, глянете завтра. Может добавите что, откорректируете, а весной строительство начнете.

Он понимал, что Самохины воспринимают его душой и сердцем, но разумом еще не осознают. Переведя разговор на другую тему, он все же решил вернуться.

— В каждой русской семье возникают свои внутренние отношения. Например, взрослый сын, свозя на своей машине родителей на дачу, получает от них деньги на бензин. Или, дав им деньги, считает, что они должны вернуть всю сумму, пусть не сразу, а когда смогут. У нас большая семья и не важно, кто зарабатывает. Деньги должны расходоваться на первоочередные нужды. Если в первую очередь надо купить ботинки Андрею, то покупаем ботинки. Если надо платок Тоне, то покупаем платок. Если надо купить отцу бензопилу, то купим бензопилу. Если хватит денег на все — купим все. И не важно, что Андрей, например, не вносит в общую кассу пока ни рубля, он член семьи и имеет полное право пользоваться этой кассой на равных правах со всеми. Каждый вносит свою посильную лепту. Я не копал, например, картошку, но я ее кушаю, не бил орехи, но щелкаю. Когда каждый член семьи занят своим делом, то получается все. И не надо считать, что Тоня и я — это одна семья, а Андрей с родителями — это другая семья. Мы едины и это мое мнение.

Через неделю у Антона Николаевича намечался день рождения, ему исполнилось сорок три года. Егор давно уже присмотрел ему подарок в местном магазине. С утра пришел в магазин, кивнул головой на товар. Продавщица затараторила:

— Зачем его нам сюда привезли, все равно никто не купит. В Североянске может и купил бы кто, но вряд ли, дорогой, триста тысяч стоит. Вот и сплавили сюда, чтобы место не занимал. Там покупают подобное за сто шестьдесят-сто семьдесят тысяч. А здесь и этого не берут — денег ни у кого нет. Но вещь классная, все охотники ходят, облизываясь.

— Я возьму тестю в подарок, сегодня у него день рождения.

Продавщица ошалело посмотрела на него:

— Тестю за триста тысяч... не себе... серьезно что ли?

— Вполне серьезно. Как бы его только в ограду доставить?

Он протянул ей деньги. Продавщица взяла, пересчитала и опустилась на стул.

— Ни хрена себе... вот это подарок... мне бы такого зятя...

Потом подскочила со стула, вылетела на улицу, крикнула:

— Петька, давай сюда свой грузовик и четверых мужиков, пошевеливайся.

Петька хотел было отправить ее куда подальше, но увидел доктора и подъехал к магазину. Подошли мужики. Продавщица командовала:

— Грузим и во двор к Самохину. Егора Борисовича подарок тестю на день рождения.

Антон сидел в туалете, услышав шум во дворе. Собаки залаяли и перестали, он понял, что их Андрей загнал в сарай. Какие-то мужики разговаривают, потом отъехала машина и все стихло. Кого это черт приносил, подумал он, доделывая свои дела. Натянул брюки, прошел по огороду, вышел в ограду и ахнул, увидев свою давнюю мечту — снегоход «Тайга Патруль».

— Это тебе, отец, на день рождения, — пояснил Егор, — чтобы сохатого на себе не таскать и прочее.

— Ну надо же, а... двухступенчатая коробка с реверсом, электрозапуск, надо же, а... Спасибо, Егор, спасибо. Скорость до девяносто километров, два карбюратора, лыжа с телескопической подвеской... надо же, а...

Клавдия умиленно произнесла:

— Пойдемте в дом. Теперь пока не налюбуется в дом его не загонишь и завтракать не станет, без него поедим.

Кириенко сбросил Сибирцеву проект лицензии и расценок по интернету на компьютер. Егор просмотрел внимательно и остался доволен в общих чертах, внося свои коррективы. Например, пересадка клапана сердца стоила миллион рублей, включая все расходы, а на Западе около трех миллионов. Через неделю Сибирцев получил все необходимые документы, теперь он мог проводить платные операции и другое лечение. По договоренности с министром к нему ехала целая делегация.

Два хирурга-профессора везли пациентов с родственниками, оператором и ведущим теленовостей. Больные и родственники взволнованны неизвестностью и едут только потому, что это единственный шанс на спасение, телеведущий с оператором ждут обещанной сенсации, а профессора хирурги следуют указанию свыше, не верят в успех, но больных и родственников успокаивают достойно.

Сибирцев решил провести показательные операции не в Порогах, а в Североянске, где элементарно имелся кардиограф и рентген. Тоня с родителями и многими сельчанами ждали у телевизора, поглядывая на часы. Наконец на экране появился телеведущий и произнес:

«Уважаемые телезрители, сегодня мы показываем необычные сенсационные новости современной медицины. Скорее всего медицины будущего, которой сумел овладеть доктор Сибирцев. Способ проведения операции завораживает и трудно поддается объяснению. Смотрите прямой репортаж из операционной центральной районной больницы Североянска.

На экране появилась операционная. Перед началом небольшие комментарии профессора Углова, хирурга-кардиолога:

«Больной поступил к нам в областную больницу в крайне запущенном состоянии. Сочетанный митральный порок сердца, осложненный разрывом хордальных нитей. Прогрессирующая кардиальная астма. Необходима срочная операция с заменой клапана. До Германии больной вряд ли бы дотянул, не смотря на быстрое согласование, времени на поездку не было, при такой прогрессии заболевания возможен отек легких и летальный исход. Одна германская клиника согласилась на проведение операции, запросив три миллиона рублей. Но такой суммы у пациента не было. Оказалось, что подобные операции делает доктор Сибирцев за треть указанной суммы и сейчас больного ввезут в операционную. Вы видите внешние признаки заболевания — это цианоз носогубного треугольника и синюшность ногтевых фаланг пальцев. Больному очень трудно дышать, особенно лежа, вновь начинается приступ сердечной астмы».

Больной задыхался, хватая воздух открытым ртом и постоянно кашлял. На экране появился доктор Сибирцев.

«Нет времени на долгие комментарии. Во время своих операций я не пользуюсь наркозным аппаратом, больной сейчас уснет и достигнет достаточной глубины сна, чтобы

не ощущать боли. Окружающая среда и предметы продезинфицированы энергетическим излучением, убивающим все болезнетворные микроорганизмы. Проводим разрез по третьему межреберью энергетическим скальпелем...

По телевизору такого еще никогда не показывали и телеоператоров в операционную не пускали из-за возможности занести инфекцию. А тут съемка в прямом эфире — доктор проводит кончиками пальцев, словно скальпелем, и ткани разваливаются в стороны, обнажая белую жировую прослойку и розовые мышцы, появляются алые точки — перерезанные мелкие кровяные сосуды.

«Останавливаем кровотечение путем наложения энергетических пленок на сосуды, — продолжал комментировать доктор, — убираем два ребра, — он положил их рядом, — вскрываем сердечную сумку и сердце. Вот он нерабочий клапан, убираем с него известковые частички и даем команду на рост здоровых тканей до нормы, восстанавливаем хордальные нити и все зашиваем».

Он приставил ребра на место, они срослись, мягкие ткани над ними соединились, не оставляя рубца. Сибирцев вытер с кожи больного остатки крови и произнес:

— Проснись.

Больной открыл глаза и сел на операционном столе.

— Как чувствуете себя?

— Я? Я не знаю... дышать ничего не мешает, — ответил больной.

— Пройдитесь и присядьте несколько раз, — попросил доктор.

— Я... я не могу... если присяду, то потом задохнусь.

— Не беспокойтесь. Я заменил вам сердечный клапан — можете ходить, бегать и прыгать, вы здоровы.

Сибирцев вышел из операционной, а больной прошелся, несколько раз присел и засмеялся:

— Правда ничего не болит, а где шрам после операции?

У второго пациента был травматический перелом позвоночника с повреждением спинного мозга и, как следствие, паралич нижних конечностей. Сибирцев сделал разрез, мягких тканей, вскрыл сломанный позвонок, соединил спинной мозг и все поставил на место. Через минуту больной ходил сам и не мог в это поверить...

Многие телезрители считали показанное компьютерной рекламой и особо не озадачивались увиденным — на практике такое невозможно.

Телеведущий обратился к профессорам. «Без комментариев, — ответили они в один голос, — можем только добавить, что кардиограмма первого больного показывает сейчас здоровое сердце и никакого порока».

Телеведущий нацелился на Сибирцева:

«Егор Борисович, вы провели сложнейшие операции, не оставив никаких послеоперационных следов на теле больного, не требуется реанимационный период. Невероятно, но факт и от этого не уйти. Как вы это делаете?»

«Любая сложная ситуация или вопрос оказываются простыми в определенное время, — с улыбкой отвечал он, — все знают, что человек использует возможности собственного мозга всего лишь на треть. Болезни, таланты и многое другое запрограммировано в нас генетически. У человека шестьдесят четыре кодона генетической информации, но работают всего двадцать, остальные спят и это доказанный научный факт. С течением времени и развитием человека число работающих кодонов возрастет, появятся новые возможности,

такие, как телепатия, чтение мыслей на расстоянии, левитация и так далее. У меня чуть больше работающих кодонов, чем у большинства людей и наверняка в будущем всем врачам станет доступна методика, которой пользуюсь я. Я не отношу себя к телепатиям или экстрасенсам, у меня включился в работу другой кодон генетической информации, который и дает возможность подобного лечения. Обращаясь к телезрителям, хочу попросить не писать письма на деревню дедушке. Если ваш лечащий врач посчитает необходимым, то свяжется с министром здравоохранения области господином Кириенко Аркадием Викторовичем, который и решит наболевший вопрос».

«Егор Борисович, вам предлагали работу в московских клиниках?»

«В московских нет, в областных — да. Господин Кириенко прекрасный организатор здравоохранения и хорошо понимает, что не важно где лечить больных, важно как их лечить. Спасибо».

Больше недели с телеэкрана не сходил этот ролик новостей. Его крутили постоянно на всех каналах. Позвонил Кириенко:

— Ну и задал ты перца, Егор Борисович, профессора уже одолели, звонят ежеминутно. Как и договаривались, отправляю к тебе ежедневно по десять человек кроме субботы и воскресенья.

Снег уже падал два раза, но таял, а сегодня пошел тот, который продержится до весны. Ландшафт изменился, деревня потускнела, не смотря на белизну выпавшего снега. Похолодало резко, температура упала до минус двадцати пяти градусов. Мужчины Самохины ушли в лес за мясом, за козой, на лося еще было охотиться рановато. Антон взял карабин Егора. «Классная вещь, — поглаживал он его рукой в варежке, — не наши вертикалки двенадцатого калибра». К козе достаточно близко не подойдешь, ее надо гнать на засаду, а с карабином можно подкрасться с подветренной стороны и выстрелить на расстоянии трехсот метров. Опытным стрелкам удавалось поражать цель и на большем расстоянии.

К вечеру Андрей с отцом вернулись домой довольные, завалив крупного козла. Мяса теперь хватит на месяц, как раз настанет время охоты на лося. Самохины не держали скотину, добывая мясо в тайге, но кур держали — яйца покупать было негде.

Клавдия Ивановна сразу же нажарила мяса, первую добычу в сезоне отметили самогонкой всей семьей.

Мужчины готовились к охотничьему сезону. У каждого был свой участок в тайге и зимовье. В этот сезон Самохины заходили в тайгу за раз, на снегоходе можно было завести все. А у Егора с тещей — обычные трудовые будни.

Сегодня приехала первой расфуфыренная дамочка лет тридцати с четырехлетним ребенком и двумя охранниками. Все шумно ввалились в кабинет. Егор предложил женщине присесть с ребенком на стул и посмотрел на мужчин.

— Это охрана, — ответила она на немой вопрос.

— Тетя Галя, проводите мужчин на кухню, пусть там ждут, чайком с мороза побалуются.

Дамочка кивнула им головой, и они вышли.

— Вы, он глянул на список, — Лидия Эдуардовна Кирпоносова и ваш сын Дима?

Она согласно кивнула головой:

— Да, доктор. Как вы здесь можете жить без удобств... даже туалет на улице... не понимаю... с вашим талантом.

— Нормально, — ответил он, — как и все здешние сельские жители. Выпейте чайку с

дороги, согрейтесь, сегодня достаточно прохладно, минус тридцать у нас в Порогах. Заодно расскажете — что сейчас беспокоит мальчика.

Клавдия Ивановна налила чай, пододвинула ближе к женщине варенье, печенье и конфеты. Она взяла кружку, отпила глоток, стала рассказывать:

— У Димы все постепенно начиналось, часто стал плакать, и я не понимала почему. Потом появилась тошнота и рвота, мы обратились к врачу, что-то там нам назначили, я не помню, но это не помогало. Ребенок стал говорить медленнее и невнятнее, ухудшился слух, Дима загрустил и иногда падал беспричинно при ходьбе. — На ее глазах появились слезы. — Врачи ничего не находили серьезного, отправляя нас к логопеду, замедление развития... это пройдет. Когда сделали МРТ головы — забегали все. В итоге запущенная астроцитома. В германской клинике запросили четыре миллиона рублей за операцию, но наш профессор посоветовал к вам, доктор. Я женщина не бедная, мне важен результат, а не деньги. Помогите, доктор, умоляю вас, — она заплакала, глядя на Егора с надеждой и недоверием одновременно.

Мальчик начал плакать, схватившись за голову. Мать смахнула слезы рукой со своего лица, прижала сына к себе:

— Опять начались сильные боли, его сейчас, наверное, стошнит, от поездки Диме стало намного хуже. По утрам его всегда рвет, а после этого становится немного легче.

Егор подошел к женщине.

— Ничего, маленький, — он погладил его по головке, — успокойся и поспи немного. Тебе станет легче и скоро ты домой поедешь совершенно здоровым.

Ребенок уснул. Мама удивленно смотрела на доктора — так еще никто не успокаивал ее сына.

— Сейчас вас отведут в смотровую, медсестры подстригут и побреют левую половину головы мальчика. А вы пока оплатите Клавдии Ивановне необходимую сумму. Вам ее озвучили?

— Да, доктор, полтора миллиона рублей, но я готова все четыре отдать — лишь бы Димочка был здоров и больше.

— Большого не потребуется, оплатите указанную сумму и ждите, с вашим ребенком будет все в порядке.

Егор вышел из кабинета, прошел в перевязочную, которую теперь переименовали в операционную, судя по табличке на двери. Табличка по сути ничего не меняла, но пациенты и их родственники относились к ней более серьезно и уважительно. Дима уже лежал на столе.

Сибирцев вскрыл черепную коробку, положив вырезанную часть рядом на простынь. Опухоль невероятно больших размеров для головного мозга отслаивалась от здоровых тканей. Егору удалось взять ее в руки и бросить в целлофановый пакет. Головной мозг мальчика принимал первоначальную форму, освободившись от сдавливающего фактора. Доктор поставил часть черепа на место, ткани срослись, и Клавдия Ивановна влажной салфеткой вытерла остатки крови.

Ребенок проснулся, сел на столе.

— Как, Дима, себя чувствуешь, голова не болит? — спросил Егор Борисович.

— Не болит, — ответил он.

— Теперь у тебя будет все хорошо, голова болеть больше не будет. К маме пойдем?

Сибирцев снял его с операционного стола и вывел за руку в коридор.

— Мама, — крикнул он, — у меня голова не болит. Доктор сказал, что все будет хорошо.

Мать схватила, целуя сына, и все рассматривала его бритую голову, не находя разрезов. Смотрела непонимающим взглядом на доктора, хотя уже знала заранее, что следов не останется, а время проведения операции кратчайшее. Сибирцев присел на стул рядышком.

— У Димы действительно запущенный случай болезни, астроцитома выросла невероятно и непонятно, как мальчик еще жил. Но опухоль доброкачественная, никаких метастазов нет, естественно, и удалена полностью. Ребенок здоров, со слухом и походкой тоже все в порядке, никаких лекарств не требуется. Витамины, полноценное питание — это все, что ему нужно. В играх и физических упражнениях ограничений не требуется. Можно ехать домой, Лидия Эдуардовна, всего доброго вам, удачи.

— Спасибо, доктор, спасибо, — она закопошилась в сумочке доставая еще деньги, — здесь три миллиона рублей, — она протянула шесть пачек, — больницу новую надо строить, туалет нормальный, как же ходить на улице...

— За доброту спасибо, Лидия Эдуардовна, весной положение исправим, действительно начнем строить больницу новую, а денежки уберите — обижусь.

В машине Кирпоносова все время спрашивала сына не болит ли голова, а он отвечал ей, что не болит, сто раз уже спрашивала и облизывала всего поцелуями.

Медсестры Аня и Света, уединившись, разговаривали между собой на кухне:

— Доктор то наш не взял деньги у этой мадамы. Это же надо такую сумму с собой возить, — удивленно говорила Аня.

— Не взял, но она же заплатила уже полтора миллиона. Нам с тобой пятнадцать лет работать, если ни есть и не пить ничего, а он за пять минут такие деньжищи зарабатывает. Должен же быть предел какой-то — одним все, другим ничего, — высказалась Светлана.

— Ты че хочешь сказать, что врачам и медсестрам должны платить одинаково?

— Я не про это, я про предел, ему бы и ста тысяч за глаза хватило — нам с тобой год пахать.

— На Егора Борисовича злишься, — усмехнулась Аня, — не стал спать с тобой...

— С тобой что ли стал? — фыркнула Светлана, — мы че с тобой — хуже Тоньки? У нее вообще образования нет, а мамаша ее все деньги доктора к рукам прибирает. Оперирует он, а деньги Клавочка получает... Хорошо пристроила доченьку, умело.

— Дура ты, Светка, Клавдия еще и бухгалтер-кассир у нас или забыла? Ты в больнице десятку получаешь и у Егора Борисовича двадцать. Кто в районе из медсестер тридцать получает — никто. Тебе мало, так иди в районную больницу, всю ночь и день будешь жопы ваткой мазать за пятнадцать тысяч максимум.

— Че ты взъелась то, Анька?.. Могли бы и мы с тобой за Егора Борисовича замуж выйти. Че, давали бы хуже?

— Озабоченная что ли, потрахаться не с кем? Так скажи прямо и не злись на доктора и на его семью. Тебе бы передок почесать, а они, наверное, любят друг друга.

— Ох ты, ох ты... любят друг друга... за такие деньги я бы получше любила.

— Дура, езжай в город, там как раз любовь за деньги продают, — зло бросила Анна, выходя из кухни.

— Сама дура, — крикнула Светлана вслед.

К вечеру внезапно вернулся Антон Николаевич из тайги, притащил на волокуше килограмм триста лосятины.

— Андрей в зимовье остался, случайно на лось напоролись. Вышли на окраину кедрача, там осинник начинается, а лось стоит и молодые веточки жрет. Я его и завалил с первого выстрела. Надо торопиться, обратно успеть засветло. К Новому Году вернемся, отпразднуем, помоемся и обратно. Соболь неплохо идет в этом году, тьфу, тьфу, тьфу, не сглазить бы, — сплюнул он три раза через левое плечо, — на снегоходе то милое дело, классная машинка... Как у вас тут дела?

— Все нормально, Антон, Андрею привет передавай, — ответила жена.

Зима тянулась долго, но пролетела быстро. Всегда так бывает, когда вспоминаешь прошлое. Тоня в конце апреля родила сына, которого назвали в честь деда Антоном. И неизвестно еще кто радовался больше — отец с матерью или дед с бабушкой.

Когда оттаяла земля, сразу же начали копать котлован под дом и клинику, глубокую общую выгребную яму. Позже подошла бурильная установка и пробурила две скважины на глубину сто пятьдесят метров. Пробы показали, что вода отличного качества и пригодна для пищевых целей.

Сибирцев все-таки не согласился с тестем на фундамент из листовья, мотивируя тем, что деньги есть и лучше залить бетон. Так и сделали как раз к сезону посадки. Пока фундамент подсыхал деревенские работали на своих огородах, а потом снова взялись за строительство. Брус заготовили заранее и не совсем стандартный, потолще, чтобы было тепло зимой. Антон Николаевич стал неофициальным прорабом на стройке, следил за ходом строительства и сам подключался к непосредственной работе. Работали без выходных человек тридцать-пятьдесят, каждый из деревенских мужиков хотел внести свою лепту в строительство. Егор удивлялся темпу, дом и клиника росли на глазах. Брусовые стены дома сразу же покрывали снаружи пропиткой светло-желтого цвета, которая не давала им темнеть и защищала от влаги. Внутренние стены и потолок зашивали качественной вагонкой, пропитывая ее определенным бесцветным составом, не дающим темнеть древесине. Окна пластиковые, а крыша из зеленого профлиста.

В начале августа уже все было готово и Сибирцев поражался скорости стройки. Тесть пояснял, что когда есть материалы, а рабочих рук предостаточно, то и спорится все. Мужчины теперь курили во дворе, предоставив место женам. Те пришли с ведрами и тряпками, мыли окна, стены, пол и потолки. Потом завезли мебель и расставляли ее. Дом, баньку, которая особенно нравилась всем, и клинику «принимали» всей деревней, накрыв столы на улице.

Светлана стала замечать, что ее бывшая подруга Анна (после того разговора они уже не общались между собой) часто гуляет вместе с Самохиным Андреем. «А я что — хуже что ли, — злилась она, — и здесь меня обошла это Анька. Тоньки, Аньки»... Она уволилась и уехала в город. Перед уборкой урожая Андрей с Анной сыграли свадьбу и стали жить в бывшем доме Сибирцевых. Большая семья увеличилась еще на одного человека, добавились и родители Ани. Частенько они собирались вместе посмотреть фильм или новости. Егор поставил в гостиной двухметровый телевизор, который привезли ему из города.

Он как-то шепнул Тоне на ушко:

— Ты говорила большой дом, к чему нам такой, а как бы мы все вместе вошли сейчас в нашей бывшей комнате?

Тоня привыкла к дому не сразу, но быстро. Хорошо, встав утром, принять освежающий душ и не сидеть в холодном туалете на улице. Маленький Антон подрастал и уже вовсю гулил, улыбаясь родителям и бабушке с дедушкой.

В начале сентября семья собралась у Егора отметить день урожая. Собственно, это был только повод, надо было обсудить и некоторые другие вопросы. Отец Ани, Евгений Игоревич Воронов, работал вместе с Антоном большим на пилораме, мама, Виктория Михайловна — домохозяйка. Андрея сильно беспокоил вопрос безработицы, особенно теперь, когда он женился.

— Отец, — начал он разговор, — все места на пилораме заняты, может ты уволишься, а я твое место займу. Работать где-то надо, семья теперь у меня.

— Понимаю, сынок, не вопрос, нам с мамой денег хватит. Уволюсь, конечно.

Довольный Андрей налил всем самогонки. Егор предпочитал домашнюю самогонку водке. С нее голова никогда не болела.

— Да, Андрей, теперь у тебя семья, — согласился с ним Егор, — но не забывай, что мы все одна большая семья. Я думаю, что отцу увольняться ни к чему, только если он сам не захочет работать. И понимаю, что на шее жены сидеть некрасиво, но она все равно будет получать больше, чем ты на пилораме. Вы еще не знаете, но в городе принято решение закрыть нашу участковую больницу, Аня станет получать меньше на десять тысяч, но я ей это компенсирую у себя, никто из моих сотрудников меньше фактически зарабатывать не станет. Или ты хочешь именно на пилораме работать и нигде больше?

— Мне без разницы, Егор — хоть на пилораме, хоть где. Мужчина должен обеспечивать семью.

— Это хорошо, что ты осознанный семьянин, — улыбнулся Сибирцев, — возьму тебя к себе на работу. Пойдешь?

— К тебе? — удивился Андрей, — я даже не медбрат, че я у тебя буду делать?

— У меня должность завхоза вакантна. Станешь вести учет мебели и другого имущества, ремонт по необходимости проводить той же мебели, электропроводки, отопления, снег от крыльца зимой отгрести и так далее. Так пойдешь?

— Конечно пойду, Егор, о чем ты говоришь, — обрадовался он.

— Ты говоришь, что должен семью обеспечивать — обеспечивай. Аня тридцать получает, тебе сорок на руки сделаем. Завтра придешь к маме в клинику и оформишься на работу. Твоя мама там всем командует — и кадрами, и бухгалтерией с кассой, и карточки больных заполняет. Хватит вам на семью, Аня, семьдесят тысяч?

— Конечно хватит, Егор Борисович, в районе таких денег не найти, а уж у нас в Порогах тем более, — ответила она.

— Егор, — возразил он, — а не Борисович, привыкай, мы не на работе, Аня.

В новой клинике у Сибирцева был кабинет, обставленный достаточно неплохо. Самохина теперь не сидела с ним в одном кабинете, а находилась в приемной, где встречала больных, принимала деньги за лечение, заполняла амбулаторные карточки. Всех новых прибывших встречала тетя Галя, принимала верхнюю одежду и направляла в приемную к Самохиной.

Больные прибывали обычно к двенадцати дня или к часу, не раньше. Самохина, заполнив амбулаторную карточку и приняв деньги, направляла их в палаты. Сибирцев проводил операции до шести вечера. Некоторые, не желая оставаться в клинике, уезжали сразу в город, другие, переночевав, отправлялись домой с утра.

Кириенко держал свое слово, отправляя в Пороги не более десяти человек ежедневно, кроме субботы и воскресенья. В России уж знали о докторе Сибирцеве и в Н-ск звонили со всех городов. Естественно, что большинство получало отказ, доктор физически не мог

принять всех нуждающихся. Звонка от министра он не ожидал, по крайней мере в ближайшее время, но он все-таки позвонил.

— Кириенко, почему у тебя Сибирцев в каких-то Порогах находится, ты не мог ему клинику в городе предложить? Пусть заканчивает там свою деятельность и приезжает в Москву лично ко мне. Найдем ему здесь и жилье, и клинику. Когда реально он сможет подъехать?

— Извините, товарищ министр, у Сибирцева там дом свой, женился на местной девушке, он не поедет в Москву и к нам в город тоже. Я уже разговаривал с ним на эту тему — бесполезно.

— Хочешь остаться на своей должности — уговоришь. Сроку тебе месяц, не больше.

В трубке запикало и руководителю здравоохранения области отвечать не пришлось по телефону. Да и что он мог ответить на такой ультиматум. Кириенко прекрасно понимал почему министру потребовался Сибирцев. Наверняка кто-то из власть имущих уколол его или спросил о докторе — дескать мест в Москве нет? Как добираться из Москвы до Порогов или из других городов — министра явно не заботил этот вопрос. Его волновал свой административно-политический капитал.

Кириенко попытался успокоиться, получалось плохо и он позвонил Сибирцеву. Выслушав, доктор ответил:

— Аркадий Викторович, не волнуйтесь, месяц у нас еще впереди, и я решу этот вопрос. Вы лучше подберите мне кого-нибудь там из олигархов, депутатов Госдумы... парочку нужных людей и все образуется само собой. Полагаю, что министру еще и извиняться придется.

Кириенко понял мысль доктора, смысл в этом был. Он сразу же позвонил своему однокурснику в Москву, одному из ведущих хирургов-травматологов.

«Как раз есть человек по твоей теме, — ответил товарищ, — я ему, кстати, уже советовал Сибирцева, но он в Германию все-таки уехал. Вернулся вчера, злой, как черт — там кучу денег содрали, а результат пшыковый. У него после ДТП почти ничего от коленного сустава не осталось. Карамзин Геннадий Иннокентьевич — его вся страна знает — нефть, металл и прочее... с Президентом дружен. Он часика через два у меня на приеме будет, думаю, что уговорю».

Уже на следующий день Кириенко звонил Сибирцеву:

— Завтра у тебя в обед олигарх Карамзин появится и депутат Госдумы Войтович. У первого колено, у второго сын двенадцати лет с ДЦП. Кого-то из больных тормознуть придется.

— Никого не тормози, я их встречу, а прооперирую утром. Пока.

Войтович с сыном и Карамзин встретились в приемной у Сибирцева.

— Гена, привет, я слышал, что ты в Германию уехал, а ты здесь, оказывается, молодец. Я вот тоже решил сына привезти.

— Привет, Костя, не ожидал тебя увидеть. В Германии был, ты правильно слышал, но безуспешно, ничего врачи не смогли сделать. Сибирцев — последняя надежда наша. Как думаешь — поможет?

— Доктор всем поможет, — ответила за него Клавдия Ивановна, — пойдемте, я покажу ваши палаты.

— Зачем нам палаты? Пусть док оперирует, и мы домой отчалим, — возразил Карамзин, — давай, тащи сюда своего лепилу.

— Лепил в Германии и других местах поищите, а здесь доктор Сибирцев. Вам тут не биржа и не Госдума, обойдемся без торговли, речей, поправок и голосования, прошу, господа, — Самохина указала им на дверь.

Войтович, вроде бы начавший свирепеть, внезапно захохотал:

— Пойдем, Гена, видишь — серьезная дамочка, не поспоришь.

Он покатил сына на коляске в указанном направлении.

Карамзин в своей палате не остался, пришел к Войтовичу.

— Ты не против, Костя, если я у тебя побуду — скучно одному, вдвоем веселее.

— Конечно, заходи, падай в кресло.

Карамзин сел, вытянув больную ногу и поставив костыли рядом.

— Болит, зараза, черт меня дернул в эту Германию поехать, только растревожили и боли усилились. Думал — не доеду.

— Да-а, далеко Сибирцев забрался... петухи поют и всего два приличных дома на всю деревню. В одном мы находимся, а второй, видимо, поселковая администрация.

— Не, Костя, дом на жилой похож, скорее всего докторский. Как здесь можно жить, не понимаю? Но для деревни клиника у него классная, не ожидал — вода холодная и горячая, туалеты, номер не хилый.

— Палата, Гена, палата, ты не в гостинице. Действительно неплохо.

Вошел Сибирцев, представился и познакомился.

— Так, господа, с дороги наверняка устали, сейчас принесут поесть, отдохнете, выпитесь, наберетесь сил, а с утра я вас прооперирую. Потом можно будет окрестности посмотреть, в тайгу сходить и домой в добром здравии ехать.

— Доктор... а нельзя сегодня?

Карамзин посмотрел так умолиительно, что Сибирцев не выдержал:

— Ну, хорошо, у вас операция не сложная, а вот с Сергеем придется повозиться.

— Как это не сложная? Шесть раз уже делали и в Германии в том числе — все бес толку.

— Спорить со мной не надо, Геннадий Иннокентьевич, если я сказал не сложная, значит, так оно и есть. Вот мальчику придется черепную коробку вскрывать, именно там у него повреждены задние отделы белого вещества мозга. Отсюда и идет деформация позвоночника и суставов, контрактуры, мышечная дисфункция обеих ног, патология черепных нервов, косоглазие, нарушения речи и так далее. Придется поработать серьезно, но все поправимо. Вечерком ужин в сауне. Вот такая программа на сегодня с учетом вашим пожеланий.

— Доктор, какая черепная коробка, мне никто не говорил, что надо вскрывать голову и ковыряться в мозгах? — испуганно произнес Войтович.

— Верно, не говорили, потому что никто подобных операций и не делал, и не сделают. Но вы не волнуйтесь. Ваш сын уже сегодня будет на своих ножках ходить, а не на коляске ездить. Пропарим его в сауне как следует, чтобы сила в мышцы вернулась. — Он повернулся к медсестре, стоявшей в дверях, — господина Карамзина в операционную, а Войтовичу старшему принесите сто грамм нашего коньячка.

Сибирцев вскрыл коленный сустав. В результате травмы коленная чашечка отсутствовала, как и хрящевая поверхность практически полностью. Отломившейся при аварии кусок панельной части автомобиля раздробил коленную чашечку, срезав, словно наждаком поверхности бедренной и большеберцовой костей, естественно, разорвав связки.

Энергетическое поле начало процесс восстановления суставных поверхностей. Нарастала хрящевая ткань, восстанавливались связки, суставная сумка замкнулась, наполняясь синовиальной жидкостью. Сибирцев убрал рубцовую ткань от предыдущих операций и произнес: «Проснись».

Карамзин открыл глаза, сел на операционном столе.

— Все, Геннадий Иннокентьевич, идите в палату и ждите. Прооперирую мальчика и подойду.

Сибирцев ушел в кабинет, где его уже ждал стакан чая с молоком. Выпил и вернулся в операционную. Сережа смотрел на него испуганными глазами, и доктор приказал: «Спать».

Сибирцев, как обычно, вскрыл черепную коробку и запустил механизм восстановления некротизированных нейронов задней части вещества белого мозга. Закончив работу над головой, он перевернул больного на живот и произвел разрез вдоль позвоночника, выправляя его. Потом поработал над тазобедренными, коленными суставами и голеностопами. Разбудил мальчика.

— Как чувствуешь себя, Сережа?

— Хорошо, — ответил он.

— Что-нибудь беспокоит, болит где?

Сибирцев видел, что косоглазие у мальчика исчезло, и он стал говорить нормально, внятно, без замедления.

— Ничего не болит.

— Операцию я закончил, будем начинать учиться ходить.

Он помог ребенку встать со стола и, держа за руку, повел к отцу. Взмолнованный Войтович, увидев сына, идущего на своих ногах, упал в обморок. Аня помахала перед его носом нашатырем, он пришел в себя и кинулся к сыну. Сибирцев отстранил его:

— Подождите с обнимашками — устал ребенок. Своим ходом из операционной пришел. Надо учиться ходить и вначале очень немножко, ежедневно увеличивая нагрузку. Мышцы ног у него никогда не работали, болеть будут от нагрузки, но через месяц бегать будет. Только следите, Константин Яковлевич, чтобы сын не переусердствовал. Сегодня сто метров в день, завтра двести и так далее. Все с учетом ходьбы в туалет, в столовую, спальню. Пока ходьба только дома, потом прогулки на улице. Лекарств никаких не нужно — здоровая полноценная пища, воздух, полезен бассейн, но тоже дозированно.

— Доктор... я глазам своим не верю...

— В этом помочь ничем не могу, — улыбнулся Егор, — все закончилось удачно, приглашаю вас с сыном к себе на ужин... в баньку. И вас, конечно, Геннадий Иннокентьевич. Жду через час, Аня покажет вам дорогу. Сегодня Сережа уже прошелся, до баньки дойдет еще и обратно потом. И больше никуда, никаких просьб к нему встать и пройтись.

Сережу парил в сауне сам Егор двумя вениками — пихтовым и березовым, помассировал мышцы ног, купал в бассейне и отправил в палату спать. Мужчины еще остались побаловаться местным коньячком.

— Хоть тресни — не верится, что сын здоров и ногами своими ходит. Егор Борисович, вы великий доктор, — говорил уже немножко заплетающимся язычком Войтович.

— Велик — это точно, — поддержал его Карамзин, — у меня на колене даже старые рубцы исчезли. Куда делись — непонятно. Егор Борисович, поехали с нами в Москву — клинику, домик, машину: все организуем в лучшем виде.

— Нет, ребята, Москва — это большой муравейник, суета, пробки на дорогах. А здесь воздух, зимой снег чистый и белый, как в сказке, тайга, речка. У меня здесь сын родился, жена...

— Егор Борисович, скажите честно, что мы для вас можем сделать? — спросил Войтович.

— Всех порвем и купим, это точно, — поддержал Карамзин.

— Помочь можете. Недавно министр здравоохранения позвонил нашему руководителю облздрави Кириенко и поставил ультиматум — если тот не уговорит меня переехать в Москву, то его уволят. В Москву я не поеду, а с другим начальником облздрави работать не хочется. Начнет отправлять комиссии, выяснять мою профпригодность и так далее.

— Профпригодность, — ударил кулаком по столу Карамзин, — хрен им, а не комиссии. Вот она вся профпригодность, — он поднял свое колено, — и сын его. Этого им мало?

— Не переживайте Егор Борисович, вопрос в пять минут решим, — подтвердил Войтович, — пусть Кириенко работает и вам помогает. Вашего человека в обиду не дадим.

Утром, опохмелившись, Войтович и Карамзин пришли в приемную.

— К Егору Борисовичу можно?

— Он на операции, просил передать вам наилучшие пожелания, — ответила Клавдия Ивановна.

— Он скоро освободится?

— Не скоро, у него еще пять операций сегодня.

— Жаль, нам домой надо, хотелось бы попрощаться лично.

Самохина развела руками. Карамзин вдруг вспомнил:

— Костя, мы же за лечение не заплатили.

— Доктор сказал, что ничего не нужно, — пояснила Клавдия Ивановна.

— Как это не нужно, сколько мы вам должны? — спросил Войтович.

— Доктор запретил мне говорить и брать деньги.

— Гена, ты в Германии на сколько раскошелился?

— На двадцать Евро, — ответил он.

— Двадцать Евро — это миллион двести шестьдесят по курсу. Вот тебе и цена. А ДЦП посложнее будет. Подождите.

Войтович сходил в палату и вернулся, положил на стол десять пачек красных купюр. Карамзин положил четыре.

— Я не возьму деньги, я не могу, — пояснила Самохина.

— Сожги, если не можешь, — ответил Войтович.

Он ехал домой и все не мог насмотреться на сына, радости не было предела. Как только на дороге появилась сотовая связь, он связался с женой, та затараторила сразу:

— Костя, куда ты пропал, я уже извелась вся, два дня ни слуху, ни духу, уехал неизвестно куда, не звонишь, совести у тебя нету. Там же глухомань, тайга, может тебя там медведи съели, волки задрали, бандиты убили, я волнуюсь, переживаю, а ты исчез, как в воду канул...

Войтович отключил связь, настроение испортилось. Даже про сына и не спросила ни разу... сука болтливая. Она перезвонила сама:

— Извини Костя, я слушаю.

— Про сына бы лучше спросила, чем всякую хрень молоть.

— Извини, Костенька, как наш сынок, как Сережа, помог ему доктор? Наверное, надс

было в Германию ехать, там врачи лучшие, ты же знаешь это прекрасно. Мы бы денег не пожалели, только бы сынок стал здоровым. Мы же все для него готовы сделать...

— Заткнись, — оборвал ее муж, — Сережа здоров, своими ногами ходит.

Он отключил телефон совсем. Как только земля таких балаболок на себе держит.

— Мама опять много говорила? — спросил сын.

— Ничего, Сереженька, ничего... она же твоя мама, волнуется. Вырастешь, станешь жениться — проверь подругу на словоблудие.

Он улыбнулся и обнял сына. В Москве связался с министром здравоохранения:

— Я в Н-ске был, ездил в Пороги к доктору Сибирцеву. Сын у меня инвалид, ДЦП, сам не ходил, теперь ходит и здоров полностью. Сибирцев врач и хирург, он не академик, он от Бога. А ты, говорят, на местного руководителя облздора наехал... Со мной к Сибирцеву Карамзин летал, он тоже считает твои действия неправильными, с Президентом дружит... Позвони в Н-ск и извинись, если работать хочешь, конечно. Извлекай выгоду в том, что Сибирцев в России живет, а не в Штатах или в Европе.

Войтович не стал дожидаться ответа, понимая, что с ним согласятся. Он уже думал о другом — в Североянске был когда-то аэропорт местных авиалиний и его надо вернуть к действию, тяжело тащиться на машине четыреста километров. И вышку сотовой связи в Порогах поставить... Войтович связался с губернатором.

Самохина убрала в сейф оставленные на столе семь миллионов рублей, сообщила Сибирцеву о деньгах.

— Ты их официально не проводи, будем считать, что сожгла, — посоветовал он, — жизнь такая. Загубил меченый страну, а мог к тому же рынку прийти только под контролем государства, превратил демократию во вседозволенность. Вот его плод — наша деревня, ранее процветающая с тракторами, машинами, комбайнами, фермами... А сейчас что? Одна пилорама да куча домов пустующих. Депутат с олигархом семь миллионов на стол бросили — не возмешь: сожги. А попроси их на здравоохранение по одному рублю в месяц перечислять — удавятся.

Самохина смотрела удивленно на зятя, не понимая, что происходит с ним, спросила:

— Так зачем принимали их?

— Я не их принимал, я помогал Кириенко. Медицинская помощь здесь вторична.

Сибирцев не стал вдаваться в подробности. Теща перевела разговор на другую тему:

— Мама Анина, Виктория Михайловна, без работы. Может ее к нам вместо тети Гали взять?

Егор понял, что женщины уже обговорили этот вопрос, и Тоня почему-то не захотела спросить его. Соображает, улыбнулся он. Ответил:

— Семейный бизнес — дело хорошее, но не возьму, — сказал он, как отрезал. — Во-первых, тетя Галя меня вполне устраивает, трудится хорошо и ей тоже надо где-то зарабатывать себе на жизнь. Во-вторых, Андрей с Аней на работе, пусть Виктория Михайловна им еду готовит. Тоня тоже не ишак всех кормить. Дети пойдут, водиться надо или опять все на Тоню? Вороновым денег за глаза хватит, а вот снегоход подарить — дело хорошее, подарю. И карабин можно купить, нужная вещь.

Клавдия Ивановна опустила глаза, Егор понял, что ей стало стыдно за свою просьбу. Вряд ли сама хотела — уговорили. Надо присмотреться к Вороновым — желание крепостной стать княгиней: редкость на Руси.

Виктория Михайловна получила ответ, оставшись недовольной.

— Я хуже Гальки что ли, почему Егор меня взять на работу не хочет?

— Вика, я же объяснила тебе, что Галина здесь ни при чем. Аня весь день на работе, супы варить некогда. Тебе трудно детям помочь?

— Не трудно, Клава, мне не трудно, но ты же обеды не готовишь, Тоня все делает.

— Тогда пусть Аня дома сидит, еду готовит, а тебя на работу возьмем.

— Че это она дома будет сидеть? — фыркнула Виктория, — Аня — девушка с медицинским образованием, не то что твоя Тонька. Не развалится, может и на нашу семью приготовить, и с детьми поводить, когда Аня родит.

Клавдия вышла из дома во двор, решив не ссориться и не отвечать — все равно не поймет. Виктория посидела в ее доме, не дождавшись, ушла. Дома все рассказала мужу. Он возразил:

— Вика, Егор правильно говорит — придут молодые домой с работы и пожрать нечего.

— Много ты понимаешь... Егор как раз ничего и не говорит, это Клавдия воду мутит, хочет, чтобы только ее Тонька в фаворе была. У меня Аня с образованием, а Тонька недоучка, могла бы на всех еду готовить.

— Ты сдурела, Виктория... Тогда ты Клавдии обеды готовь, у ней образования побольше, чем у тебя.

— Разбежалась... Я свою дочь выучила, а Клавка нет... примазалась к доктору и права теперь качает. Ничего, я всех на место поставлю. Буду балакаться на место Румянцева. Я родственница Егора, его все уважают и народ за меня проголосует. Хватит Румянцеву деревней править, теперича я буду.

Муж рассмеялся от души:

— Балакаться она будет... Баллотироваться, дура. И никто тебя не выберет Главой поселковой администрации с твоими восемью классами образования. Из тебя руководитель — как из меня космонавт. Сиди дома и помалкивай, суп вари. Родственница нашлась... седьмая вода на киселе. Тебя на работу взять, так вся больница грязью зарастет, только и умеешь, что по деревне ходить, да языком молоть. Родственница она, — распалялся Евгений, — всю нашу семью перед Самохиными опозорила. Дома сиди, а станешь шастать по соседям — вломлю так, что синяя станешь. Понятно, — крикнул он, ударяя кулаком по столу.

— Ты че, Женя, ты че... — испугалась Виктория.

— Ни че, пальцем тебя никогда не трогал, но станешь свой поганый рот разевать — так отлуплю, что мало не покажется. День к вечеру уже, а что ты сделала? Еды не приготовила, полы в доме со дня ухода дочери в дом Андрея не мыты. Хватит, — он снова ударил кулаком по столу, — жопу в горсть и убираться, ужин готовить. Не нравится — свободных домов много стоит, разведусь и выкину тебя, как Тузика, в любой из них.

В гневе он выскочил во двор... Вернулся через два часа — полы помыты, ужин на столе. Молча поел и ушел к Анне с Андреем до ночи. О разговоре Виктории с мужем и Клавдией не узнал никто, они не рассказывали и возникающий конфликт заках, едва начавшись.

После завтрака Тоня убрала и вымыла посуду. Егор подошел к ней, обнял за плечи, заглянул в глаза:

— Не помню, когда мы гуляли вместе, все дела, работа. Одевай Антошку, сходим на речку, подышим воздухом.

Егор нес сына на руках. В кроватке он уже стоял крепко, но еще не ходил. Семь месяцев только исполнилось, восьмой пошел. Под ногами поскрипывал чистый и белый снежок.

— Как у Пушкина: «Мороз и солнце; день чудесный»!.. — произнес Егор, направляясь к порогам.

Порожнянка еще не замерзла в этом месте, хотя выше и ниже по течению уже покрылась тонким льдом. Здесь она встанет по-особенному через месяц. С сильными морозами появится ледяной панцирь над порогами, а речка так и останется приглушенно бурлить под ним.

Тоня смотрела на пенящуюся воду, держав за руку мужа...

— Чудесное место, — произнес Егор, — волшебное! Ум в порядок приводит и мысли шевелит.

— Точно волшебное, — согласилась Тоня, — по преданию, если парень приходит сюда с девушкой, то обязательно женится на ней.

— Так ты уже знала, что станешь моей женой, когда мы пришли сюда первый раз?

— Любила, поэтому и привела тебя сюда. Но не знала — это же все-таки предание, а не быль. Теперь знаю, — ответила Тоня.

— Проказница, — улыбнулся Егор, — пойдем домой, холодно.

Он затопил камин дома, присел рядышком в кресло, задумался. Мысли прервал приход Андрея с Аней. Они тоже устроились рядышком вместе с Тоней.

— Ну что, бездельник, — произнес Егор, глядя на Андрея, — пора, наверное, и поработать как следует?

— Все, что надо, сделаю, — ответил он, не понимая, к чему клонит муж сестры.

— Надо, Андрюшенька, надо. Хватит неучем тебе болтаться — учиться пойдешь.

— Я не против, — неуверенно ответил он, посмотрев на жену, — в следующем году поступлю в другой институт. Но как же Аня, ребенок у нас будет?..

— А что Аня? — с улыбкой ответил Егор, — Аня родит, роды все равно не тебе, а мне принимать, без тебя в этом вопросе обойдемся. В клинике ты работой не обременен, в понедельник в город поедешь, восстановишься в институте. Насколько я помню — тебя как раз после третьего курса выперли. Зачем же этот ВУЗ бросать, когда два года всего до окончания осталось?

— Меня не восстановят, Егор. Я так понял, что ректору потребовалось бюджетное место для знакомого, он и нашел причину.

— Это уже не твой вопрос, Андрей. Восстановишься и переведешься на заочное отделение. Кроме того, поступишь в институт гражданской авиации, в городе есть филиал московского технического университета по этой специальности, а именно технология транспортного процесса. И тоже на четвертый курс заочно, освоишь и до сдашь предметы, которые не изучал. Я не собираюсь вас разлучать с Аней надолго, будешь заочно учиться.

— Гражданская авиация... зачем? — удивился Андрей, — какая у нас здесь авиация?

Переезжать мы с Аней не собираемся.

— Ты сначала закончи оба ВУЗа, а потом поговорим. Можешь считать, что зарплату свою таким образом в клинике отрабатываешь. Рано тебе все знать — закончишь учебу: удивишься и спасибо скажешь. Возражения есть?

— Конечно... тебе возразишь... надо, значит, надо. Образование еще никому не мешало.

— Отлично, Андрей, а сейчас идите с Аней домой, мне еще подумать надо и кое-какие вопросы порешать. В понедельник с утра в путь, в деканате тебя восстановят и выдадут справки для учебы в другом ВУЗе. Полагаю, что за несколько дней управишься. Идите.

Когда родственники ушли, Тоня спросила мужа:

— Ты что задумал, Егор?

— Ничего особенного. Появились кое-какие мысли о том, как сделать из Андрея неплохого бизнесмена.

— Какой тут у нас может быть бизнес, тем более с гражданской авиацией? Аэропорт и до давно закрыли, технику, которая была, растащили.

— Ничего, образование еще никому не мешало.

Егор заметил, что на глазах Тони появились слезы. Она была снова беременна и слова мужа отнесла в том числе и на свой счет. Он пояснил:

— Тонечка, я тебя люблю. Потому что ты лучшая девочка и жена на свете. С образованием ты или без образования — это не имеет значения. Когда муж может обеспечить семью, то жене не стоит работать. Уют в доме и дети — разве этого мало?

Домашний номер телефона ректора полицейские подсказали Егору, он позвонил:

— Либерсон Эммануил Абрамович? Это вас доктор Сибирцев беспокоит.

— Доктор Сибирцев, тот самый?

— Тот самый, — усмехнулся он, — вы в прошлом году после третьего курса отчислили студента Андрея Самохина. Его к уголовной ответственности привлекали, но оправдали полностью и извинились.

— Я по фамилии студентов не знаю, возможно и было такое, если вы звоните, решим вопрос. В свою очередь у меня тоже к вам просьба будет...

— Не забывайте, Либерсон, не забывайте. Это не просьба, а напоминание ваших грехов. Любая проверка установит, что вы действовали незаконно, получение взятки вряд ли докажут, но злоупотребление служебным положением железно.

— Послушай ты, коновал деревенский, я не боюсь проверок, а твой наркоша Самохин не только у нас, но и в другом любом ВУЗе учиться не будет, я позабочусь об этом. Пугать он меня вздумал...

— Я всегда считал евреев людьми не глупыми, но ты, видимо, выродок. Проверка не тобой, а БЭПом займется, начальничек оттуда быстро поймет, что лучше тебя сдать, чем сидеть пятнадцать лет вместо пяти. Андрей Самохин в понедельник в деканате появится, надеюсь, что мне не придется обращаться с просьбой к новому ректору. Но вашу просьбу рассмотрю, когда Андрей обучение закончит, посмотрю, как вы ему поможете. Удачи, Либерсон.

Егор бросил трубку с презрением. «Гнида поганая... студентов он не помнит... этого помнишь и запомнишь надолго». Он набрал номер руководителя филиала МГТУ ГА, договорился насчет Андрея, пообещав принять нужного человечка бесплатно.

Самохин вернулся из города через четыре дня и сразу засел за учебники, почти не появляясь в клинике доктора Сибирцева. Только отметал снег от крыльца и расчищал

дорожки, когда появлялась необходимость. Учился прилежно, но так и не понял, зачем Егору потребовалось его авиационное образование. Он знал одно — Сибирцев лишних телодвижений не делает.

Перед родами Тоня заговорила с мужем:

— Егор, я стала замечать, что мама последнее время старается быть одна. Как-то раз увидела, что она пьет таблетки какие-то. Спросила, она заволновалась и пояснила, что голова заболела, тебя беспокоить из-за пустяков не стоит. Но мне думается, что мама что-то скрывает. Я не знаю, что делать, Егор?

— Что делать, что делать, — заворчал он, — это я олух последний — всех в деревне посмотрел кроме тещи. Ты сходи, пригласи ее к нам, скажи, что я хочу поговорить с ней насчет Андрея, его перспектив. Пусть заранее не волнуется, я введу ее в состояние сна и обследую, все болезни вылечим, не сомневайся.

Тоня ушла и вернулась одна очень взволнованной, заговорила быстро с порога:

— Маме плохо, она умирает, прощения у тебя просит, что не рассказала о своей болезни. У нее рак матки с метастазами, ничего уже сделать нельзя.

— Оставайся с Антошкой, Тоня, я к матери. Не переживай, вернусь вместе с мамой.

Егор прибежал к теще бегом, попросил у свекра чистую простынь и уйти из дома минут на пятнадцать. Клавдия Ивановна поняла, что зять хочет ее оперировать на дому.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Поздно, Егор, слишком поздно, — заговорила она, морщась от боли, — и когда ты приехал тоже было поздно, поэтому ничего и не говорила никому. Обширные метастазы, нельзя все удалить. Ты, Егорушка, не обижай Тоню, люби ее и Андрея не забывай, он все-таки ее родной брат. А теперь иди, я хочу с мужем побыть последние часы своей жизни, не надо детям и тебе смотреть, как я умираю.

— Спать, — приказал Егор и обратился к мужу: — Чего рот раскрыл? Простынь давай и иди, жди на улице.

Антон мешкал, не зная, что делать — то ли Егора слушать, то ли с женой остаться, как она просила.

— Спит она перед операцией. А тебя матом во двор отправить или сам уйдешь?

Антон словно очнулся, подал простынь и вышел.

Егор раздел тещу, она лежала в крови. Опухоль повредила крупный сосуд. Он произвел разрез, кожа и подкожно-жировая клетчатка разошлись в стороны, начиная розоветь пятнышками кровоточащих сосудов. Остановив начавшееся кровотечение, Егор послойно разделял мышцы, добираясь до матки. Опухоль выросла в нее словно спрессованный комочек цветной капусты, поразила тело и кровоточила на стыках здоровых тканей. Он вынимал ее до последней молекулы, раковые клетки люминесцировали в его энергетическом поле и обнаружить их было не сложно в общем кровавом разрезе.

Метастазы поразили практически весь малый таз еще не старой женщины, сдавливали нервные сплетения, вызывая сильные боли. Как она терпела такую боль, не подавая вида? Обычные анальгетики с ней не справлялись.

Доктор отслаивал, отрывал и выковыривал энергетическим скальпелем опухолевые скопления, не повреждая здоровые ткани. Клетчатка и лимфатические узлы малого таза очищены, но болезнь оказалась настолько запущенной, что поразила мочевого пузырь и прямую кишку. Комки «цветной капусты» вынимались отовсюду, давая возможность нормального существования здоровым тканям. Он сшил разъединенный кровоточащий сосуд и

послойно стал закрывать рану. Долго водил над телом руками, убивая энергетическим излучением злокачественные клетки, разнесенные лимфосистемой по организму. Они в будущем могли осесть в другом органе и вновь начать свою зловредную деятельность.

Егор поражался стойкости и терпению этой женщины. До последнего дня она ходила на работу, не подавая вида, преодолевая невыносимую боль.

— Проснитесь, Клавдия Ивановна, — она открыла глаза, — вы здоровы, я удалил опухоль и все метастазы. Что же вы мне-то ничего не сказали? Стеснялись зятя и поэтому боялись обратиться ко мне, как к врачу? Это зря. Сейчас я уйду, вы встанете, оденетесь. Матрац придется выкинуть, он весь кровью пропитался. Короче — разберетесь.

Егор вышел во двор, протянул тестю целлофановый пакет:

— Это опухоль, надо ее в лесу закопать, в дом пока не ходи, Клавдии Ивановне надо переодеться. Закопаешь пакетик и все... Клавдия Ивановна теперь здоровая женщина. Рак матки — стеснялась ко мне обратиться. Ладно, бери лопату и в лес, а я домой.

Он рассказал Тоне, что болезнь позади, не переставая удивляться мужеством ее матери, которой из-за банального глупого стеснения приходилось переносить тяжкие мучения.

* * *

Прошло три года и Самохина практически не вспоминала о своей болезни. Но полностью от своего комплекса стеснения так и не смогла избавиться, всегда краснея, когда вспоминала и представляла себя обнаженной перед зятем. Кроме Егора, Тони и ее отца так никто и не узнал, что она была неизлечимо больна в свое время. Другие родственники и сельчане заметили, что Клавдия расцвела. Она всегда отвечала шуткой на похвалу: «Сорок пять — баба ягодка опять».

Многие совсем не старые женщины, ставшие официально бабушками, стеснялись этого слова, а Клавдия наоборот гордилась. Всегда говорила, что родить и воспитать детей не каждой дано, а тем более дожидаться внуков.

Маленькому Антошке исполнилось уже четыре годика, а его сестренке Наде скоро исполнится три. Андрей с Аней тоже подарили Клавдии внука Дмитрия, которому скоро исполнялось три года, как и Надежде.

Много или мало воды утекло за три года, но Пороги стали преображаться. Пустующие дома заселились вновь, от Североянска проложили асфальт и заработал местный аэропорт, директором которого стал Андрей Самохин. Поставили вышку сотовой связи и теперь можно было разговаривать с кем угодно.

Кириенко, руководитель облздрави, совсем замотался с огромной массой желающих попасть к Сибирцеву и теперь занимался только больными из других областей. С заведующими отделениями областного центра Егор связывался напрямую по интернету. Он работал теперь с понедельника по четверг, принимая по двадцать больных в день. Раньше принимал пятьдесят, а сейчас по восемьдесят человек в неделю. Отдыхал он три дня, надо было восстанавливать силы.

Больные приезжали разными путями — на личных автомобилях, маршрутных такси, но в основном летали на самолетах. Грунтовая взлетная полоса аэропорта позволяла принимать и тяжелые военно-транспортные самолеты, которые тоже иногда садились, привозя военную шишку или родственников.

Мошенники быстро сообразили, что на Сибирцеве можно заработать большие деньги. Они давали направление в клинику и брали плату на месте. Причем по зарубежным ценам, в три раза больше стоимости лечения. Такие больные стали появляться десятками, их увозили в районный отдел полиции, оформляли первичный материал и отсылали его для дальнейшей работы в разные города по месту жительства пациентов.

Мошенники ничем не гнушались, получая с каждого больного по несколько миллионов рублей, а те погибали в физических и моральных страданиях без оказания квалифицированной медицинской помощи в центральной районной больнице Североянска. Больные начали прибывать сотнями ежедневно.

Кириенко уже несколько раз выступал по центральному телевидению с разъяснениями, что направление может дать только заведующий конкретным отделением больницы, а оплата за лечение производится только по месту проведения операции. Любой человек, оплативший лечение не в клинике доктора Сибирцева, должен знать, что попался на удочку мошенников. Оплата проводится только по месту проведения операции, несколько раз повторял Кириенко. Все люди, оплатившие лечение, должны обратиться с заявлением в полицию, ибо их обманули. И неважно, кто взял деньги, это мог быть и врач, оказавшийся на самом деле мошенником.

Поток больных, направленных мошенниками, начал снижаться, но полиция продолжала работать в усиленном варианте, выставив пост ДПС по дороге на Пороги. Родственники пациентов не хотели понимать происходящее, заявляя, что они заплатили деньги и Сибирцев обязан провести операцию. В Североянске работали несколько оперативно-следственных бригад из Москвы.

В конечном итоге мошенники поняли, что необходимо искать другой путь, и они его находили, представляясь доверчивым гражданам сотрудниками клиники Сибирцева, прибывшими для отбора больных. Пришлось снова разъяснять по телевидению, что оплата производится только на месте, а сотрудники клиники не выезжают для отбора больных.

Мошенничество прекратилось только тогда, когда осудили первых преступников, приговорив организаторов к пожизненному сроку, а членов мошеннических группировок к двадцати пяти годам лишения свободы. Суд исходил из того, что преступники заранее знали, что помощи тяжело больным людям не будет, они погибнут и расценил их действия, как спланированное убийство. Наверное, это спорный вопрос квалификации преступных действий, но совместно с разъяснениями он остановил мошенников, не ожидавших такого сурового наказания. В Порогах и Североянске вновь продолжалась обычная жизнь. Сибирцев и сельчане вздохнули свободно.

В пятницу Егор вместе со всей семьей шел утром на рыбалку. Детям очень нравилось, и они сами пытались ловить маленькими удочками. Отец насаживал на крючок наживку, небольшую леску они забрасывали сами. Вскоре Наденька поймала первого гальянчика — радости не было предела. Она прыгала, смеялась и хлопала в ладошки. Антон хмурился, все-таки он был старше, а ничего еще не поймал. Отец пояснил:

— Антоша, никогда не надо завидовать людям и сердиться их удаче. Наденька твоя родная сестра, ты должен заботиться о ней, защищать и радоваться успеху. Как только перестанешь хмуриться, так сразу и у тебя улов будет, — наставлял он сына.

Егор как в воду глядел, у Антона клюнула рыбка и он сумел ее вытащить. Сибирцевы часто отдыхали на берегу речки, но никогда не купались, вода была леденящая, родниковая и не успевала нагреться даже в самые жаркие дни. Все деревенские ребяташки плавали в

искусственной малопроточной запруде, там вода успевала нагреваться и не была слишком холодной. Сибирцевы купались в собственном бассейне сауны круглогодично.

Детям надоело рыбачить, и они стали бегать по траве, гоняясь друг за другом.

— Бегают наше будущее с тобой, Тоня, — с улыбкой проговорил Егор.

— Тоже станут врачами? — спросила она.

— Не знаю, но лечить людей будут не хуже, мой дар по наследству передается, по мужской линии. Надежда сама исцелять сможет, но ее дети такими не будут, только у Антона.

Зазвонил телефон Егора, он включил связь.

— Здравствуйте, Егор Борисович, это Кириенко. В пятницу у вас выходной день, извините, что беспокою, но министр несколько раз просил, чтобы вы приняли одного человека. Самостоятельно я не могу решить этот вопрос и поставить его в очередь.

— Здравствуйте, Аркадий Викторович, что за человек?

— Богатый американец, готов заплатить за лечение три миллиона долларов. Если этого мало — он готов увеличить сумму.

— Да хоть сто миллионов долларов — я иностранцев не принимаю, вы это знаете, своих больных хватает.

— Я так и сказал министру, но он настаивает в своей просьбе.

— Аркадий Викторович, вы ему скажите, что если янки уберут свои ракеты от наших границ, то я его бесплатно и без очереди приму. И пусть больше не звонит — бесполезно.

Егор задумался — опять этот чертов министр звонит, что ему надо? Видимо пообещали хороший куш за посредничество. Чем выше пост, тем меньше совести у человека. Об умирающих россиянах не беспокоится — американца ему подавай... сволочь министерская.

— Не хочешь принять американца? — спросила Тоня.

— Почему я должен принимать американца, когда ко мне огромная очередь наших больных. Он вылечится, а кто-то из русских умрет. Разве это справедливо?

— Сколько он предлагает за лечение?

— Три миллиона долларов, по сегодняшнему курсу это сто семьдесят один миллион рублей. Но здесь дело не в деньгах.

— Я тебя понимаю, Егор, но ты бы мог большую часть этих денег использовать на благотворительность детским домам или купить какое-то оборудование в больницы.

— Да, Тоня, ты тоже права, но все-таки нет, не приму я американца за счет здоровья русского человека.

— Понятное дело — тебе решать. Спасешь одного россиянина, а мог бы помочь многим.

— Помочь — да. Но не спасти — это разные вещи. Пойдем, пора домой.

Дети наигрались, набегались на свежем воздухе, покушали и легли спать.

Может быть все-таки права Тоня, рассуждал про себя Егор, и стоит принять этого янки. Деньги не маленькие, можно на них что-нибудь организовать. А что конкретно? Какой-нибудь фонд помощи детям, например, секции или кружки танцев, оздоровительные лагеря...

Снова зазвонил телефон и снова это был Кириенко:

— Егор Борисович, я по тому же вопросу. Только теперь на меня вышел министр иностранных дел.

— Хорошо, дай министру номер моего сотового, пусть позвонит напрямую.

Он перезвонил через пять минут.

— Егор Борисович, это министр иностранных дел Рукосуев Александр Павлович здравствуйте.

— Здравствуйте. У меня одно уточнение — что может сделать для нашего народа, для нашей страны этот американец?

— Это хорошо, что вы беспокоитесь о стране и ее народе. Сейчас в западной прессе достаточно активно муссируют наше отечественное здравоохранение, в том числе и вас лично, Егор Борисович. В основном в негативном плане и неверии в ваше лечение. Европейская и особенно американская пресса создает общий фон, что Москва придумала новую утку для своего народа о чудотворце-целителе Сибирцеве, чтобы увести население от мыслей, связанных с якобы нашим вооруженным вмешательством в суверенные дела Украины. Этот американец дал интервью, что готов заплатить за чудо лечение доктора Сибирцева десять миллионов долларов. По своим каналам нам удалось выяснить, что американец действительно тяжело болен. У него рак с метастазами и более месяца он вряд ли проживет. Активность западной прессы строится на том, что больной не операбелен и ему уже не помочь, что им на руку, а отказ России в медицинской помощи может привести к шероховатостям лечения наших граждан за рубежом.

— Я понял вас, Александр Павлович. Как зовут этого американца?

— Джон Терри.

— Сегодня пятница, если этот Терри сумеет перевести указанную им сумму на мой счет, то я приму его в понедельник. Пусть приезжает, если вопрос из медицинского превратился в политический. Не беспокойтесь, он уедет от меня здоровым, а дальше уже ваше дело, господин министр, как вы западную прессу по носу щелкните.

Ужу в субботу новости запестрели согласием российского доктора Сибирцева прооперировать Джона Терри, который готов, вернее уже перечислил невероятно большую сумму в десять миллионов долларов за лечение. Ряд американских профессоров согласились прокомментировать будущую операцию, заявляя, что положительный результат невозможен. «В настоящее время злокачественная опухоль захватила обе доли печени, по размерам огромна, что не позволит провести резекцию и удалить ее целиком. Перекрыты крупные желчные протоки, что вызывает желтуху, кровеносные сосуды, в результате сдавливания которых нарушается отток крови из брюшной полости, вызвавший асцит, то есть скопление жидкости. Больной отказывается от еды, у него сильные боли и высокая температура тела. Жизнь господина Терри уже измеряется днями, а не неделями. Обещание полного исцеления в данном случае можно с уверенностью назвать кощунством и глумлением над больным и методами современного лечения со стороны российской медицины».

Другой профессор вторил первому: «При данном размере и расположении опухоли пришлось бы удалять печень целиком, что абсолютно невозможно. Заявления доктора Сибирцева о возможном излечении Джона Терри являются абсолютной ложью, что характерно для России. Таких докторов, как Сибирцев, таких шарлатанов от медицины необходимо судить публично и изолировать от общества».

В понедельник американца доставили санавиацией, сам он уже ходить не мог, но еще был в сознании и здравом уме. Каталку с больным сразу же вкатили в операционную, доктор подошел к нему, заговорив на английском. Английский Сибирцева качеством не блистал, но его вполне хватало для понимания.

— Здравствуйте, господин Терри. Я доктор Сибирцев Егор Борисович.

— Здравствуйте, господин доктор.

— Вряд ли вы, господин Терри, смотрите в последнее время телевизор, но ваши американские профессора называют меня шарлатаном. А вас используют как политическую карту для удара по России. Выходит так, что американской медицине крайне невыгодно ваше выздоровление. Американские врачи уверены в вашей смерти, а мы лишим их этой уверенности. Домой поедите абсолютно здоровым человеком. Спать, — приказал Сибирцев.

После асептики Егор произвел разрез мягких тканей вдоль правой реберной дуги, убрал несколько ребер, полностью обнажая печень.

— Смотри, Клавдия Ивановна, американские докторишки не соврали. Терри действительно не операбелен для любого хирурга и жизнь его измерялась не днями, а часами. Если бы я назначил операцию на завтра, то он бы не дожил.

— Но вы же не любой хирург, Егор Борисович, вы хирург от Бога и единственный.

— Единственный — это верно, но только пока. Подрастут ваши внуки, Клавдия Ивановна, и я стану не единственным.

Сибирцев начал процесс «выколупывания» светящейся в его энергетических лучах опухоли, удаляя все до единой молекулы. Печень начала процесс регенерации и восстановилась через минуту. Свободные желчные протоки «задышали», Егор удалил скопившуюся жидкость в брюшной полости, кровеносные сосуды, освободившиеся от сдавления, функционировали в своем обычном режиме.

Он закончил работать с печенью и перешел к легким, где в его лучах светились метастазы. Удалив их, Егор обработал лимфосистему, уничтожая раковые клетки, которые могли вызвать заболевание в будущем. Сибирцев, закончив операцию, разбудил пациента.

— Добрый день, господин Терри. День действительно для вас добрый, ибо вы абсолютно здоровы. У вас лишь осталась небольшая желтизна, которая скоро пройдет.

Американец встал с операционного стола, осмотрел живот, грудь, не находя никаких следов оперативного вмешательства.

— Вы правильно читали обо мне, господин Терри, после моих операций не остается следов, — пояснил Сибирцев, — как вы себя чувствуете?

— Боли исчезли, кушать хочется, — неуверенно произнес он.

— Сейчас вас отведут в палату и покормят. После этого можете ехать домой. И помните, что вы здоровы, а это означает никакого лечения и ограничений в жизни. Если вам посоветуют принимать какие-либо лекарства, то они вам не нужны и более того — вредны. Хотите жить — помните всегда, что любое лечение вам противопоказано. Как и всем здоровым людям. Удачи вам, господин Терри, до свидания.

— Подождите, доктор, вы хотите сказать, что я здоров?

— Я это уже сказал. Раковая опухоль удалена полностью, печень восстановлена. Удалены метастазы в легких и злокачественные клетки в лимфосистеме. Через полчаса исчезнет желтизна кожи. Вам сейчас шестьдесят, лет сорок еще поживете, а дальше уже как Бог решит, это уже не ко мне вопрос.

— Но это невозможно...

— Невозможно что? Что вы чувствуете себя хорошо, что у вас ничего не болит, что вы захотели кушать? Не верите? Так ущипните себя — это не сон.

Терри действительно ущипнул себя.

— Правда не сон... Как я могу отблагодарить вас, доктор?

— Вы заплатили достаточно большую сумму за лечение, господин Терри, но взял я вас

на операционный стол не из-за денег. Ваши журналисты порочили меня разными словами... Хотите отблагодарить — посоветуйте вашим лечащим профессорам обратиться к психиатру. Всего доброго, господин Терри.

Сибирцев вышел из операционной и прошел к себе. В приемной его ждала толпа американских журналистов, среди которых были и русские. От американцев мгновенно посыпались вопросы: «Господин Терри умер»? «Когда родственники могут забрать тело»? «Все-таки вы оказались шарлатаном, как говорил наш профессор».

Сибирцев поднял руку, и журналисты притихли немного.

— Здесь лечебное учреждение, господа, а не конференц-зал. Прошу немедленно покинуть территорию больницы. Шарлатанами оказались ваши американские профессора, порочившие Российскую медицину, операция прошла успешно, господин Джон Терри абсолютно здоров. Через полчаса он будет на улице, можете спрашивать его о чем угодно. А сейчас вон отсюда, вы не журналисты, вы пособники шарлатанов. Только нелюди могут говорить о смерти абсолютно здорового человека.

Прибывший на всякий случай наряд полиции вытеснил журналистов из приемной, которые продолжали не верить и считать, что тело мертвого Терри тайно вывезут с территории больницы, а потом объявят, что он остался у русских и встречаться с прессой не желает.

Выход живого и здорового Джона Терри с территории больницы стал ошеломительным для американских журналистов. Воспользовавшись замешательством американцев, русские задавали простые вопросы о самочувствии и дальнейших планах...

Американцы сделали «ход конем», они совсем умолчали о выздоровлении Терри, не выдав в эфир ни единого слова, заявив, что к месту проведения операции их не пустили и жив ли больной — им неизвестно.

Но Терри, влиятельный американский миллиардер, не пожелал молчать и рассказал правду своему народу, посоветовав кое-кому обратиться к психиатру, прежде чем называть русских шарлатанами. Это был удар изнутри по политике американцев, а больные богатеи безуспешно атаковали МИД и Минздрав России просьбами о лечении у доктора Сибирцева.

Егор стал знаменитым не только в России, к нему пытались пробиться многие богатые пациенты Европы, Америки, Азии, Африки, Австралии, то есть больные всего мира. А он отсиживался в своих Порогах, не принимая иностранцев.

Сибирцева сейчас заботило другое. За несколько лет он заработал вполне приличную сумму, переводя ее с расчетного счета на пополняемые вклады. Но в Североянске существовал всего один банк — Сбербанк, который никогда вовсе не блистал процентами от вкладов. А деньги должны работать и приносить доход. Егор решил переговорить с женой.

— Тоня, у тебя нет желания заняться собственным бизнесом?

— Собственным бизнесом? — удивленно переспросила она, — заняться можно, но я не представляю себе, что можно делать в деревне? Организовать крестьянско-фермерское хозяйство? Трудов много, а доходность низкая, только для выживания. Если ты спросил, то ответ уже есть — поясняй.

— А самой подумать слабо?

— Можно и подумать. Только думай не думай, а ответ один — малая рентабельность. Скот на мясо, картофель на продажу... Многие деревенские хотели бы мясо продавать, но не получается. В городе не берут прямые продавцы, а перекупщики слезы платят.

— Ладно, Тоня, — Егор улыбнулся, — не заморачивайся, я уже подумал. Будем строить

цах по производству пельменей. Ты полазь в интернете, посмотри, что необходимо для этого и представь мне бизнес-планчик. Какое оборудование закупить, какой домик построить или пока еще есть свободные домишки, то их взять, количество персонала и так далее. Откроешь свое ИП и руководи, командуй производством. Со сбытом продукции в городе я тебе помогу, остальное все станешь делать сама.

Несколько дней Егор не возвращался к этому вопросу, принимая больных в своей клинике. И вечерами семья не обсуждала создание нового ИП, о котором пока не говорили никому. Тоня просматривала нужные странички интернета, постепенно создавая план работы. Делала выписки, систематизируя полученную информацию, и к концу четверга бизнес-план был готов. Она отдала его мужу.

— Посмотришь завтра. Оцени, что правильно, что нет, что добавить или убрать.

— Я посмотрю сейчас, а ты принеси мне свеженького чая кружечку, — ответил он.

Тоня пошла на первый этаж заваривать чай. В магазинскую заварку она добавляла немного чабреца и листьев брусники. Чай получался целебным и ароматным.

Егор читал странички бизнес-плана, одновременно наслаждаясь вкусом и ароматом принесенного Тоней чая. Он просмотрел все до конца.

— Ну... что скажешь, Егор? — не удержалась от вопроса она.

— Если учесть, что ты никогда не писала планы и не занималась бизнесом, то совсем не плохо, — похвалил он.

— Правда?! — обрадовалась Тоня, — можно начинать дело?

— Нет, дело начинать рановато, некоторые моменты в твоем плане не учтены, и он подлежит доработке. Попробуй мысленно слепить хотя бы пачку пельменей.

— Хорошо, берем муку и замешиваем тесто...

— Подожди, Тоня, рано еще замешивать, — перебил ее Егор, — чтобы не прогореть в бизнесе необходимо учесть все расходы. По какой цене ты берешь муку? Наверняка в муку что-то добавишь, сколько будут стоить добавки? Цена мяса, соли, перца и так далее. Сколько на куль муки потребуется всего этого. То есть ты вычисляешь себестоимость продукции и сравниваешь ее с продажной. Минус налоги, зарплата персоналу — это и будет твоя прибыль. Если ты будешь лепить пельмени руками, то какой из этого получится толк? Две копейки прибыли на два килограмма пота? Необходима линия для производства пельменей — автомат для формования пельменей, оборудование для приготовления теста: мукопросеиватель, тестомес, тестораскатка; для фарша мясорубка и фаршемешалка. Ты дорабатываешь свой план с учетом всего сказанного. Какое оборудование и где купить, сколько тебе потребуется персонала и так далее.

— Егор, ты похвалил меня в начале... Зачем? Ты же знал заранее, что план никуда не годится.

— Конечно похвалил. Как я могу ругать свою любимую жену? И потом ты все исправишь, учтешь, что необходимы холодильники под мясные туши, под готовые пельмени, упаковочная машина, рефрижератор для перевозки продукции, помещение для цеха. Видишь, сколько всего я тебе наговорил, и ты все это воплотишь в жизнь. Трудновато вначале, но потом все образуется и само собой потечет.

— Какой ты у меня умный, Егорушка, придется еще несколько дней план дорабатывать.

Гениальный хирург, которому нет равных в мире, разбирается в производстве пельменей, хотя сам не слепил ни единого. Не имеющий понятия о замесе теста, о пропорциях и ингредиентах фарша, но разбирающийся в технологии. Как это все сочетается

в нем?

Тоня просматривала интернет, выискивая необходимую аппаратуру, и одновременно думала о муже. Есть жены Президентов, а она супруга единственного в мире... С какой завистью и уважением на нее смотрят молодые девушки и женщины Североянска и Порогов... Нет высшего образования, так получилось, но надо быть на высоте и заняться самообразованием, быть в курсе политических, экономических и культурных событий. Она много читала не только художественной, но и познавательной литературы, была в курсе мировой моды, выбирая понравившиеся образцы одежды. По ней ориентировались местные модницы, часто не имеющие возможностей выписать платье или косметику из Парижа. Она достаточно рано поняла, что должна блистать не только на домашней кухне, но и стать светской дамой, умеющей не только поддержать любой разговор, но и превзойти потенциальных соперниц.

Времени катастрофически не хватало — приготовить еду, вытереть пыль, помыть два этажа дома, работа на собственном огороде, воспитание детей, стирка... Раньше она все успевала без проблем, а сейчас, занявшись самообразованием и в том числе изучением английского языка, остро ощущала недостаток времени. Решила переговорить с мужем:

— Егор, ты не против, если я найму в дом работницу?

Он давно уже стал замечать, что Тоня интересуется политикой, экономикой, модой, изучает английский самостоятельно, читает классику, смотрит научные и познавательные программы по телевизору. Это его радовало и он, естественно, не возражал.

— Конечно, Тоня, подбери сама человека. Я бы предложил еще выписать гувернантку из Англии. Тебе поможет, детям и у меня произношение не очень.

— Ничего себе... у нас дома будет жить англичанка... круто.

— Нормально. Но ты должна помнить, что ты хозяйка над ней, а она всего лишь прислуга. Быть вежливой, но не потакать ей.

Егор набрал номер министра иностранных дел:

— Александр Павлович, здравствуйте, это доктор Сибирцев.

— Здравствуй, Егор Борисович, рад слышать вас, чем могу помочь?

— У меня двое детей, четыре годика и три, жена и я сам плохо говорю по-английски. Поможете подобрать гувернантку?

— Конечно, я перезвоню вам, — ответил Рукосуев.

Министр позвонил на следующий день в обеденное время.

— Егор Борисович, добрый день.

— Здравствуй, — ответил Сибирцев.

— Кандидатуру я нашел еще вчера, но у нас разница во времени, поэтому звоню сегодня. Женщина тридцати лет с педагогическим образованием и хорошими рекомендациями, готова отработать у вас три года бесплатно, если вы примете ее отца. У него рак желудка, и он совсем плох.

— Конечно, пусть приезжают, желательно утром в пятницу. У меня выходной день, но я приму ее отца. Поживет с нами пару дней и гувернантке легче будет адаптироваться. Как ваше здоровье, Александр Павлович?

— Скриплю помаленьку, но ничего серьезного нет, местные доктора справляются.

— Вы тоже приезжайте вместе с этой дамочкой и ее отцом. Зачем скрипеть — надо жить

полноценной жизнью.

— Да, это было бы здорово. До встречи, Егор Борисович.

До пятницы еще было немного времени и Тоня обдумывала другой вопрос — с домработницей, перебирая варианты. Пожалела, что сказала об этом Вороновой, которая сразу же безапелляционно заявила, что работать станет она.

— Что я не смогу суп сварить и полы помыть? А сколько платить будешь, Тоня?

— Нет, Виктория Михайловна, работать вы у меня дома не будете. Вы хоть и дальняя, но все-таки родственница и было бы некрасиво нанимать вас в служанки.

Тоня прекрасно знала ленивую и завистливую женщину, которую недолюбливала вся деревня из-за ее пакостного характера.

— Че некрасиво-то — все красиво, — возразила Воронова, — и потом я не у тебя буду работать, а у Егора. Ему и решать этот вопрос. Ишь, раскомандовалась здесь... недоучка.

— Виктория Михайловна. Я попрошу вас больше не приходить ко мне домой, отныне двери этого дома для вас закрыты.

— Че ты из себя корчишь, курица недоученная, ты вообще здесь никто и за счет Егора живешь, так что помалкивай. Совсем обленилась — домработницу ей подавай. Да на тебе пахать можно...

— Пошла вон отсюда... и не смей больше появляться в этом доме.

— Это мы еще поглядим кто здесь хозяйкой настоящей станет, а ты, стерва, еще пожалеешь, когда я тещей Егора буду. Он для Анечки предназначен, а не для тебя недоучки.

Воронова гордо удалилась, бросив напоследок:

— Поглядим еще, поглядим.

Вечером Тоня со слезами на глазах все рассказала мужу.

— Егор, я очень тебя люблю, но если я действительно тебя недостойна, то я уйду. У меня же и правда нет никакого образования.

— Тонечка, милая и любимая моя девочка, причем здесь образование? Я люблю тебя, ты мать моих детей, а Виктория Михайловна обыкновенная стерва и очень хорошо, что ты ее выгнала. Успокойся и знай, что ты самая лучшая, красивая и любимая жена.

Он достал из кармана платочек, вытер ее слезки, поцеловал.

Егор решил, что пора поставить все точки над «и» и рассказал об инциденте Ане и ее отцу. Они оба сильно расстроились, особенно Аня. Утешало одно — Сибирцев к ним отношения не изменил.

В пятницу утром к Сибирцевым прибыли сразу министр иностранных дел Рукосуев, Лили Браун и ее отец Джек Браун. Вначале все трое появились в клинике. Рукосуев, уставший поджарый мужчина лет пятидесяти пяти, представил прибывших с ним англичан.

Лили Браун выглядела моложе своих тридцати лет. Шатенка высокого роста несколько была худовата, как показалось Сибирцеву, но, видимо, соответствовала определенным стандартам фигуры и лицом выглядела достаточно симпатично. Излишества косметики отсутствовали, и Егор уловил запах незнакомой туалетной воды или духов. Он не понимал почему, но Лили напоминала ему образ английской строгой учительницы, возможно, из-за правильных черт лица и тонких губ.

Джек Браун сам передвигался с трудом и его поддерживала дочь за руку. Высохший от постоянного недоедания мужчина выглядел намного старше своих шестидесяти лет. На фоне худобы большой живот казался неестественным, как и бледно-серый цвет кожи.

Сибирцев представил свою супругу и тещу и после церемонии знакомства и взаимных

приветствий предложил:

— Тоня и Лили идут ко мне домой, а господина Брауна я прооперирую немедленно, потом посмотрю Александра Павловича и, примерно, через минут сорок мы все вместе встречаемся у меня.

— Господин Сибирцев, я бы хотела остаться здесь и помочь отцу дойти потом до вашего дома.

Она довольно неплохо говорила по-русски, но с достаточным акцентом. Егор улыбнулся.

— Не беспокойтесь, Лили, господин Браун скоро будет совершенно здоров и дойдет самостоятельно. Нам с вами жить и работать вместе, поэтому прошу вас называть меня Егор Борисович, без всяких церемоний и господинов. Клавдия Ивановна, прошу проводить больного в операционную.

Сибирцев видел, как Лили смотрит на отца и на него, все еще не веря, что попала к знаменитому на весь мир доктору, что отец скоро будет здоров, что операция продлится так мало по времени. Ей хотелось обнять отца — мало ли что может случиться в ходе оперативного вмешательства, тем более, что английские врачи прогнозировали лишь временное улучшение состояния здоровья и напрочь отрицали полное выздоровление. Но Клавдия Ивановна осторожно увела его, Лили вздохнула, глянула на доктора глазами надежды и слез и пошла следом за Тоней.

— Александр Павлович, придется вам побыть одному десять минут, — обратился Егор к министру, — посмотрите пока телевизор, я скоро вернусь.

Сибирцев осмотрел больного и приказал спать. Сделав послойный разрез, он увидел опухоль желудка размерами с большой мужской кулак, которая проросла в нижний отдел пищевода практически перекрыв его просвет. Больной с трудом пил даже воду и питался последнее время через капельницу. Опухоль светилась ядовитым оттенком в его энергетических лучах и не хотела отслаиваться от здоровых тканей организма. Егор держал этот бесформенный комок левой рукой, правой освобождая от него жизнеспособные ткани. Словно липучка он цеплялся из последних возможностей за стенки желудка, не желая расставаться со своим насиженным местом. Наконец опухоль извлечена и брошена в целлофановый пакет. Сибирцев занялся метастазами в печени и поджелудочной железе, освобождая сдавленные кровеносные сосуды от инородного тела. Откачав асцитную жидкость из брюшной полости и уничтожив раковые клетки в лимфосистеме, он послойно зашил рану, не оставляя рубцов.

Проснувшись, больной сел на операционном столе, не понимая куда подевался его здоровенный живот. Чувствовал он себя хорошо и очень хотелось кушать.

— Господин Браун, — обратился к нему Сибирцев на не очень хорошем, но понятном английском, — операция прошла успешно, удалены опухоль в желудке, метастазы в печени и поджелудочной железе, жидкость из брюшной полости, почищена от раковых клеток лимфосистема. Любые лекарства теперь вам противопоказаны — это прошу запомнить. Ваши врачи посоветуют вам пройти курс противоопухолевой терапии с целью уничтожения злокачественных клеток в лимфоузлах, но они чистые и подобное лечение будет вредным.

Браун осматривал свой живот, не находя следов операции. Все как всегда, подумал Егор, может стоит оставлять небольшой рубец, а то больные не верят.

— Спасибо, доктор, я слышал, что после ваших операций не остается следов — теперь вижу сам, еще раз спасибо.

Он оделся и прошел в приемную. Рукосуев с удивлением отметил, что у него исчез живот и изменился цвет лица.

— Фантастика! — констатировал он.

— Теперь вы, Александр Павлович, прошу в операционную, — попросил Сибирцев.

— В операционную... зачем? — удивился он.

— У вас стеноз устья легочной артерии — вены шеи набухшие, слабость, сонливость, головокружение, одышка, сердцебиение, — ответил доктор, — разрежем, расширим, две минуты и никаких следов.

— Но я...

— Пойдемте, пойдемте, потом будете бегать, как мальчик.

Вскоре Доктор с Брауном и Рукосуевым вошли в дом. Лили уже познакомилась с детьми, но пока говорила с ними по-русски. Увидев отца она безмолвно заплакала — выпирающий живот исчез, а цвет лица приобрел свое естественное состояние. Она обняла папу и спросила о самочувствии.

— Кушать хочу, — ответил он с улыбкой, смахивая рукой ее слезы.

— Сейчас будем кушать, — пояснил Егор, — Тоня, налей, пожалуйста, господину Брауну полкружечки куриного бульона. Большого пока позволить не могу — желудок отвык от пищи, но через пару часов повторим обед с большей дозой.

В воскресенье Браун улетал вместе с Рукосуевым. Он уже принимал помаленьку любую пищу и никак не мог наесться. А Рукосуев чувствовал себя прекрасно, не страдая более ничем.

Лили быстро освоилась в доме Сибирцевых, выделенная комната ей понравилась, и она начала занятия с детьми. В доме теперь чаще говорили на английском, чем на русском языке. Она играла с детьми, разговаривая на своем языке, переводя на русский, чтобы было понятно. Учились все, в том числе и тетя Лили, как называли ее дети.

Тоня отнеслась к гувернантке настороженно, но никакой враждебности не проявляла. Люди притирались друг к другу, присматривались. За стол Лили садилась вместе со всеми, только Татьяна, нанятая поваром и домработницей никогда не обедала с семьей — успевала поесть во время готовки пищи. Тоня училась с ней вместе в школе и сейчас давала возможность заработка.

Дети всегда находились под присмотром Лили, что давало возможность Тоне всерьез заняться бизнесом. Доставленную аппаратуру устанавливали в одном из брошенных домов, а в соседнем доме обустраивалось складское помещение и холодильники. Тоня приобрела корейские рефрижератор и грузовичок с тентом грузоподъемностью три тонны, на которых стали работать ее отец и Воронов. ИП зарегистрировано, санэпидстанция дала разрешение на работу. Все обошлось Тоне в шесть миллионов рублей. Производительность по расчетам составляла двадцать тонн пельменей в месяц, могло быть и больше, но этого вполне хватало. Чистая прибыль без учета налогообложения составляла около четырех миллионов рублей ежемесячно. Минус шесть процентов УСН, итого три с половиной миллиона рублей железно по грубым подсчетам. За два месяца ИП оправдывало вложенные средства.

Тоня выбрала бренд «Пельмени докторские». Именно такое название вкладывалось в каждый пакет. Егор позвонил в город и договорился с руководителем самого крупного супермаркета.

— Завтра, Тоня, поедешь с отцом в город, заключишь договор на поставку двадцати тонн пельменей ежемесячно по цене 212,5 рублей за килограмм. Пятнадцать процентов

накинет продавец и к покупателю товар поступит по 250 рублей — нормальная городская цена на сегодняшний день. Все цены должны быть обговорены в договоре, чтобы магазины не махинировали. Оплата наличными при доставке.

Тоня вошла в приемную волнуясь, секретарша бросила, не взглянув:

— Генеральный не принимает, у него важная встреча.

Тоня посмотрела на табличку у двери: «Генеральный директор Зайцев Сергей Валерьевич».

— Мы договаривались. Я Сибирцева.

— Антонина Антоновна, здравствуйте, мы как раз вас и ждем, — враз изменила к ней отношение секретарша, — проходите пожалуйста.

Она распахнула двери:

— Сергей Валерьевич, госпожа Сибирцева...

Директор, словно ужаленный подскочил с кресла, подбежал к входу.

— Антонина Антоновна, здравствуйте, проходите, присаживайтесь. Рад знакомству с такой очаровательной женщиной и женой знаменитого доктора. Кофе, чай, вино? — он посмотрел на вошедшего с Тоней мужчину.

— Нет, спасибо Сергей Валерьевич, это мой отец Антон Николаевич, — представила она его, — он будет непосредственно поставлять вам товар, если мы с вами договоримся.

— Конечно договоримся. По-другому и быть не может, проходите Антон Николаевич, присаживайтесь. Как самочувствие, настроение у Егора Борисовича?

— Все в порядке, — ответила Тоня.

— Это же надо как он американцев уел, — лебезил и восхищался Зайцев, — смотрел по телевизору — хирург от Бога, столько добра людям делает. Настоящий целитель. А вы, значит, Антонина Антоновна, решили заняться своим бизнесом. Сколько сможете нам поставлять в месяц?

Тоня протянула Зайцеву листок, на котором указывалось название и состав продукции.

— Это будет в каждой пачке, вернее целлофановом пакете по одному килограмму. Можем поставлять вам двадцать тонн ежемесячно. По три тонны до двух раз в неделю. А это проект нашего с вами договора.

Зайцев взял лист и внимательно прочел его, вызвал своего юриста:

— Ознакомьтесь, внесите наши реквизиты и срочно распечатайте.

Он отдал бланк юристу.

— Возьмите флэшку, чтобы не набирать текст. Внесите свои координаты, распечатайте и принесите.

Юрист вернулся обратно через несколько минут. Тоня забрала флэшку и прочитала текст, подписала его и поставила печать. Зайцев проделал тоже самое.

— Хотелось бы, Сергей Валерьевич, чтобы вы показали отцу куда доставлять товар и где получать деньги за него.

— Конечно, Антонина Антоновна, конечно.

Зайцев провел их в бухгалтерию, где сразу же дал команду на выплату денежной суммы по факту сдачи продукции. Потом они проехали на склад, где тоже была дана команда на срочный прием и разгрузку товара. По суетливой любезности Тоня поняла, что Зайцев не знает, как начать разговор о лечении. Спросила сама:

— Сергей Валерьевич, вы нервничаете. Есть проблемы со здоровьем?

— Да, Антонина Антоновна, извините, у моего сына лейкоз крови, нужна операция по

пересадке костного мозга. Есть договоренность с германской клиникой, но пока нет подходящего донора, у меня другая группа крови и у жены тоже. Врачи говорят, что это нормально, так бывает... я про группу крови. У нас с женой вторая, а у сына первая.

— Сергей Валерьевич, привозите своего сына, Егор Борисович ему поможет. Завтра и привозите, незачем откладывать.

— Но донора-то все равно нет...

— Донор не потребуется. Я не знаю, как это делает Егор Борисович, я не врач, но знаю, что донор не нужен. Привозите.

— В какую сумму мне обойдется лечение, сколько брать с собой?

— Мы же партнеры... Муж с вас денег не возьмет. Приезжайте, — еще раз повторила Тоня, — а нам с отцом пора ехать.

— Дорога не близкая. Может быть пообедаете со мной? — предложил Зайцев.

— Спасибо, но мы домой. До завтра, — ответила Тоня.

Отец потом ворчал, остановившись на трассе и кушая бутерброд, запивая чаем из термоса:

— Чего не согласилась? Могли бы поесть по-человечески.

— Надоели все со своими проблемами, любезностями... не хочу никого видеть. Такой добрый и ласковый этот Зайцев, а если бы не Егор, то хрен бы и принял вообще. Ничего, поедим бутерброды.

— Зачем тогда ты его к Егору пригласила? — спросил отец.

— Бизнес, папа, бизнес. Теперь в любой неординарной ситуации ты сможешь обратиться прямо к нему. Сам видел, как секретарша гостей принимает пока не узнала, что я Сибирцева.

— Да-а, была Самохина и нет ее...

— Папочка, ну что ты, разве я не осталась твоей дочерью?

Вечером они уже были дома, Тоня рассказывала мужу о встрече:

— Егор, я пригласила Зайцева с сыном на завтра и обещала бесплатную операцию. Я правильно поступила?

— Конечно, родная, конечно, ты правильно поступила, я приму ребенка. Правильный расчет — когда партнер тебе обязан, то бизнес ведется лучше.

С завтрашнего дня ее пельменный цех начинал работу. Воронов, Тоня взяла его на работу водителем грузовичка, уже закупил мясо говядины и свинины в районе, завез муку и необходимые специи. Жители окрестных деревень остались довольны, появился нормальный покупатель. Конечно, он покупал не по городским рыночным ценам, но и не опускал планку до уровня перекупщиков, которые хотели брать мясо практически даром. Теперь они и сами могли привезти и продать не только туши говядины и свинины, но и лосей, коз, овец и даже медведя.

Одна Виктория Воронова оставалась недовольной, ее в пельменный цех на работу не взяли. Муж практически не разговаривал с ней, спал отдельно, но из дома не выгонял, а кушать уходил к дочери. Аня стала готовить сама вечерами еду, с матерью старалась не общаться, но из дома не выгоняла, как Тоня. Воронова оставалась в практической изоляции, словно все объявили ей бойкот. Она не понимала, что виновата сама, считая всех сволочами или придурками, вставшими на сторону Егора, которого, естественно, как и других деревенских настроила Тоня. Она ненавидела ее все фибрами своей мелкой и пакостной душонки. Не обижалась лишь на свою Аню, считая, что та поступает верно, не выпадая из

общего фона, иначе и ее попрут с работы.

Зайцев приехал в Пороги вместе с женой и своим трехлетним сыном. Они зашли в приемную доктора, Клавдия Ивановна спросила сразу же:

— Ваша фамилия?

— Зайцев.

Самохина просмотрела список:

— К сожалению, вас нет в списке больных на сегодняшний день.

— Но как же так, меня пригласила Антонина Антоновна, супруга Егора Борисовича заверив, что доктор нас примет и проведет операцию именно сегодня. Ребенок плохо перенес дорогу и может не доехать обратно живым. Как же так, — чуть не заплакал Зайцев, — меня пригласили...

— Не волнуйтесь, господин Зайцев, — пояснила Самохина, — вас действительно нет в списке больных на сегодняшний день, но это не означает, что доктор Сибирцев вас не примет, лечение вашему ребенку будет оказано в необходимом объеме. Антонина Антоновна всегда держит свое слово.

Зайцев вздохнул облегченно, усаживаясь на стул.

— Но перед лечением вам необходимо произвести оплату, — добавила Самохина.

— Я не взял с собой денег, — снова заволновался Зайцев, — мне сказали...

— Правильно сказали, — перебила его Самохина, — доктор бесплатно оперирует только родственников, друзьям необходимо оплатить символическую сумму в один рубль. Надеюсь, что эта сумма вас не обременит?

— Один рубль? — чуть ли не засмеялся Зайцев, — конечно не обременит.

Он стал искать по карманам, но рубля не находил. В кошельке жены нашел монетку в десять рублей, положил на стол.

— Сдачи у меня нет, придется оперировать вас в долг. Но рубль вы должны обязательно заплатить, таковы правила доктора Сибирцева. Предадите ему один рубль через Антона Николаевича, когда он приедет в город с пельменями.

— Но вот же десять рублей... мне не нужна сдача.

— Нет, таковы правила доктора, вы должны заплатить именно один рубль, а не десять. Не волнуйтесь, отдадите рубль позже, но обязательно. И десять рублей заберите пожалуйста.

Зайцев взял со стола монету, положил в карман. Что за странные правила, подумал он, другие бы взяли молча и отдавать сдачу даже не подумали. Видимо доктор держит всех в крепкой узде и не разрешает брать ни копейки больше. И это правильно, чтобы за спиной взяток не брали.

В приемную вошел Сибирцев.

— Егор Борисович, приехал господин Зайцев с сыном, — поставила его в известность Самохина.

— Здравствуйте, — он пожал ему руку, кивнул головой жене, повернулся к Самохиной, — проводите в палату, я подойду к ним минут через десять и приготовьте мне чай.

Как и обещал, Сибирцев подошел к ним через десять минут, спросил:

— Как зовут мальчика и сколько ему годков?

— Дима, три годика.

Сибирцев снял с ребенка медицинскую маску и раздел ребенка полностью, догола.

— Маску нельзя снимать — инфекция может попасть, — неуверенно возразила

Зайцева.

— Мне кажется или все-таки врач здесь я? — спросил, повернувшись к ней Сибирцев.

— Извините доктор, — ответила она.

— Ничего, с Димочкой скоро все будет в полном порядке. Ты, Дима, не бойся, я не стану делать уколы и давать таблетки, только посмотрю тебя и все.

Сибирцев осматривал ребенка, говоря вслух:

— Бледность кожных покровов и слизистых оболочек, общая слабость и быстрая утомляемость, сонливость, хотя сон нарушен, часто поднимается высокая температура, лимфатические узлы, селезенка и печень увеличены в размерах, болят косточки и суставы, кровотечения из носа и синяки, сердечко бьется часто. Ничего, Димочка, скоро все это пройдет, и ты будешь совсем здоровым.

Доктор погладил его голову, поводил руками по телу и конечностям, произнес:

— Одевайте ребенка. Что я могу вам сказать, господа родители, у Димы произошел сбой ДНК, появились мутационные гены кроветворных клеток, которые вырабатывают юные, не созревающие до конца лейкоциты. Пришлось вмешаться в святая святых — ДНК Димы и выправить мутационные гены. Сейчас они продуцируют нормальные клетки крови. Все названные мной симптомы пройдут через несколько дней, ваш ребенок абсолютно здоров и никакого лечения ему больше не требуется. Через неделю для собственного успокоения сдадите анализы в гематологическом отделении и вам подтвердят, что здесь лейкозом и не пахло никогда. Любые лекарства давать Диме запрещаю, витамины можно. Организм ребенка застоялся и засиделся, поэтому первое время необходим строгий контроль в ограничении его подвижности. Диме будет хотеться бегать, прыгать, резвиться — ограничивайте, иначе заболят мышцы, он будет постоянно хотеть кушать и это необходимо ограничивать. Пусть кушает часто, но помаленьку. Это в большей степени касается добренькой мамы, нельзя давать Диме много есть первые дни.

— У него вообще нет аппетита, с трудом кормим, — возразила она.

— Я хочу, чтобы вы меня слышали, а не спорили, — ответил Сибирцев, — ваш ребенок абсолютно здоров и будет хотеть есть, пить, бегать, прыгать, как и все нормальные дети.

— А когда вы будете его оперировать? — спросила мама Димы.

— Я это уже сделал, вы просто не заметили, еще раз повторяю — ваш ребенок здоров.

— Мама, я кушать хочу, — произнес Дима.

— Сейчас принесут сюда обед, но помните — не давайте ребенку много есть.

Сибирцев вышел из палаты, но вскоре вернулся. Дима практически уже доедал тарелку супа. Доктор забрал всю еду.

— Вы что, мамаша, хотите убить собственного сына? Я же сказал вам, что ему много нельзя кушать. Сергей Валерьевич, если ваша супруга не понимает, то вы то должны понять...

— Мама, я есть хочу, — снова повторил Дима.

— Ни в коем случае, только половину тарелки шесть раз в день, — пояснил доктор, — не больше.

— Мама, я есть хочу, — заныл Дима.

— К сожалению, вынужден попросить, у меня еще много операций сегодня. Надеюсь, что вы меня слышали и поняли.

Зайцевы ехали домой. Дима постоянно прыгал в машине и просил есть. Зайцева ворчала:

— Вылечил называется, даже пальцем не шевельнул. Нет, я это так не оставлю — сейчас едем в гематологию и пусть ищут донора. В Германии по-настоящему прооперируют.

— Ты совсем дура или тебя заклинило напрочь — доктор же сказал, что Дима здоров, — возмутился муж, — глаза-то разуй — ребенок веселится, прыгает и есть хочет. Или тебе надо, чтобы он полусонный лежал у тебя на руках с одышкой и температурой, когда мы везли его к Сибирцеву?

— Но он же ничего не сделал... Какой он врач — срач.

— Сама ты засранка и идиотка полная. Только попробуй не выполнить указания доктора — задавлю собственными руками. Он от Бога доктор, от Бога... дура. И заткнись, слышать тебя не хочу. Ей сына вылечили в минуту, а она не верит, великого доктора срачом называет, — ворчал Зайцев.

Через неделю Дима окреп, носился, как угорелый и кушал все. Мамаша все-таки сводила его на анализы, где ей подтвердили, что лейкоза нет. Пришлось ей смириться и не называть доктора нехорошими словами, но она все равно ему не верила, не смотря на здорового сына.

Сибирцев тоже сделал из этого вывод — он больше никогда не лечил детей в присутствии родителей.

Прошло три года... Лили часто разговаривала со своим отцом по телефону, который сетовал, что его в Англии не понимают, считая его случай излечения частным, и официальные лица не верят в уникальные способности Сибирцева. Лили теперь хорошо понимала, что Запад и в частности ее Англия стараются любыми способами опорочить Россию. Добрая и совершенно не воинственная страна, народ которой и не помышляет о захвате других государств. За эти годы она многого насмотрелась и поняла, что Сибирцев не хирург экстра класса, он врач от Бога и настоящий чудотворец. Жаль, что он практически не оперирует иностранцев, своих больных хватает, а то бы Западу не удалось скрывать его талант и морочить голову людям.

Этот уникальный человек был прост в общении и совершенно не гордился, не зазнавался и не кичился своим незаурядным талантом. Если бы он жил на Западе — как бы его почитал весь мир! А его дети, маленькие уникамы, свободно и без акцента говорящие на английском. Его шестилетняя Надя уже имеет собственное мнение в политике. «Европа и Америка считают Россию сырьевой базой, поэтому хотят ее обескровить и пользоваться ресурсами это страны бесплатно», — говорила она. И это произносил ребенок, которому всего шесть лет.

Устный контракт истек и Лили могла ехать в Лондон. Ей одновременно хотелось домой и остаться здесь, она прикипела к семье Сибирцевых, к их детям, к Тоне, а в Егора влюбилась бес памяти, но тщательно скрывала свои чувства. Тоня догадывалась, но доверяла мужу и не устраивала сцен ревности.

Лили познала сибирскую зиму, когда на улице минус срок пять градусов, а деревья в лесу потрескивают от холода. Она каталась с детьми с горки на санках, весело и забавно смеялась, а потом грелась у камина, слыша, как потрескивают горящие поленья.

Настало время прощания. Вся семья целиком провожала Лили до самолета. Из иллюминатора она долго смотрела, стараясь навсегда запомнить машущих ей руками людей, ставших близкими и словно родными.

Сибирцевы вернулись домой и пока все вместе решили обсудить давно назревавшую проблему. Начало июня... в сентябре Антону идти в школу... уезжать или оставаться?

Прелестное место, хороший, добротный дом, клиника... Можно возить детей на машине в поселковую школу ежедневно. Но уровень образования не сравнится с городским. А после школы все равно детям необходимо обучение в университете.

Мнения разделились. Самохины однозначно хотели остаться в деревне. А Егор с Тоней склонялись к городу — детям необходимо лучшее образование.

— Клавдия Ивановна и Антон Николаевич, я понимаю, что в городе вам будет суетно и неуютно, будет не хватать простора и воздуха, но дети прежде всего, — убеждал Егор, — Антону и Наде будет скучно без вас.

— Как же так... бросить все нажитое годами... и где мы там будем жить? — спрашивал Самохин.

— Это не проблема, купим два дома рядом с огородом. Садите и выращивайте цветы, овощи, картофель, можно будет рыбачить, а за лосем ездить сюда. Клавдия Ивановна будет работать со мной, как и прежде, ничего не изменится. Тоне придется расстаться с ИП и стать домохозяйкой. Ее бизнес отойдет Андрею с Аней. Аэропорт без меня захиреет и

станет совсем нерентабельным.

Самохины вроде бы соглашались и тут же отказывались, трудно всем давалось решение этого болезненного вопроса. Через три дня Самохины неожиданно согласились на переезд в город. Андрей с Аней тоже собрались уезжать, забирая с собой Воронова. Его жена оставалась в деревне. Ее брать с собой никто не хотел.

Рано утром в пятницу Егор с Тоней уехали в город подыскивать жилье и место для клиники. Первым делом заехали в агентство недвижимости. Сибирцев обратился к риэлтору:

— Добрый день, девушка. Мы бы хотели подобрать два коттеджа в сосновом лесу или на заливе общей площадью квадратов триста-четырееста каждый километров в пяти-десяти от города. Что-нибудь можете предложить?

— Вы доктор Сибирцев... Егор Борисович! — удивленно воскликнула риэлторша, — конечно есть что предложить. На заливе есть шесть свободных коттеджей, по другую сторону тракта тоже. Посмотрите фотографии...

— Лучше посмотреть на месте. Сможете нам показать домики снаружи и внутри?

— Естественно, — обрадовалась девушка, — сейчас возьмем ключи и поедем.

Они свернули на первый залив в пяти километрах от города. Элитный коттеджный поселок домов на тридцать с охраной и шлагбаумом у въезда. Чужих сюда не пропускали, что импонировало Егору, но охрана риелтора знала и пропустила, не заглядывая в салон автомобиля. Два коттеджа по четыреста квадратов каждый находились у самой воды, приусадебный участок на пятнадцать соток, баня и гараж на две автомашины. Планировка дома устраивала Егора, но во дворе он обратил внимание, что территория хорошо просматривается с соседних участков.

— Как вас зовут, девушка? — спросил Сибирцев.

— Тоня, — ответила она.

— Тоня, — повторил Егор, — прелестное имя, — он посмотрел с улыбкой на жену, — видите ли, Тоня, нам бы участок с не просматриваемой территорией от соседей. Она задумалась, ответила:

— Есть такие, но не на самом заливе, а по другую сторону от тракта. Хотя постойте, на соседнем заливе, пожалуй, есть два коттеджа. Но один из них совсем маленький. Квадратов на двести.

— Поедем смотреть, — ответил Егор.

— Но это не совсем обычный коттеджный поселок, чтобы купить там домик необходимо разрешение ФСБ, — взволнованно поясняла риэлтор, — там коттеджи генералов, элиты администрации. Один из них строил себе дом как раз на четыреста квадратов и рядом для родителей на двести, но потом отказался. Там участки в пятьдесят и двадцать пять соток. Если поедем смотреть, то мне необходимо позвонить в ФСБ и получить разрешение. Обычно они сначала проверяют, а на следующий день дают или не дают добро. Там вооруженная охрана на въезде и строгий контроль.

— Звоните, Тоня, звоните.

Она позвонила, объяснила ситуацию и удивленно произнесла:

— Нам разрешили проехать сразу, без проверки. Вот что значит ваше имя доктор.

Они вернулись на тракт и проехали дальше еще на несколько километров. У КПП остановились. К ним подошел молоденький лейтенант, заглянул в салон:

— Здравия желаю, доктор, проезжайте. Нас предупредили о вашем посещении.

Коттедж Егору и Тоне понравился, особенно банька с бассейном, теплый гараж на две

машины. Участок тоже превосходил все ожидания, по кромке воды бетонная дамба со спуском на воду и причалом для катера, сосновый бор примерно соток на двадцать, летняя резная беседка.

Егор посмотрел на жену.

— Что скажешь?

— Прелесть, мне очень нравится, но надо посмотреть второй дом.

На другой участок они прошли с внутренней территории. В кирпичной стене забора была отдельная дверь, чтобы ходить друг к другу, не выходя на улицу. Пятикомнатный коттедж с большим холлом вполне устраивал покупателей. Также был гараж на два автомобиля и баня, но уже без бассейна.

— И какова цена? — спросил Егор.

— По отдельности коттеджи не продаются. Все вместе стоит пятьдесят миллионов рублей.

— Есть какие-то скидки?

— К сожалению, нет, — со вздохом ответила риэлтор.

— Хорошо, меня с супругой это устраивает. Когда мы сможем оформить договор купли-продажи и получить Свидетельство о собственности?

— Срок месяц, но вам наверняка процесс ускорят, Егор Борисович.

— О-о, сам знаменитый доктор Сибирцев пожаловал! Я ваш сосед, если вы покупаете участок, Соболев Лев Сергеевич, рад знакомству.

— Моя жена Антонина, — представил он супругу, — да, участки мне понравились, я их беру.

— Погуляй, девочка, минут пять, — обратился Соболев к риэлтору.

Она отошла в сторону, и он продолжил:

— Замечательное соседство, но хлопот нам прибавится.

— Это почему же?

— Вы человек известный, Егор Борисович, журналисты полезут, а мы привыкли жить в тиши, без прессы и славы.

— ФСБ?

— Совершенно верно, начальник УФСБ. В этом домике хотел мой заместитель обосноваться, но его неожиданно перевели в другую область. Вы, как я понимаю, будете жить в большом домике, а здесь ваши родители?

— По моей линии нет родственников, родители жены станут жить с нами, а здесь поселится брат Тони с женой и тестем. Сможете помочь ускорить процесс купли-продажи и получения свидетельства?

— Конечно, без проблем, это моя визитка. Там телефон и адрес электронной почты. Скиньте мне все паспорта на почту и свидетельства о рождении детей. Если имеется необходимая сумма за участки, то в среду можно будет все оформить.

— В среду у меня много операций, а пятница бы подошла вполне.

— Договорились, поедите — позвоните, я выделю вам своего человечка, который без проволочек все сделает. Когда предполагаете заезжать в новую обитель?

— Надо купить мебель и прочее, сами понимаете. Думаю, что в начале августа. Необходимо еще подыскать помещение для клиники.

— В аренду или собственность?

— Лучше собственность в городе с хорошим подъездом для транспорта. Я иностранцев

не принимаю, это бывает крайне редко и то по просьбе или совету МИДа.

— Помогу и с этим вопросом, — ответил генерал, — сбросьте на почту желаемый план помещения и площадь.

— Спасибо, Лев Сергеевич, буду обязан.

— Ну что вы, Егор Борисович, я по-соседски помогаю. Всего доброго, на службу пора.

Генерал сдержал все свои обещания. Егор приобрел помещение в центре города под клинику и рабочие уже начали ремонт и перестройку внутри.

Сибирцевы и Самохины переезжали в один день в конце июля вместе со своими собаками, для которых построили отдельные утепленные будки. Свою машину Егор отдал Андрею, а себе купил два Мерседеса последнего года выпуска. Один для него, другой для семьи. Обустроившись в доме, он повез Клавдию Ивановну и Аню посмотреть клинику. Отдельно стоявший небольшой особнячок с вывеской «Клиника доктора Сибирцева». Внутри многое напоминало прежнее место работы, но палат для больных было всего три, большего, как показывал опыт, не требовалось. Внутри здания находилась охрана спецназа ФСБ. Егор заключил договор, по которому он оказывал бесплатную медицинскую помощь сотрудникам, а те, в свою очередь, осуществляли охрану клиники и семьи доктора.

Сибирцев решил не разделять детей и Надю в шесть лет тоже приняли в частный лицей. Открытие клиники проходило торжественно второго сентября, чего не хотелось Егору. Прибыл губернатор, министр здравоохранения области... торжественные речи... Прессы на открытии клиники было достаточно много, в том числе и иностранной. Руководитель здравоохранения области поразил всех:

— Уважаемые жители и гости нашего города, россияне! Клиника доктора Сибирцева известна всему миру, как бы Европа и Америка не хотели скрыть достижения нашей отечественной медицины. Восемь лет доктор Сибирцев успешно работал в области и сегодня его клиника открывается здесь. Заслуги Егора Борисовича переоценить невозможно, он берет на операционный стол тех больных, которым не в силах помочь другие врачи любой страны мира. Это настоящий целитель, чудотворец и хирург от Бога. Сегодня, в день открытия клиники в нашем городе, Егор Борисович проведет уникальнейшую операцию. Как известно генетические заболевания лечению не поддаются, но не для доктора Сибирцева. Все врачи мира лечат сопутствующие заболевания генетической патологии и сегодня впервые в мире произойдет непосредственное вмешательство в ДНК человека с синдромом Дауна. Синдром Дауна — это хромосомная патология, обусловленная наличием дополнительных копий генетического материала двадцать первой хромосомы. Доктор Сибирцев нашел способ отделения и уничтожения лишней хромосомы, либо ее участков, что обеспечит больному ребенку полное выздоровление. Давайте пожелаем гениальному доктору удачи в его нелегком труде на благо человечества. Аккредитованных на данное мероприятие представителей прессы прошу пройти в холл клиники, где будет представлен больной ребенок до проведения необходимых лечебных процедур. В восемнадцать часов этот же маленький человек будет вновь продемонстрирован журналистам после лечения.

Журналисты и операторы, толкаясь, проходили в холл клиники, занимая места полукругом от стоявшего у стола доктора. Когда все успокоились, в холл вошла женщина с двухгодовалым ребенком на руках.

— По внешнему виду несложно определить детей с синдромом Дауна, — начал свою речь Сибирцев, — вы видите характерные симптомы — это открытый рот в связи с низким тонусом мышц и особым строением нёба, косоглазие, деформация грудной клетки, она

напоминает килевидную форму, укорочение всех пальцев за счёт недоразвития средних фаланг, гиперподвижность суставов и мышечная гипотония, укорочение конечностей. Наблюдается отставание в развитии, ребенок еще не разговаривает и не может самостоятельно стоять. На этом все, господа, прошу покинуть клинику до восемнадцати часов.

Аня забрала ребенка у матери и ушла в операционный блок. За ней проследовал Сибирцев. Охрана выдворила всех посторонних на улицу.

Егор работал энергетическим полем с ДНК маленького человечка, у которого наблюдалась простая полная трисомия 21-ой хромосомы. Словно лазерный нож направленное излучение отделяла лишнюю хромосому в каждой клетке и уничтожало ее. Процесс разделения закончился, и доктор исправлял последствия — косоглазие, грудную клетку, конечности, суставы, мышечный тонус. Сибирцев работал долго и упорно, два часа он разделял хромосомы и исправлял последствия трисомии. Так долго он еще не занимался ни с одним пациентом. Закончив работать, он поставил мальчика на ноги, тот стоял крепко, даже не держась за руку, и улыбался. Дебильность исчезла с лица и все тело приняло нормальную физиологическую форму.

Аня унесла ребенка к матери в палату, там он должен был выспаться и вечером предстать перед журналистами. Уставший Сибирцев прошел к себе в кабинет и попросил горячего сладкого чая. Он отдыхал практически час, восстанавливая силы. На сегодня было назначено меньше операций, но они все-таки были, и Егор вновь ушел в операционную.

Вечером он демонстрировал ребенка, и журналисты с трудом его узнавали. Мама плакала от счастья и кланялась в пояс доктору. Фотографии мальчика до и после лечения облетели мгновенно весь мир. Но западная пресса выбрала для себя удобнейшую политику, заявив, что ребенка подменили, и он просто похож на первого. Особенно изощрялись американцы, упорно и целенаправленно не желавшие признавать достижения российской медицины.

Вечером у Сибирцевых собралась вся большая семья. Решили отметить новый успех Егора, а заодно и поговорить. Он понимал, что небольшое торжество являлось поводом для серьезного разговора. Антон Самохин, Андрей и Воронов оказались в городе не у дел. Сибирцев решил взять инициативу в свои руки и после первых тостов в свою честь заговорил:

— В городе международный аэропорт и полагаю, что работа для тебя, Андрей, найдется всегда. Я еще не мониторил этот вопрос, возможно нет мест топ-менеджеров, но работа сто процентов будет. Антон Николаевич и Евгений Игоревич станут работать у меня водителями. Тесть возит нас на работу и обратно, а Евгений Игоревич детей в школу и Тоню за продуктами, то есть по хозяйственной части.

— Егор, это же не серьезно, — возразил тесть, — ты предлагаешь работу ради трудовой книжки. Я понимаю, что в деньгах мы не нуждаемся. Привез-увез и целый день бить баклуши.

— Критиковать всегда легче, предложите что-нибудь сами, — незлобно огрызнулся Егор, — доброму хозяину всегда найдется работа в доме. Купите «Крота», это мини трактор такой для вспашки огорода, подготовьте поле для посадки в следующем году картофеля и овощей, рыбалкой займитесь. Надо катер — не вопрос, купим. Постройте детскую площадку, горку, чтобы зимой дети катались. Думайте, соображайте... У кого есть руки — всегда найдется занятие. У вас рефрижератор есть, грузовичок — возите грузы разным фирмам,

водители с машинами сейчас многим требуются. Привыкли, что вам все на блюдечке преподносили. Андрей давно бы уже в аэропорт мог сам сходить.

— Действительно, мужики, у вас своих голов, рук и ног нет? — съязвила Клавдия Ивановна.

Разговор прервал звонок домофона, на экране появилось лицо Соболева. Он уже успел познакомиться со всеми, но сейчас его не ждали. Пришлось впустить, не хотелось отказывать генералу ФСБ.

Лев Сергеевич, вошел поздоровался со всеми, произнес:

— Извините, что помешал семейному общению, но появились вопросы, которые необходимо обсудить с Егором Борисовичем, не откладывая на завтра.

Сибирцев пригласил его к себе в домашний кабинет, Соболев поставил на стол бутылочку коньяка. Егор отрицательно помахал головой:

— Я, с вашего позволения, выпью пивка.

— Тогда и я пиво, — ответил генерал.

Сибирцев достал две пивные кружки, наполнил их до краев, отпил немного. Соболев после нескольких глотков заговорил на тему, с которой пришел:

— Мы заключили договор, Егор Борисович, ваш офис уже охраняется нашими сотрудниками, но считаю, что этого недостаточно. Дом и клиника защищены, а вот подъездные пути нет. Прямо с завтрашнего утра у вас появятся два водителя. Один станет возить вас, Егор Борисович, другой членов семьи. Например, детей в школу, супругу на рынок и в магазины. Кроме этого выделены еще два автомобиля с охраной, они станут сопровождать вас везде и всегда.

— Чем вызвано такое повышенное внимание к моей персоне? — спросил Сибирцев.

— Егор Борисович, вы человек известный, знаменитый, талантливый, к вам равнодушно эти пройдохи журналисты, готовые пролезть в игольное ушко, а охрана всегда сможет оградить от ненужных контактов. Кроме того, вас почитает большинство народа, но есть личности, которые желают зла. Это родственники умерших людей, чьи родители или дети не смогли попасть к вам на прием. Банальная история — почему кого-то вылечил, а меня нет, чем я хуже? Такие готовы не просто избить, но и убить. Егор Борисович, вы достоинство страны и это не преувеличение, поэтому охрана вам жизненно необходима.

— Я согласен, что наверняка есть озлобленные люди, не попавшие ко мне на прием. Но это епархия МВД, а не ФСБ, меня бы тогда охраняла полиция, а не вы. А на членов семьи никто бы и не посмотрел. Хотелось бы взаимного понимания сразу — меня обманывать бесполезно, недоговаривать тоже. Я понимаю, что есть секреты и не желаю их знать. Если Лэнгли заинтересовалось моей личностью, то полагаю, что этот вопрос для меня не находится под грифом «секретно».

Егор отпил несколько глотков пива, внимательно наблюдая за собеседником. Соболев сделал тоже самое и ответил:

— Что ж, я рад, что вы все понимаете и объяснений не требуется. Наверное, так действительно лучше и легче понимать друг друга. Как мне пояснили, генетические заболевания являлись неизлечимыми до вашего показательного исцеления мальчика с болезнью Дауна. Это означает, что вам удалось расшифровать геном человека и воздействовать на структуру ДНК. В ЦРУ принято решение о доставке вас в Штаты. Пути и способы похищения или уговоров нам неизвестны. Но американцы понимают, что выезд за рубеж вам и членам семьи мы закроем.

— Да, это соответствует действительности, — согласился Сибирцев, — но мне очень не нравится, когда меня желают использовать втемную или воспользоваться талантом под давлением. Такое отношение не может остаться без внимания. Похитить меня или уговорить — бесполезно. Даже если я попаду в лапы шпионов за границей — у них ничего не получится. Я вернусь домой, а им придется лечиться всю оставшуюся жизнь. Поэтому, Лев Сергеевич, в охранные задачи необходимо внести коррективы, исходя из того, что мое личное похищение абсолютно невозможно, а вот жены и детей вполне осуществимо. Своим решением о похищении ЦРУ нанесло мне личное оскорбление, и я обязательно приму сатисфакционные меры, которые возможны к обсуждению на более высоком уровне. Если директор ФСБ поручит вам обсудить этот вопрос со мной, то я доведу свое решение до вас. Но вы обязаны доложить, что меры будут носить гриф чрезвычайной и абсолютной секретности, допуск к которым имеют только первые лица государства.

— Ничего себе — поворотики, — удивился Соболев, — я, естественно, доложу обо всем руководству.

— Вы не поняли, Лев Сергеевич, я говорил о директоре, а не о руководстве. Начальник управления в Москве, который поставил вам задачу моей охраны, даже не заместитель директора и знать ничего не должен — не его уровень. Не сможете переговорить лично с директором — звоните, встречу или разговор организую.

— Даже так? — вновь удивился генерал.

— Именно так и не иначе. Еще есть темы для обсуждения или можем спокойно выпить пивка?

Соболев и Сибирцев допили пиво и разошлись. Каждый понимал, что душевного разговора не получилось, но пообщались продуктивно.

Сибирцева раздражало, что он нужен даже американцам, но не своим. Многие важнейшие открытия ученых достойно не оценивались в России и требовались Западу. Исследования в области генетического оружия были запрещены еще в 1975 году специальной конвенцией, но тайно под видом медицинских изучений их вели практически во всех развитых странах мира. Сибирцев не склонялся к работе на оборонку, но его беспокоил вопрос защиты государства, которому в этом вопросе мог сильно помочь. Американцам нужен, а России нет...

Соболев привык руководить, это в Москве он был шестеркой, а здесь чувствовал себя большим начальником. И какой-то Сибирцев ему указывал. Артисты тоже народ не менее известный, но в дела государства и ФСБ не лезли и тем более не указывали.

Поговорили как два бизнесмена, заключившие выгодный контракт, но ближе друг другу не стали.

Сибирцев спустился на первый этаж, где родственники все еще обсуждали затронутую ранее тему. Самохин говорил:

— А что, Женя, будем работать водителями. Я отвез Егора и целый день свободен, можно строить детскую площадку, горку, а вечером снова привезти семейство. Ты детей увезешь-привезешь и тоже свободен. Купим «Крота», лодку — еще и времени будет не хватать.

Сибирцев сразу решил вмешаться в разговор:

— Планы немного меняются. ФСБ выделяет мне, Тоне и детям охрану с водителями. Стройте детскую площадку, покупайте «Крота», лодку, рыбачьте, ездите на охоту, занимайтесь огородом. В заливе водится щука, окунь, сорога, а в нашем доме они почему-то

не водятся. И пиво я сейчас пил с генералом без собственной вяленой рыбки. Но зато мы поговорить горазды. А можно было бы шашлыки пожарить, например.

Егор повернулся и ушел на улицу. Сентябрь... вечерами уже было прохладно и в одной рубашке долго на улице не прстоишь. Тоня вынесла ему куртку.

— Егор, дети в школу и я теперь должна ездить в магазины с чекистами, почему?

— Тоня, многих известных артистов народ любит и почитает. Аллу Пугачеву, например, в свое время пытался убить поклонник и она чудом спаслась. Известные личности без охраны не ходят и не ездят — так устроен наш мир. Или ты считаешь, что я недостаточно популярен и у меня нет врагов среди тех, кто не смог попасть ко мне на прием?

— Егорушка, я как-то не задумывалась над этим вопросом, но теперь мне понятно. Стану ездить с охраной, ничего не поделаешь. Озадачил ты наших мужичков, действительно привыкли, что ты за них все решаешь. Ничего, Андрей завтра сходит в аэропорт, а отец с Вороновым уже нашли себе кучу дел. Времени бы только хватило.

— Ты не хочешь пойти учиться? — внезапно спросил Сибирцев.

Откровенно говоря, Егор ошарашил свою жену этим вопросом. Подумав немного, она ответила:

— В медицинский — нет. Лечить как ты я не смогу, а хуже не хочется. Можно поучиться заочно для самообразования и наличия диплома, чтобы не тыкали пальцем, что я недоучка. Например, закончить иняз. Английский я знаю, но можно изучить немецкий и французский.

— Умница, — ответил Егор, — молодец. Знание языков никогда не помешает.

* * *

Егор постепенно знакомился с элитой области, с ее руководством и влиятельными бизнесменами. В поселке, где находился его коттедж, проживали именно такие люди, не зря ФСБ и МВД взяли негласно территорию под свою опеку. Официально, естественно, никакого ограничения в приобретении коттеджей или проезда в поселок не было. Но фактически КПП на въезде стоял и в нем круглосуточно дежурили четыре человека в пятнистой форме. Все знали, что это люди из ФСБ, хотя и уволенные в запас, организовавшие частное охранное предприятие. Бывших чекистов не бывает, бизнесмены с ними не ссорились, понимая, что лучше жить с охраной, чем без нее. В поселке бедного и среднего класса не было, поэтому вопросов с оплатой ЧОПу не возникало.

Егор нашел убедительный способ принимать или не принимать гостей. Если посетитель звонил в ворота не вовремя, то выходила Тоня и сообщала, что у мужа сегодня был трудный день, много операций, и он прилег отдохнуть. Человек извинялся и заходил в другой день.

В лицее Антон и Надя Сибирцевы держались вместе, сидели на одной парте, помогали и защищали друг друга. Большинство детей были как раз из элитного поселка и уже знали друг друга. К Сибирцевым отнеслись настороженно и изучающе.

Верховодил всеми в классе Эдик Мамонов, сынок самого богатого бизнесмена, очень избалованный, капризный и пакостный мальчик. Любитель подкладывания канцелярских кнопок на сиденье, намазывания клеем и других мелких гадостей. Бегал он хуже всех в классе — не позволял накопившийся не по возрасту жирок, но своим весом мог повалить почти любого противника. С ним никто не дрался, принимая молча его оплеухи. Мальчишки

знали, что он свалит их на пол, подомнет под себя и избьет до крови, сидя сверху. Все дети его ненавидели, боялись, большинство старалось угодить, чтобы пакостливая агрессивность Эдика нашла себе другого мальчика для развлечения.

Мамонов долго присматривался к Сибирцевым, не задираясь с ними и не подкладывая кнопок. Мать потакала ему во всем, но отца он побаивался и помнил его наставления. «С тобой в классе будут учиться дети доктора, Антон и Надя, если ударишь кого-нибудь из них, то сам получишь от меня оплеуху. С ними нельзя ссориться, доктор человек полезный. Ты меня понял, Эдик? Смотри — напакостишь Сибирцевым: выпорю как сидорову козу».

И Эдик отыгрывался на других детях, хохоча во все горло, когда девчонка ойкала и плакала, севши на кнопку, а мальчишки пытались оттереть клей со своих штанов сзади. Педагоги старались не вмешиваться в этот процесс. Отец Эдика являлся главным спонсором лицея. Перед весенними каникулами он не выдержал и подошел на большой перемене к Сибирцевым.

— Антошка, иди копать картошку. Короче — вали отсюда, Надя будет со мной сидеть.

— Отвали жирный, — даже не поворачиваясь к нему, ответил Антон.

Дети замерли, удивленно наблюдая за перепалкой. Так Эдику еще никто не решался возражать. Значит будет драка. Эдик сильно толкнул Антона на парте.

— Что ты как девчонка толкаешься? Хочешь подраться — выходи на середину или уже трусил, в штаны напустил? — предложил Антон.

Он вышел на свободное пространство к учительскому столу, принял стойку боксера, подзывая противника движением пальцев. Опешивший Эдик не ожидал такого поворота событий, драться на кулаках ему еще никто не предлагал. Обычно он зажимал мальчишку сразу и своим весом валил на пол. Он вышел на середину, увидел сверлящий взгляд Антона... и описался.

— Иди в туалет, зассыха трусливая, отожди свои штанишки, — снисходительно произнес Антон, отходя в сторону и освобождая проход к двери.

Все дети хохотали, обзывая Эдика зассыхой, жирным и трусом, с удовольствием вымещая накопленные обиды. Пакостник и ябеда по натуре, он побежал не в туалет, а прямо к директору лицея. Директор отправил его домой переодеваться и вызвал к себе Антона.

— Антон, ты совершил плохой поступок — избил своего товарища до такой степени, что он описался. Это не может остаться без должного внимания, твой отец занят днем, я знаю, но вечером я его приглашу к себе. Твой проступок, Антон, обсудит педагогический совет лицея. Пока иди домой, до решения педсовета ты не можешь больше находиться в стенах нашего учебного заведения.

— Господин директор, я человек маленький, ребенок, как говорится еще, и выполню ваше требование покинуть учебный процесс в середине занятий. Но у меня тоже есть собственное мнение, вы позволите его высказать?

— Хорошо, Антон, я тебя слушаю.

— Вы поверили на слово маленькому, лживому, драчливому и пакостному негодяю, который уже два месяца терроризирует весь наш класс.

— Но разве ты не избивал Эдика? — удивленно спросил директор.

— Вот с этого и надо было начинать свой разговор со мной, господин директор, никто Эдика и пальцем не трогал, это вам подтвердит весь наш класс. Если вы не верите детям, а только спонсорской помощи папаши Эдика, то человек двадцать из нашего класса записали все происходящее на мобильные телефоны. Вы напоминаете мне не Макаренко, а Берию,

господин директор, видимо деньги Мамонова старшего затмили весь ваш педагогический разум. Каждый ребенок в нашей стране имеет право на защиту, тем более от таких монстров, как вы. Я по собственной инициативе направляю письмо в министерство образования и приложу к нему видео сегодняшнего инцидента и множество других, где Эдик Мамонов терроризирует детей, а вы закрываете на это глаза. Всего доброго, господин директор.

— Ты пугать меня вздумал негодный мальчишка? Пошел вон отсюда и в школе больше не появляйся, щенок.

— Это оскорбление, господин директор, и я требую извинений, — достойно ответил Антон.

— Да я тебе сейчас все уши пообрываю щенок деревенский, выскочка докторская.

Директор выбежал из-за своего стола и схватил Антона за ухо, выворачивая его наизнанку. Антон застонал от боли и пнул директора в пах. Тот, выпучив глаза, осел на пол.

Через полчаса весь интернет облетел ряд видеозаписей с названиями: «Ученик первого класса и директор лицея создали преступную группу, терроризирующую детей; директор лицея избивает маленького ученика». В видеороликах было все — от подкладывания кнопок до драных ушей Антона. А еще через два часа в отношении директора было возбуждено уголовное дело и его задержали прямо на рабочем месте. Вспухшее ухо Антона зафиксировали должным образом соответствующие специалисты. Пинок в директорский пах, сделавший его не мужчиной, был признан самозащитой и на ход следствия не повлиял. Народ не столько осуждал директора, сколько хохотал до колик над моментом, когда он оседал с выпученными глазами, схватившись руками за промежность, а из его рта вылетал произвольный звук «О-о-о-о-о».

Но министерству образования и следствию было не до смеха. Директор получил реальный срок на два года лишения свободы по статье 116 части 2-ой УК РФ. Эдик Мамонов, выпоротый отцом, принес свои извинения одноклассникам и остался в лицее, но уже не пытался пакостить никому.

Егор понимал, а Тоня нет — почему дети ничего не рассказали заранее о событиях в школе. Обо всем оба узнали из интернета. Антон пояснил:

— Мама, Эдик не доставал нас с Надей раньше, но когда привязался, то я дал ему достойный отпор.

— Так, что директор надрал тебе уши. А если бы он что-то сделал с тобой более серьезное? — с тревогой спросила она.

— Мама, мы с Надей можем за себя постоять, ты не волнуйся. Вывернуть себе ухо я сам позволили, иначе мне было бы трудно доказать свою правоту. А так все сложилось удачно, человек, оскорбивший меня, наказан. Эдик стал тише воды и ниже травы, все хорошо, мама.

— Вы же еще дети... как можно вступать в пререкания со взрослыми... постоять они за себя могут видите ли...

Пришлось вмешаться отцу:

— Тоня, Антон с Надей действительно могут постоять за себя и не допустить расправы. Сын контролировал ситуацию, и директор сделал то, что ему позволил Антон. Он мог изначально сделать так, что директор бы не сдвинулся с места. Это мои дети, Тоня, у них наследственность, дающая им большие возможности. И они это знают. Только вот что, деточки, до окончания университета чтобы я больше не слышал о ваших способностях. Закончите университет и интернатуру — делайте что хотите. А пока ни гу-гу. Вам ясно?

— Да, папа, — ответили они.

— Ясно им, а мне не ясно, они и мои дети, Егор, — возмутилась Тоня, — почему я ничего не знаю?

— Теперь знаешь, — ответил он, — наши дети могут делать то, что делаю я. Они сейчас могут оперировать, как я. Но всему свое время. Наденька, например, может тебя защитить лучше любого вооруженного спецназа и Антон, естественно, тоже. Но общество еще не созрело для такой информации. Вся охрана ФСБ — это только для тебя, Тоня, мне и детям она не нужна. Ты наша любимая мамочка и мы тебя бережем.

— Но они же дети, Егор, — все-таки удивленно возразила Тоня.

— Они потомственные врачи и смогут, например, мгновенно парализовать человека. Хочет преступник ударить ножом или выстрелить из пистолета, но не может — руки и ноги у него не работают. Свалится кулем на землю на пять минут, на день или на всю оставшуюся жизнь в зависимости от нашего желания. Но говорить об этом никому не стоит, даже твоим родителям. И это ты подарила мне таких замечательных детей.

Он подошел и обнял жену. Подбежавшие Антон и Надя обняли обоих.

— Подлизы, — удовлетворенно и ласково произнесла Тоня.

Геннадий Россов, он же Генри Росс, и Диана Россова, она же Джесика Круз, подъезжали к Н-ску на микроавтобусе. Геннадий и Диана, по российским документам муж и жена, добирались к месту через Украину, от Москвы самолетом и последние сотни километров на маршрутке, где не спрашивали никаких документов. Оба разведчика хорошо помнили свою основную задачу — переправить Сибирцева в Америку, а в случае неудачи его детей или в крайнем случае жену. Вербовка не входила в их планы. В Лэнгли понимали, что на это нет времени, и доктор вряд ли согласится переехать в Штаты добровольно. Деньги его не станут интересовать, он и в России зарабатывал очень прилично, до ста миллионов рублей в месяц и более. Зацепками для вербовки американцы не обладали, поэтому выбрали единственно правильный, на их взгляд, путь — снотворное, посольство, Америка. Но это основные вехи, детали плана должны разрабатываться и применяться на месте по ходу развития событий.

Границу разведчики перешли удачно, документы надежные, прописка Н-ская, штампы настоящие, только проживающие в адресе лица ничего о своих комнатных соседях не знали. Парочка сняла квартиру, заплатив за три месяца вперед, и начала слежку за клиникой доктора.

В первое же утро они установили, что Сибирцев приезжает в клинику в десять часов на автомобиле Мерседес-седан. Такой же марки джип — машина сопровождения с четырьмя охранниками. С ним приезжают еще две женщины, по описанию Джона Терри — это теща и супруга брата жены доктора, они работали с ним вместе в клинике. В восемнадцать часов указанная тройца уезжала из клиники. Россовы проследили за ними до отворота с тракта, далее ехать не решились и как потом поняли — правильно сделали.

На следующий день Диана осталась следить за клиникой, а Геннадий отправился к повороту с тракта. Проехав на километр дальше, он стал наблюдать. С 12 дня до 17 часов ни одна машина не выехала и не въехала в поворот. Он сделал предварительный вывод — утром уезжают на работу, вечером возвращаются домой. Причем на машинах класса люкс. Элитные коттеджи? Значит все друг друга знают и ехать по этой дороге опасно. У Дианы по-прежнему — тройца приехала в десять и уехала в восемнадцать. Торопились Россовы медленно, лучше потратить на слежку месяц или три, чем провалиться в одну минуту.

Оставив клинику пока в покое, они вместе поехали к повороту. Диана осталась в машине за километр от поворота, а Геннадий через целину снега ушел в лес. Начало декабря, снега еще не много, час туда, час обратно, осмотреться... через два с половиной часа должен вернуться, прикидывала мысленно она.

Недорогой бэушный автомобиль они приобрели еще в первый день своего приезда. Ездили по рукописной доверенности, машина старая, но несколько месяцев протянет, большего им не требовалось. Прошло два часа, Диана заметила, что на обочине позади припарковался джип, из которого вышли два молодых мужчины и направились к ней. Заблокировав двери, она сконцентрировалась в салоне, оставаясь на месте пассажира. Полиция, чекисты, бандиты?..

Один из них дернул ручку, затем постучал в окно. Она приоткрыла его немного, спросила:

— Че надо?

— Девушка скучает одна на дороге, ждет помощи, и мы готовы ее оказать, — ответил мужчина пониже ростом.

— Спасибо, ничего не нужно, сейчас муж вернется.

— Муж? Куда же он пропал на дороге? Ни впереди, ни сзади никого. А мы могли бы пока отдохнуть вместе.

Диана кивнула в сторону леса и ответила грубо:

— Срать ушел... не понятно?

Мужики засмеялись.

— Тем более пойдем к нам, зачем тебе такой засеря? У нас дачка здесь рядом. Отдохнем, позабавимся вдоволь — не пожалеешь.

Явно не полиция, подумала Диана, не ее методы. Чекисты? Вполне может быть, но мы еще не могли нигде засветиться. Обыкновенные мужики, гоп-стопники, у которых сперма из глаз и ушей брызжет. Она поняла, что просто так они от нее не отстанут.

— Мальчики, я тренер по карате. Хотите позаниматься со мной здесь или все-таки побережете свои коки?

— Тренерша... — заржал высокий, — каратистку я еще не имел. Сама выйдешь или помочь?

Он вытащил из куртки битую и стал постукивать ею о левую ладонь. Короткий тоже достал дубинку, спрятанную до этого под одеждой. Точно гопники насильники, поняла Диана, но враз изменила свое мнение — они встали так, что дверцей не ударить и если напасть на одного, то второй точно огреет битой. Мозг заработал, как компьютер, оценивая ситуацию и принимая решение. Отойти подальше от дверцы перпендикулярно они не могли, мешал небольшой обрыв обочины, поэтому встали впереди и сзади дверцы. Тем более, что так удобнее разбивать стекло, если она не выйдет. Все-таки гопники насильники... надо потянуть время и выиграть лучшее месторасположение.

— Мальчики, — она опустила стекло полностью, — я все поняла, обойдемся без дубинок. Это веский аргумент не в мою пользу, а в штанишках у вас тоже есть что-нибудь тверденькое или так себе?

— Выходи, тварь, — не выдержал высокий, стоящий сзади от дверцы.

Окно открыто, он решил приблизиться, разблокировать дверь и вытащить женщину за волосы. Она мгновенно ударила, сталкивая его в кювет и одновременно прикрываясь открытой дверцей от второго. Встав во весь рост, Диана уклонилась от свистящего удара дубинкой и пнула низенького в челюсть, вырубая сразу. Высокий, выбираясь из кювета, тоже получил пинок в лицо и, отключившись, покатился вниз. Наконец-то в лесу появился Геннадий, быстро прыгнул в машину и нажал на газ.

— Что случилось, Дина? — спросил он, вдавливая педаль в пол, чтобы быстрее убраться от этого места.

— Я поняла так, что это гопники насильники, хотели, чтобы я уехала с ними на дачу. Не полиция — точно, а чекисты маловероятно. Что у тебя?

— Через два километра от поворота — КПП и вооруженная охрана. Скорее всего ЧОИ из бывших спецназовцев, проверяют каждую входящую и выходящую машину. Знают, видимо, всех в лицо, заглядывают внутрь салона и козыряют. Вся территория огорожена, внутри тридцать двух-трехэтажных коттеджей. Элита бизнеса и власти. Там мы работать не сможем, у клиники тоже не получится. Но мы пока ничего не знаем о жене и детях. Приедем на квартиру — подумаем, чаю горячего очень хочется, замерз напрочь, пока по снегу бродил.

Ты все-таки считаешь, что это обычные отморозки, а не чекисты?

— Да, смоделировать ситуацию с битами они не могли, они же не знали, что мы здесь остановимся.

— Будем надеяться. Ты их не сильно приложила, не сдохнут?

— В самый раз — может быть только челюсть сломала и нос. Заявлять не станут, но машину сменим, так надежнее.

Молодые мужички действительно заявлять не стали, но через знакомых гайшников номер пробили и установили хозяина, который был в глубоком запое от вырученных денег. Он ничего не пояснил конкретного — продал машину какой-то бабе, но даже описать ее не смог. Парни избивали его и даже пытали утюгом, но он действительно ничего не помнил и рассказать не мог. Соседка вызвала полицию, услышав крики, мужичков взяли с поличным над только что отошедшим в иной мир телом пьяницы. На этом розыск Дианы прекратился.

— И так, что мы имеем на сегодняшний день, подведем итоги — дома и на работе нам Сибирцева не взять, ездит он с охраной. Остаются жена и дети, про которых мы ничего не знаем. Какие мысли, Дина?

— Какие мысли, — усмехнулась она, — будто у тебя другие. Надо устанавливать где учатся дети, они же ездят в школу, там их и взять.

— Наверное их увозит и забирает мать, но мы не знаем куда и на чем. Даже не представляю себе пока как это выяснить.

— Про семью могут знать в минздраве области и журналисты. Надо разделиться, тебе минздрав, мне журналисты. Пойдешь искать контакты под видом лечения родителей, больных запущенным раком. Там в основном женщины работают, а мне с журналистами легче контакт найти, — предложила Диана.

— Договорились, завтра и начнем, — ответил Геннадий.

Он появился в минздраве с утра, походил по кабинетам, присмотрелся, зашел к одной интересной особе.

— Здравствуйте, такая красавица и одна скучает на работе.

— На работе не скучают, а трудятся, — она улыбнулась, и он понял, что зацепил девушку, — хотите что-нибудь предложить?

— Конечно, такую девушку можно только носить на руках. Не против, если я отнесу вас в ресторан?

— Сразу в ресторан... даже не познакомившись. Если на руках, то только в ЗАГС, — кокетливо ответила она.

— Я Геннадий, а вы?

— Люси.

— Люсенька — прекрасное имя.

— Не Люсенька, а Люси. Терпеть не могу, когда меня так называют. Что вы хотели, Геннадий?

— Родители больны раком, не знаю, как попасть к Сибирцеву. Не поможете?

— Нет, к сожалению, эти вопросы решает только министр, он и с доктором общается напрямую.

— Но, возможно, кто-то еще имеет выход на него, не один же министр, не его это функции.

— Нет, только министр, Сибирцев никогда не бывал здесь, и я знаю о нем столько, сколько и вы.

— Жаль, наверное, у доктора тоже есть дети и он бы меня понял.

— Наверное есть, не в курсе, — ответила Люси.

— Что ж, спасибо за информацию, до свидания, Люси.

— А ресторан? — кокетливо спросила она.

— Я же сказал до свидания, значит, свидание будет. Вот только мама подлечится и обязательно сходим.

Он вышел из кабинета и понял, что ловить здесь ему нечего. Но может сходить к министру?.. В приемной ему пояснили сразу, что приехал он зря. Сибирцев напрямую общается с заведующими отделениями города, а иногородние врачи выходят на министра, но только врачи, с родственниками он не общается.

Дина пересмотрела в начале всю местную прессу о докторе. Наиболее часто о нем писал Стах Правдивый. Понимая, что это псевдоним, она пошла в редакцию, с трудом, но нашла этого человека.

— Здравствуйте, добрый молодец, пишущий под именем Стаха Правдивого. Я из Красноярской газеты, не можете с информацией о Сибирцеве?

— О, а вы, оказывается, коллега. Меня зовут Станислав, можно просто Стас. А вы?

— Я Дина. Так можете?

— Сложный вопрос, — ответил он, — что вас интересует? Мы сами практически ничего не знаем, кроме того, что уже написано. Но если чем смогу — помогу.

— Хотелось бы знать все — где рос, учился, чем занимается жена, дети, наклонности, хобби доктора.

— Да-с, — хмыкнул Стас и глянул на часы, — совсем не много. Обед по времени, как вы относитесь к моей компании?

— Приглашаете?

— Увы, не в ресторан, с финансами туго, но столовую себе позволить могу.

— Не много, но кое-что мне на расходы выделили — я плачу.

— Здорово, тогда не вопрос, идемте, здесь есть неподалеку уютный ресторанчик.

Дина пошла за Стасом, мысленно посылая его ко всем чертям. Пожрать хочет за счет дамы и выпить, это уже в ее понятиях не лезло ни в какие рамки. Заказывала она, давая понять, что он иждивенец, не удержалась, но ему было на это наплевать. Обыкновенный журналюга, жаждущий урвать. И не важно что — сенсацию или обед.

Она отпила глоток вина, а он сразу заглотил полбокала коньяка. Видимо еще тот фрукт, не ровно дышит к спиртному.

— Так что вы можете мне рассказать о докторе?

Стас понял, что обед надо отрабатывать, вздохнул.

— Заканчивал он наш университет, потом по направлению поехал в ЦРБ за четыреста верст. К черту на кулички, короче, отработал там восемь лет, женился и вернулся — детям в школу пора, не в деревне же им образование получать. Жена домохозяйка, дети учатся в элитном частном лицее. Вот, собственно, и все.

Он допил бокал коньяка, поставил на стол, покручивая его с сожалением. Дина поняла, что он может еще что-то рассказать... она заказала еще бокал. Стас повеселел сразу.

— Тут история одна с его ребятишками произошла интересная. Антон, это старший сын доктора, есть еще дочка Надя, она на год младше, но учатся они в одном классе. Так вот этот маленький Антон посадил директора лицея на два года.

— Неужели? — усмехнулась Дина, подзадоривая Стаса.

— Точно. История простая. Два мальчика, один сын доктора, другой директора и хозяина алюминиевого завода, не поделили что-то. Директор, естественно, заступился за сына своего спонсора и надрал Антону уши. Надя записала все на телефон и выложила в интернет, как директор в кабинете крутит уши мальчику. В результате два года лишения свободы. Разве вы это в интернете не видели?

— Наверное где-то в командировке была, а когда вернулась — уже пшик, стерли.

— Это точно, через сутки уже ничего не было в инете.

— Где этот лицей, может мне с его детьми пообщаться? — спросила Дина.

— Лицей-то известен, не вопрос, — он назвал адрес, — но с детьми вы не общаетесь, их спецназ ФСБ охраняет так, что не подберешься. Увозят, привозят и целый день там торчат.

— Спецназ ФСБ, зачем, это же дети? — удивленно спросила Диана.

— Это уже не моего ума дело, пусть хоть космонавты охраняют, мне без разницы. Наверное, у доктора врагов много, не все же к нему на прием попадают, вот и таят злобу люди, у которых родственники умерли. Он мог их вылечить, но не принял.

— Но он же не может всех принять, что за вздор?

— Не может, естественно, но как это объяснить папе, у которого сын умер? Поэтому и охрана достойная.

— А жена доктора?

— Что жена, жена дома сидит. Ездит редко с такой же охраной по магазинам и все.

Больше Диане ничего не требовалось от Стаса, она выяснила необходимую информацию, заплатила по счету и ушла. Захмелевший немного Стас, видимо, рассчитывал на большее, но обломился и поплелся домой, проклиная Диану. «Тоже мне... фифа краснаярская нашлась... писака. Хрен ты че от Сибирцевых поимеешь. Сами бы интервык взяли, да не получается».

Вечером Геннадий и Диана делились информацией. У него по нулям, а она кое-что накопила. Теперь необходимо отработать новый объект — лицей. Фотографий детей не было, но они быстро вычислили нужных. Такой же джип Мерседес с охраной. Охрана внутрь лицея не заходила, все время оставаясь на улице. В пять вечера они встречали детей у выхода, провожали и усаживали в машину. Оставалось одно — брать во время занятий и по черному ходу уводить на другую улицу.

Диана изготовила себе документ — удостоверение сотрудника минобразования. С ним она могла беспрепятственно проникнуть в лицей с проверкой, пообщаться с нужными детьми и вывести их из здания под благовидным предлогом. Россовы стали готовить операцию тщательно. Войти не вопрос, как выйти с детьми? Привыкшие к охране, они с незнакомкой не пойдут добровольно, значит, нужно вытаскивать сонными. А другие дети, учителя? Усыплять всех и выносить детей к черному выходу. Легко сказать — усыплять. Дозировка у детей и взрослых разная. Дашь детскую — не уснут преподаватели; взрослую — дети могут погибнуть. Геннадий подсказал дельную мысль:

— Распыляешь детскую дозировку и одеваешь на них противогазы, потом включаешь взрослую.

— Но погибнут все другие дети...

— Тебе важно здоровье и жизнь каких-то детей или ты приехала сюда выполнить задание? Считай, что это приказ, и не морочь мне голову, — пояснил Геннадий.

— Если засыплемся, можем получить до двадцати лет, а за смерть детей пожизненный

срок. Всю жизнь ходить мордой в пол мне не хочется. А тебе?

— Я отдал приказ или ты хочешь его нарушить?

— Я рассуждала здраво. Но приказ — есть приказ, никто его нарушать не собирается.

Выведу я детей, дальше что?

— Дальше в машину и в аэропорт, я договорился с чартерным рейсом на Москву и в посольство. Пояснил пилотам, что повезу больных детей бес сознания, если доктор их не примет. Пилоты ждут три дня, не больше и готовы вылететь в любое время, как только я получу, якобы, окончательный отказ от доктора. Так что все в порядке, Дина. За эту операцию нам заплатят столько, что можно будет уже не работать. Куплю себе домик на побережье, буду рыбачить в удовольствие и отдыхать. Можешь составить мне компанию, если захочешь, будет не скучно и весело.

— Размечтался... Это плохая примета. Надо еще дело сделать.

Про себя она подумала, что на один метр с ним рядом не сядет. Если я сплю с тобой здесь, то это совсем не значит, что буду спать там. Мужики получше найдутся.

На следующий день Геннадий подогнал машину на улицу к черному выходу из лицея. Диана, представившись директору лицея проверяющей, произнесла:

— Время прошло, вроде бы все успокоилось, но министр хочет знать, как живут и учатся в лицее дети Сибирцева. Это основной вопрос, с которым я прибыла из столицы.

— Данный случай не при мне был, вы это хорошо знаете. Детям комфортно и учатся они на отлично, все бы так учились.

— Я уже дала понять, что тот инцидент меня не интересует, мне важен настоящий момент. Пригласите детей, я должна с ними пообщаться.

— Но урок только начался, подождем перемены?

— Нет, ждать мы не будем или вы думаете, что у вас в городе только один лицей и других школ нет. Ведите, пять минут разговора им знаний не убавит.

Директор пошел за детьми, Дина подала сигнал — внимание. Она попросила директора остаться с детьми наедине.

— Здравствуйте Антон и Надя, я тетя Диана, приехала узнать, как вы учитесь и живете в этом лицее. Может быть что-нибудь нужно вам?

Она распылила газ по кабинету, приложив к носу и рту маску противогаза, надела ее на лицо. Когда дети уснули, надела противогаз и им, подавая сигнал на маленькие баллончики по пути следования. В приемной и коридоре все уже спали. Держа детей под мышками, она добралась до черного выхода и до машины Геннадия. Он погнал сразу в аэропорт. Через десять минут дети очнулись, но Диана сделала им укол, теперь проспят до самого посольства.

Через десять минут взрослые очнулись от сна в лицее, с ужасом увидев валявшихся на полу детей. Позвонили в скорую, вбежала охрана Сибирцевых, но детей не нашла. Сразу же сообщили генералу Соболеву, ввели план перехват, который результата не дал. Генерал с тяжелым сердцем позвонил Сибирцеву. Он ответил:

— Подъезжайте ко мне на работу, генерал, я расскажу, что вам необходимо сделать.

— Не понял — вы мне расскажете какие я должен принять меры? — удивленно спросил Соболев.

— Подъезжайте и все поймете, это не телефонный разговор, — ответил Сибирцев.

Генерал явился раздраженный, сразу же решил высказаться:

— Я понимаю, Егор Борисович, что вы гениальный хирург, но, простите, здесь

похищение детей, а не операция на брюшной полости. Я приехал только из уважения к вам, а мне надо руководить операцией.

— Руководить операцией нет необходимости, я сейчас все объясню, за этим и пригласил вас, генерал. Дети мне ничего не сказали, потому что я бы не разрешил им связываться с американской разведкой.

— Вы считаете, что детей выкрали американцы?

— Лев Сергеевич, вы послушайте, а все вопросы потом зададите. Да, дети сейчас летят в самолете чартерным рейсом на Москву.

— Какой рейс, мы немедленно посадим его и спасем детей.

— Генерал... ну что вы за человек... я же вам сказал: слушайте, а все вопросы потом.

— Извините, Егор Борисович, но время уходит...

— Если вы считаете, что уходит время, то не мешайте мне рассказывать. Мои дети особенные, американцам с ними не справиться.

— Как это не справиться подготовленным разведчикам, если вы утверждаете, что это американцы, с маленькими детьми? — вновь спросил чекист.

— Генерал, вы можете пять минут помолчать? Пять минут, можете время по часам засечь? Все... молчите и не слова больше. Дети решили провести операцию по разоблачению шпионской сети сами, не поставив меня в известность, иначе я бы не разрешил, они это понимали прекрасно. Неделю назад или чуть больше у нас в городе появилась супружеская пара Россовых — Геннадий и Диана. На самом деле это Джесика Круз и Генри Росс, агенты ЦРУ, которые перешли нашу границу через Украину. Они поняли, что меня им не взять и забрали детей. Путем шантажа американская разведка хотела выманить меня в Штаты и заставить работать над созданием генетического оружия. Все случилось после того, как я вылечил мальчика с болезнью Дауна, если помните. Дети решили подыграть американцам и сейчас, якобы, спят в самолете. План детей следующий — когда их доставят в американское посольство в Москве, с целью последующей переправы в США, они выбегут на улицу и закричат о похищении. Перед этим должна быть опубликована информация, что мои дети похищены. Американцы их добровольно не отдадут и здесь есть варианты — спецназ ФСБ штурмом берет посольство, освобождает детей, и все сотрудники высылаются из страны в течение 24-х часов. Хочу еще раз подчеркнуть, что на добровольную выдачу они не пойдут, заявят, что это их дети решили пошалить и крикнули, что похищены. Второй вариант — дети сами расправятся с американцами и выйдут на улицу, то есть на территорию России. Все, естественно, должно транслироваться по телевидению в прямом эфире. Скандал, сами понимаете, предстоит огромный. Я бы предложил следующий вариант — наше правительство выражает протест и предлагает добровольно выдать похищенных детей. Американцы на это не идут, тогда дети выходят сами, захватив с собой похитителей, и все это в прямом эфире. Их легко опознает директор лица и другие лица. Теперь следующее — я имею возможность общаться с детьми на расстоянии мысленно, и они ждут от меня конкретных указаний. Дети на самом деле в безопасности, вред им причинить невозможно. Ваша задача, генерал, не скрывать здесь информацию о похищении, а подать ее в эфир во всех подробностях. Доложить руководству, чтобы они и телевидение уже ждали у посольства, засняли выход детей, потом организовали ноту протеста и предложение добровольной выдачи. Справитесь или опять придется делать всю вашу работу за вас — ловить шпионов и прочее?

— Почему я должен верить вам?

— Потому, что я делаю то, чего не могут другие. Но знать это всем не обязательно. В вашей работе, генерал, я понимаю многократно больше вас, извините, но это факт. Доложите руководству или опять сомнения и вопросы?

— Что я скажу руководству, что верю вам? Но кто поверит мне?

— Хорошо, Лев Сергеевич, я больше вас не задерживаю. Идите домой, на работу — куда хотите. Смотрите телевизор и вы увидите в эфире то, что я вам рассказал. Работать будут журналисты, а вы потом отписываться. Не только лично вы, но и московское руководство в том числе. Да, вам не поверят, я знаю. Но отписываться потом не придется, если доложите. Не поверят, но виноваты будете не вы, найдут другого стрелочника.

Генерал ушел и после некоторого размышления все-таки доложил руководству устно и письменно. Ему, естественно, не поверили, сказали, что подумают и направят на психиатрическую экспертизу. От должности отстранили немедленно.

Допрыгался, решил Соболев, но подождем развития событий, вдруг Сибирцев окажется прав, он же чудотворец, как его называют в народе. Генерал включил телевизор и смотрел, как журналисты захлеб муссируют информацию о похищении детей. Команду о допуске журналистов он успел дать. Теперь оставалось одно — ждать.

Через несколько часов он увидел, что в эфире появилось здание посольства США, из которого выскочили дети и закричали громко:

— Мы Сибирцевы, нас похитили, помогите!

Это уже было реальностью, на которую пришлось реагировать. Американцы, естественно, детей не отдали и увели их внутрь здания. Еще через некоторое время дети вышли, держа под прицелом пистолета мужчину и женщину, сдали их прибывшим чекистам и заявили, что именно они похитили их в Н-ске, усыпили и привезли на самолете в Москву, с целью доставки в США и последующего шантажа доктора Сибирцева. Началось следствие и разборки. Журналисты от такой сенсации чуть было не проглотили собственные языки.

Соболев приехал с извинениями к Сибирцеву, его восстановили в должности. Теперь он был на высоте, не отписывался, а пояснял и не мог понять, как это сделал доктор. Уму непостижимо — все вышло, как он предсказал.

Тоня, увидев детей по телевизору не испугалась, она опешила от удивления, испуг пришел позже, но Егор успокоил ее:

— Я же тебе говорил, что наши дети всегда в безопасности. Захотели прокатиться на самолете — вот и решили поймать шпионов. Какими родила, такими и растут — сильными, смелыми, умеющими постоять за себя.

— Подхалим ты, Егор. Не уговаривая и не объясняя — все равно душа болит. Почему раньше мне не сказал, почему я по телевизору узнаю о собственных детях? — возмущалась она.

— Я и сам не знал, они ничего не сказали заранее, понимали, что не разрешу, вот и решились на самостоятельный поступок. Приедут — накажу, не волнуйся.

— Накажет он... как ты не понимаешь — я же волнуюсь, переживаю. В безопасности... они дети, Егор, дети, а не чекисты, им учиться надо, а не шпионов ловить.

Сами Антон с Надей объяснили в ФСБ просто: «Нас, как детей, серьезно не охраняли, ходили с оружием, не заботясь о нем. Я в кино видел, — произнес Антон, — как стреляют из пистолета, выхватил его из-за пояса бандита, передернул и выстрелил в воздух. Пришлось со мной считаться и выйти на улицу. Больше я пояснить ничего не могу и Надя тоже».

Политический скандал разгорелся невероятный... киднепинг ЦРУ, объявление посла

персоной нон грата...

До определенных лиц наконец-то дошло — Сибирцев может не только блестяще оперировать, но и создавать оружие. Биологическое, в том числе генетическое оружие, запрещено специальной Конвенцией, но его тайно разрабатывают все развитые страны. Предатель американского народа Сноуден объявил миру о тотальной слежке. Кто про это не знал — деревенский Ванька или фермер Джон? Да, они, наверное, не знали, но правительства и спецслужбы всех государств прекрасно об этом знали. Изобрел колесо, но зато на шумел, собственную страну подставил. Шпион или разведчик — это профессия, а предатель всегда и везде сволочь. Так и с оружием — нельзя, но изобретают. Ворует — шикует, поймался — сидит.

* * *

Зима в этом году была холоднее прошлой, но и снега выпало побольше. Самохины и Воронов никак не могли привыкнуть к серому городскому снегу. «Это чем же мы дышим — сплошной копотью и сажей», — возмущались они. Особенно ранней весной, когда снег начинал подтаивать, на обочинах дорог он вообще чернеет.

Весна... Самохин и Воронов целые дни проводили на заливе, соревнуясь, кто больше поймает рыбы. Они закупили соответствующую одежду, снасти и ледобуры, рыбачили постоянно и теперь рыбы было предостаточно. Мужики собирались вялить ее к пиву в гараже, но Егор не разрешил. «Вялить будете летом на улице, а то провоняете весь гараж и дом в том числе. Расколотка, уха, соление и пожарить. Вы наши добытчики и молодцы, сохатого завалили, килограмм пятьсот мяса привезли. Времени у вас не хватает, а помните вначале — заняться было нечем. Летом щучек наловите, навялите — лучшего к пиву не знаю».

Егор сейчас обдумывал предложение о работе над генетическом оружием. Он уже ставил вопрос: «Кто будет лечить неоперабельных больных, ваши профессора и академики? Так они ни черта не понимают в этом, а я даже не кандидат наук. Написать диссертацию, но кто ее станет оценивать, если ничего в ней не поймет ни один ученый?»

Министр здравоохранения все-таки поставил задачу перед высшей аттестационной комиссией, и они согласились присвоить в качестве исключения Сибирцеву ученую степень доктора медицинских наук по результатам работы. Согласно последнего приказа сейчас не присваивали докторскую степень, минуя кандидатскую, но исключение — есть исключение. Тем более, что все знали и осознавали заслуги доктора.

Предлагалось разное решение, в том числе и такое — лечить больных не четыре раза в неделю, как он это делал, а три. Но Сибирцева больше всего волновал морально этический вопрос — могут погибнуть целые нации, этносы. Да и в той же Америке сейчас есть ли чистокровные люди. Есть, конечно, но кто они? Америку осваивали пол-Европы в свое время и коренное население там индейцы, которые ничего не решают. Нация, у которой нет истории, сейчас диктует свои права миру. Но это ненадолго, через несколько десятилетий они потеряют былую могущественность. Китайцы «захватят» мир. Узкоглазый, восточный и хитрый народ, с которым сейчас мы дружим, может выкинуть разные фортели, с ним необходимо общаться с оглядкой. Став единственной мировой державой они станут диктовать свои условия намного жестче и поганее американцев, остров Даманский уже был

тому примером.

Сибирцев решил встретиться с ведущими учеными в области генетики и генного оружия. На встрече присутствовала персона, курирующая эту область вооружения.

— Я бы хотел услышать, тезисно, задачи, что сделано и проблемы? — поинтересовался Сибирцев.

Ученые глянули на персону, и она кивнула головой:

— Да, говорить можно все.

— Собственно говоря, генетическое оружие, как таковое, уже создано. И не только у нас, — заговорил один из ученых генетиков. — Проблема в другом, в доставке РНК-убийцы конкретному этносу. Заражение не происходит воздушно-капельным, пищевым или контактным путем, молекула убийца должна попасть в кровь. Тогда созданная РНК встроится в ДНК и определенная группа людей, если можно так выразиться, вымрет. Такие вакцины есть, но опять же существуют две основные проблемы. Во-первых, это дорого, а во-вторых, способ ее использования. Если зараженную вакцину преподнести как лекарство или прививку, то легко можно вычислить и страну убийцу. Тезисно — все.

Сибирцев примерно так все себе и представлял. Оружие есть, нет эффективного средства доставки.

— Генетически обусловлены, то есть закодированы в ДНК все человеческие характеристики, — начал говорить Сибирцев, — внешний вид, манера поведения, длительность жизни и так далее. Если искусственно вырастить фрагмент интерферирующей РНК, то, попадая в организм человека, эта молекула способна уничтожить определенные заранее заданные комбинации генов. Иными словами, РНК внедряется в процесс жизнедеятельности человека. Но зачем же огород городить, когда можно пойти совершенно другим путем — никого не уничтожая и получая необходимый результат. Мы мирная страна, не агрессор, не ястреб, зачем же нам убивать другие народы? Вы никогда не задумывались над этим, господа от науки?

— Это философия, причем вредная для любого государства. На оружие можно ответить только более совершенным оружием, — вмешалась в разговор важная персона. — Если бы мы не изобрели своевременно ядерное оружие, то и России бы уже давно не было. Надеюсь, что это понимает здесь каждый.

Персона устроилась поудобнее в кресле, оглядывая всех, довольная своей краткой и веской речью.

— Сапоги тоже разные бывают — кирзовые, яловые, хромовые... — произнес Сибирцев.

Ученые постарались скрыть улыбки. Персона поняла, что ее уязвили и не собиралась оставаться в долгу.

— Вы, господин Сибирцев...

— Ну что вы... Вы же ничего снова не поняли, — перебил он персону, — я лишь хотел сказать, что когда говорят ученые, чиновникам не стоит встречать, ибо они ничего не понимают в научной тематике и только мешают дельным мыслям. Вам нужен конечный результат, и он будет, уверяю вас. Но другим путем, не способом массового уничтожения, а совершенно мирным. Философия, о которой вы упоминали, естественно, порочна. Я имею в виду конкретно вашу философию, философию оружия против другого оружия.

Персона поняла, что ее снова опустили.

— Хватит болтать, — она ударила ладошкой по столу, — вы, я вижу, поговорить

горазды, только дела нет. Утверждаете, что будет результат — что и когда, конкретно пожалуйста, без философии.

— Конечно, — ответил усмехнувшись Сибирцев, — вашу должность не сегодня-завтра упразднят за ненадобностью, поэтому не вам знать о результатах научного секретного исследования, у вас и допуска к нему нет и не будет. Так и доложите Президенту, что результат уже есть, но он не для кирзовых сапог.

Сибирцев встал и вышел из кабинета, попрощавшись с учеными. Сразу же позвонил директору ФСБ:

— Добрый день, это Сибирцев, я встретился с учеными генетиками под присмотром одной важной персоны и попросил ее доложить результаты Президенту. Но, исходя из логики, понимаю, что это персона фальсифицирует результаты переговоров. Причина банально проста — такой должности больше не потребуется, а терять ее не хочется. Вас попросят прояснить ситуацию, считайте, что вы ее уже прояснили, есть конкретные предложения, которые я бы хотел обсудить с Президентом лично. Важная персона об этом умолчит при докладе.

— Спасибо за своевременную информацию, Егор Борисович, я доложу о вашем желании встретиться с Президентом лично. До свидания.

Егор занялся текущими делами. Из администрации Президента ему позвонили через три недели и пригласили на прием. Он не жаловался на важную персону, не рассуждал о важности генетического оружия, Сибирцев предложил нечто иное.

— Господин Президент, генетическое оружие создано и, полагаю, не только в нашей стране. Вся проблема в том, что нет надежного и массового способа доставки молекулы убийцы в ДНК определенной группы лиц. Я бы вообще отказался от производства оружия массового уничтожения, ибо оно с развитием человечества не потребуется. Конечно, ДНК определяет в человеке все, в том числе характер, манеру поведения и так далее. Зачем же убивать, если можно заблокировать ген агрессивности. В той же Америке есть ястребы, желающие развязать войну. Но если заблокировать определенный ген, то они станут мирными голубями, некому станет войну развязывать. Я не разведчик, специально подготовленные люди сделают это гораздо лучше меня. Необходимо лишь в определенной стране произнести в эфире несколько фраз. Это может быть интервью посла или что-то другое. Но несколько произнесенных не важно кем фраз навсегда отобьют охотку к войне и агрессивности как таковой. Способ безопасен и абсолютно надежен. Тем более, что произнося эти фразы мы ничем не рискуем. На этом диске запись фразы на английском языке. Если ее произнести, по-английски конечно, то все англоязычные личности станут мирными людьми. Результат очень скоро проявится в политике, и вы это поймете. Позже я подготовлю текст на арабском языке или фарси, чтобы исламские радикалы стали голубями мира. Я понимаю, что в это сложно поверить, но риска нет, а результат увидите не только вы. Но вы будете знать причину, а другие нет. Не стану объяснять механизм действия. Подчеркну лишь то, что фраза должна быть произнесена точно, без перестановки слов. Спасибо, что выслушали. Вероятно это или очевидно — решать вам.

— Значит вы предлагаете блокировку генов агрессии и, исходя из этого, мирное сосуществование стран, где не потребуется оружие нападения. Поверить в это сложно. Но и не поверить нельзя — все ваши операции земным объяснениям не поддаются. Спасибо за информацию, Егор Борисович.

Сибирцев вернулся к своей основной работе. Хотелось лишь одного — спокойно, без

вмешательства каких-либо лиц от ФСБ, администрации и правительства, исцелять больных людей, уделять больше времени своей семье и ориентировать детей на лечение, а не на политику. Он работал в своей клинике... дети учились.

В ЦРУ шло совещание за совещанием. Новый директор и начальник «русского» отдела не могли понять, как провалилась операция с вывозом детей в Америку. Все шло на редкость удачно и планоно. Но как дети смогли выйти из посольства, не только выйти сами, но и вывести посла с Джесикой Круз и Генри Россом? Разболтались, расслабились, позволили маленьким детям захватить оружие и манипулировать собой. Разведка, не справившаяся с первоклассниками... Нет, это объяснению не подлежит. Но нового конкретного плана по захвату Сибирцева не рождалось. Теперь его настолько усиленно охраняют, что не подступишься.

Антон Сибирцев вместе с сестрой успешно окончили интернатуру, став полноценными хирургами. Во время учебы никто не заподозрил их в наличии отцовских способностей. И многие коллеги высказывались по этому поводу с сожалением. Отец запретил им демонстрацию своего гениального таланта до окончания интернатуры. «Получите право на самостоятельную работу — тогда и развернетесь по-настоящему», — говорил он. Авторитет родителя был настолько непререкаем, что никто даже и не думал ослушаться его. Впереди был месячный отпуск, что дети станут работать в клинике Сибирцева — не сомневался никто.

Антон позвонил своей подруге:
 — Привет, Олеся, наконец-то учеба позади, и я свободен, как ветер. Ты не могла бы отпроситься с работы пораньше.
 — Привет, я попробую, какие планы на конец дня и вечер?
 — Не знаю, от радости еще не задумывался над этим вопросом. Вместе определимся. К тебе подъехать на работу или где встретимся?
 — Ты подъезжай ко мне домой, мне все равно нужно переодеться, там и определимся. До встречи.

Антон дружил с Олесей Миловановой уже три года, бывал у нее дома и родители Олеси его хорошо знали. К себе он никогда не приглашал и не говорил, что сын знаменитого доктора, просто однофамилец. Олеся два года назад окончила университет по специальности экономика и сейчас работала на алюминиевом заводе в планово-экономическом отделе. Работала с удовольствием, однако иногда высказывалась негативно в адрес руководства завода. «Понимаешь, Антон, директор заботится лишь о своей личной выгоде. Я бы некоторые вещи не так делала — всему заводу выгода, рабочим, но и ему неплохой куш, даже больше, но чуточку позже. Ждать, видимо, не хочет — он же наемный. Вдруг пнут под зад, а я бы на месте хозяина так и сделала».

Антон приехал на квартиру, позвонил, дверь открыла Анастасия Терентьевна. Они с мужем работали на том же заводе и находились в отпуске. Она тоже была по специальности экономистом, но работала в бухгалтерии, а отец Олеси руководил одним из цехов.

— Ой, Антон, а Олеся на работе, но мы рады тебя видеть, заходи.
 Он вошел, вручил Анастасии Терентьевне большой букет цветов.
 — Сегодня закончилось мое обучение в интернатуре. Я позвонил Олесе, она скоро подъедет, должна отпроситься. Второй букетик для нее, поставьте пока в вазу. Руслану Олеговичу бутылочку хорошего коньяка прихватил, цветы как-то неудобно дарить мужчине, как и идти с пустыми руками.

— Спасибо, Антон, ты всегда такой внимательный...
 Она вздохнула и пошла ставить цветы. Он понял ее вздох — три года дружбы, пора бы определиться. Отец вышел, поздоровался, поблагодарил за коньяк, предложил выпить по маленькой, но Антон отказался, решив дождаться Олесю.

Она появилась через час, обняла Антона, радуясь и благодаря за цветы.
 — Кое-как отпросилась, начальница ни в какую отпускать не хотела, чуть до увольнения не дошло. Отметим окончание интернатуры с родителями, а потом куда-нибудь сходим — предложила она.

— Зачем куда-то ходить, — возразила Анастасия Терентьевна, — нас с Русланом в гости звали сегодня, через два часа мы должны идти.

Антон понимал, что родители хотят их оставить вдвоем, но все-таки отказался, предложив свой вариант:

— Мы с Олесей побродим немного по набережной. Давно не гуляли вместе, а потом вернемся. Спасибо за предложение, Анастасия Терентьевна, хотелось бы, чтобы вы нас дождались, — многозначительно произнес он в конце.

Последняя фраза решила все — Олеся и ее родители согласились. У нее радостно забилося сердце — неужели решится сделать предложение? Они дружили, сблизилась душой, целовались, но интимно близки еще не были. Она иногда сердилась за его нерешительность, другие парни только этого и хотели бы. Другие и есть другие, она Антона любила, не их.

Они пришли на набережную, устроились на лавочке. От воды веяло прохладой на фоне жаркой духоты города.

— Понимаешь, Олеся, ты даже не представляешь себе, как я рад, что закончил учебу. Впереди большая жизнь и можно работать без всяких оглядок на учителей. В этот радостный для меня день хочу спросить тебя, вернее предложить свою руку и сердце. Ты знаешь и чувствуешь, что я люблю тебя, ты согласишься стать моей женой?

Олеся взяла его за руку, прижалась...

— Конечно, милый, я соглашусь, не смотря на твой небольшой обман. Ты же Сибирцев, хоть и говоришь, что однофамилец. Я не права?

— Ты лучшая девушка в мире... давно догадалась?

— Года два так думала, но не возражала... Я же тебя люблю, а не твоего знаменитого отца, а мое отношение к деньгам ты знаешь — деньги многое решают, но не все, любовь не купишь на них и сердцу не прикажешь.

— Родная моя, милая Олеся, — он поцеловал ее в губы, не стесняясь прохожих, — сегодня двойной праздник, но главное — ты станешь моей женой. Я должен многое рассказать тебе...

— Может быть не сейчас, Антон, — перебила она его, — я как ниточка пойду за иголкой. Ты хотел сказать, что, как и отец, талантлив — я это и так знаю. Мозги можно обмануть, а вот любящее сердце нет.

— Согласен, Олеся. Но все-таки один момент хотел бы обговорить с тобой заранее, до разговоров с родителями. Я хочу купить алюминиевый завод и мне нужен хороший директор.

— Ты считаешь, что я справлюсь?

— Не считаю — уверен, — ответил он.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Я не спрашивал, я делал второе предложение, — улыбнулся он.

— Мы дружим с тобой три года, а предложений всего два. Не мало?

— Да, маловато, наверное. Предлагаю пойти к твоим родителям, объявить им о нашем решении, посидеть немного за столом, а потом поехать ко мне всем вместе и продолжить торжество уже там. Отец купил мне коттедж рядом со своим. Вернее, он два купил — один сестре Наде. Она тоже закончила сегодня интернатуру, станем работать вместе. Посмотришь свой новый дом. Мне бы хотелось, чтобы твои родители жили с нами. Мы на втором этаже, они на первом.

— Я попала в рай, Антоша?

— Нет, ты вошла в мою душу и сердце. Пойдем к родителям и вместе освоим наш новый дом. Теперь я тебя уже никуда не отпущу от себя. И ночевать останешься в новом доме хозяйкой.

Прошел, наверное, только час, а молодые уже вернулись домой. Олесины родители забеспокоились, но дочка объявила сразу:

— Мама и папа, Антон сделал мне предложение, и я согласилась выйти за него замуж. Вы не против, надеюсь?

— Доченька, — всплеснула руками мать, — чего же мы будем против, мы с отцом давно ждали этого дня и другого мужа тебе не желаем. Я знаю, что ты любишь Антона и чувствую, что взаимно. Мы рады с отцом, очень рады за тебя, Олесенька и за тебя, сынок.

Анастасия Терентьевна прослезилась немного от радости, а отец заявил, что это лучший день в его жизни. Миловановы и Антон посидели часок за столом, и он предложил собираться:

— Олеся, ты возьми немного из одежды и обуви, буквально на день-два, остальное позже перевезем, халатик домашний, тапочки, щетку зубную... завтра поедешь на завод и возьмешь отпуск, а через месяц приступишь к основной работе.

— Ее не отпустят в отпуск. Там такая противная начальница планового отдела... специалист хороший, но вредная до ужаса, давно бы ее директор выгнал, но соображает она неплохо. Так что молодые — быть Олесе без отпуска. На свадьбу, конечно, три дня дадут, — пояснила Анастасия Терентьевна.

— Не отпустят, значит уволится. Месяц мы точно отдыхаем. Потом я на работу в клинику, а Олеся за завод.

— Кто же ее обратно возьмет? — усмехнулся отец.

— Согласен, в плановый отдел не возьмут, Олеся станет директором завода, — ответил Антон.

— Каким еще директором? — не поняли Миловановы.

— Обыкновенным, я покупаю завод, а Олеся станет директором.

— Антон, ты нас разыгрываешь? — спросила Анастасия Терентьевна.

— Нисколько, разве я не могу назначить директором того, кого хочу? Как хозяин завода...

— Ничего себе, Настя, куда мы попали... будущий зять хозяин завода...

— Привыкайте. Я же все-таки Сибирцев и не однофамилец, как говорил раньше, а сын. Миловановы посмотрели на дочку, и она согласно кивнула головой:

— Это точно, я еще два года назад догадалась, но говорить не стала.

— Так мы сейчас к доктору Сибирцеву едем? Я не могу так сразу... как же мы без приглашения, а вдруг он занят или еще что? — забеспокоилась Анастасия Терентьевна, — почему же вы, Антон Егорович, сразу нам не сказали?

— Во-первых, не «вы», а «ты», во-вторых, просто Антон и никаких отчеств. Поэтому и не говорил, чтобы общаться без выканья. В-третьих, едем ко мне в новый коттедж, где и вы станете жить на первом этаже. Папин повар все там приготовит, мои родители тоже туда придут. Вся семья соберется.

— Ты извини, Антон, не привыкли мы общаться с богатыми. Не наш уровень... неудобно, — с сомнениями произнес отец Олеси.

— Все мы когда-то и к чему-то не привыкли. Не захотите жить с нами — это ваше

право, но нам с Олесей было бы лучше жить вместе. Вы втроем станете ездить на завод, так удобнее. Поживете у меня несколько дней и определитесь с жильем.

Миловановы и Антон вышли из подъезда, он познакомил их с личным водителем и охраной. Шокированные родители ехали до коттеджа молча.

— Вот, Олесенька, проходи и стань хозяйкой в этом доме...

Она с родителями осматривала коттедж. Они издали видели подобное, но внутри никогда не бывали. Поменьше домов не было и Сибирцеву старшему выбирать не приходилось. Коттедж превосходил его собственный в два раза по площади.

— Тут заблудиться можно... как же убирать-то его? — спросила Анастасия Терентьевна.

— Олеся, как хозяйка, наймет служанку или две, повара. Я к этому касаться не стану, как скажет она, так и будет, — пояснил Антон.

Руслану Олеговичу большего всего понравилась сауна с бассейном. Он как-то раз ходил в подобную с друзьями, но деньги заплатил, на его взгляд, немереные и затею оставил напроць. А тут все свое и залив рядом, где можно рыбачить.

— А лодка есть? — спросил он.

— Супруга его одернула сразу же, но Антон пояснил:

— Это хорошо, что про лодку спросили, лодки в семье есть, но у вас должна быть своя. Купите любую и прощу о цене не беспокоиться, отец директора завода может себе позволить то, что душе хочется. Пирс имеется и здесь не воруют, охрана — спецназ ФСБ. Вернее, ЧОП но там служат именно они.

— Круто...

— Мой отец, я и сестра Надя — достояние страны, так считают в ФСБ, поэтому охраняют серьезно, — пояснил Антон, — осмотритесь, освоитесь, весь первый этаж ваш, располагайтесь где захотите. Второй наш с Олесей. Третий этаж — спортзал, тренажерный, бильярд. На нулевом этаже... там, собственно, ничего. Котельная, а все остальное пустует. Через час мои родители и родственники появятся. Вон тот коттедж папин, рядом поменьше родителей мамы. А вот этот Надин, но он пока пустует — выйдет замуж: поселится в нем. В эти коттеджи можно ходить свободно, в другие по приглашению.

— Кто здесь живет, что за соседи? — спросила Анастасия Терентьевна.

— Разные люди — бизнесмены, администрация области, генералитет, депутаты, — ответил Антон, — здесь даже на залив лодки не пускают посторонние, так что можете рыбку ловить свободно, Руслан Олегович.

Поздно вечером, а скорее всего ночью, Миловановы легли спать на широкой удобной постели.

— Кто сказал бы — не поверила, что породнимся с самим Сибирцевым. К нему на прием не попадешь, а мы теперь члены семьи... дух захватывает, — говорила Милованова, — это же надо такому случиться, что наша Олесенька с Антоном познакомилась, за ним, поди, все девчонки бегали, а он ее выбрал. Как ты себе представляешь, Руслан, что наша дочка теперь твоя начальница, директор крупнейшего завода в области.

— Это почему же только моя? — удивился он, — и твоя тоже.

— Э, нет, я с завода увольняюсь. Клавдия Ивановна предложили мне стать главным бухгалтером у Сибирцева. Представляешь, она, оказывается, и бухгалтерию всю сама ведет, и карточки на больных оформляет. Говорит, что бухгалтерию постороннему человеку доверить

не может, а мы родственники и у меня специальное образование. Устает она сильно, но с работы уходить не желает, говорит, что кто же тогда Егорушке и внукам чайку принесет, подаст вовремя. Они же только хорохорятся, а она знает, что устают они сильно на операциях. В больнице целая бригада одну такую операцию в день делает, а Егор, двадцать, так и дети станут работать, то есть Антон с Надей. А люди какие простые и скромные... Совсем не думала, что нас от чистого сердца примут.

— Тебе когда на новую работу выходить?

— Через месяц, когда Антон с Надей работать начнут. Может быть на день-два пораньше, чтобы освоиться. Вот на заводе-то удивятся, что Олеся выйдет из отпуска уже не в плановый отдел, а ее начальница больше всего, теперь не покочевряжится, зараза. Но грамотная профессионально... впрочем, Олесе решать, не нам.

Миловановы долго еще говорили между собой, пока сон не сморил их окончательно.

У Антона все сладилось в семейной жизни, а у Надежды пока не получалось. Она тоже после окончания интернатуры поехала к своему другу, работающему заведующим хирургическим отделением областной больницы.

Леонид Матвеев был старше Надежды всего на пять лет, но уже получил отделение и высшую категорию хирурга. Оперировал замечательно и подавал большие надежды, через месяц должен был защищать кандидатскую диссертацию. Они тоже дружили уже три года, и Леня не один раз предлагал свою руку и сердце Надежде, но она хотела закончить интернатуру, а потом уже заводить семейную жизнь. Он встретил ее с букетом цветов.

— Я поздравляю тебя, Наденька, с окончанием интернатуры. Мне радостно и одновременно горько, что ты не пожелала работать у меня в отделении. Ты же прекрасно оперируешь, у тебя замечательные данные. Уйти к отцу... но что ты там будешь делать? Он бесспорно велик и нам его вершин не достичь...

— Леня, ты не понял главного — я доктор Сибирцева...

— Ты хочешь сказать...

— Именно это я и хочу сказать, — ответила она.

— Невероятно! Но ты никогда не проявляла подобных талантов.

— Потому и не проявляла, чтобы не цеплялись ко мне профессора — что да как, да объясни. Я и тебя могла бы к себе взять, но ты так оперировать не сможешь, а без настоящей работы ты зачахнешь, засохнешь. Ты предлагал мне выйти за тебя замуж... Сейчас я хочу знать одно — тебя не смутит, что я скоро стану профессором, доктором наук, обо мне станут говорить, а ты останешься в тени. Жена знаменитость, а муж посредственность. Прости, я не хотела тебя обидеть, но это факт.

— Значит я... хирург высшей категории. Заведующий торакальным отделением — посредственность. Хоть бы слова выбирала...

— Вот ты и ответил на мой вопрос, Леня. Ты хороший человек, но твои амбиции станут камнем преткновения в нашей совместной жизни. Я через месяц защищаю диссертацию, как и ты. Но ты работал над ней пять лет, а мне она дается даром. Про мою защиту станет говорить весь медицинский мир, а про твою не скажут ни слова.

— Наверное ты права, Надя, — ответил он после некоторых раздумий, — быть в подметках у жены не годится.

— Спасибо за честность, Леня. Я все же надеялась, что ты предложишь мне нечто другое. Но заранее понимала, что ошибаюсь. Жить в моей славе тебе не под силу. Телефон у тебя есть, звони, когда потребуется консультация твоим больным. Но ты и этого не

сделаешь. Как же — какая-то пигалица тебя будет консультировать...

Сибирцева встала и ушла, не попрощавшись. Матвеев вздохнул, буркнул вслух: «Да, я не создан для подмастерья... точки над «и» расставлены».

Начало темнеть, а Надежде не хотелось идти домой. Она пошла на набережную, присела на скамейку, задумалась. Хорошо, что поговорили откровенно, считала она, Надежда осталась без надежды.

— Такая красивая девушка и грустит в одиночестве. Очень хочется ей помочь, но мы не знакомы, и я боюсь нарваться на грубость или отказ. Что-нибудь можете мне посоветовать?

Молодой человек примерно ее возраста стоял напротив скамьи. Симпатичный парень, подумала она, и вежливый.

— Посоветую предложить познакомиться. Я Надежда.

— Прелестное имя, дающее надежду в своем наименовании. Я Виктор. Так, о чем грустит красавица и можно ли ей помочь? Я знаю, помочь всегда можно даже простым разговором. На душе становится спокойнее и легче, когда человек выговорится, хотя и фактической помощи нет.

— Однако, вы философ, Виктор, и наверняка большой романтик. Прочла одну книгу и стало немного грустно. Парень и девушка, главные герои произведения, встречаются, наверное, любят друг друга. Чуть позже девушка становится знаменитой актрисой, которую знает, почитает и любит весь мир. Но парень не может жить в ее славе, она затмевает его, желающего стать известным не благодаря своей пассивности. Они разговаривают и понимают, что дальнейшее общение невозможно. Любил ли он ее, автор утверждает, что любил и любит, а я сомневаюсь.

— Нет, такие люди вообще не способны любить по-настоящему. Они способны любить до того времени, когда их гладят по шерстке. Но одно движение в другую сторону и все, любовь прошла, оставив неприязнь и осадок в душе.

Неприязнь, подумала Надя. Ее у меня нет, а вот осадок есть и большой. Может быть до неприязни. Она усмехнулась незаметно своим мыслям.

— Чем вы занимаетесь, молодой человек? — спросила Надежда.

— Я? — почему-то удивился Виктор, — гуляю, думаю, рассуждаю. Почему-то реальный мир становится совсем не похожим на книжный. Исчезают многие ценности, а вперед вылазят деньги, связи, должности, амбиции, черствость. Я вроде бы молодой и не страшный парень, но многим девчонкам со мной не интересно. Мелкий банковский клерк с перспективой добиться должности начальника отдела через несколько лет. Ни денег, ни связей — ничего. Девочкам хочется приглашения на средиземное море или нечто подобное, у них другая романтика. Им не дано просто смотреть на бегущую воду в реке или на язычки пламени костра. На звезды, мерцающие в небе и рассуждать — чего они там хотят сказать землянам своей космической морзянкой. А чем, позвольте спросить, занимаетесь вы?

— Много читаю и тоже рассуждаю по-своему. Я врач, сегодня закончила интернатуру. Через месяц предстоит выйти на работу. А зарплата врача, наверное, еще меньше, чем у банковского мелкого клерка. Вот и выходит, что в моих глазах вы уже не мелкий, а просто клерк. Поздно уже, мне пора, Виктор, спасибо, что за разговор.

— Я провожу вас...

— Нет, это пока ни к чему. Но мы можем созвониться.

Она продиктовала свой номер и ушла. Он позвонил на следующий день... Прошел почти месяц... Сидя на той же скамеечке, где он встретил ее впервые, Виктор произнес:

— Наденька, мы встречаемся уже почти месяц. Для кого-то это мало, а для кого-то целая жизнь. Я люблю, тебя Наденька, очень люблю. Хотя бы немножечко я тебе нравлюсь?

— Да, Виктор, ты очень симпатичный молодой человек, — ответила она.

Он, видимо, надеялся на большее и с волнением произнес:

— Наденька, ты станешь моей женой? — напрямую решился спросить Виктор.

Она улыбнулась, понимая, что такие слова просто так не даются. Ответила:

— Я врач, Витя, и скоро мне выходить на работу. Когда училась, мне говорили, что у меня неплохие перспективы. Вдруг я стану знаменитой профессоршей, сможешь ли ты жить в моей тени?

— Жить в тени — что за глупость такая. Я бы гордился тобой, а не оставался в тени. Даже если бы ты стала знаменитой артисткой на весь мир, то я бы сожалел об одном, что мы мало времени проводим вместе, артисты же всегда на гастролях. Не в тени надо жить, а гордиться. Знаменитость близкого человека не может унижить. Ты умный человек, Надя, а веришь в книжную дурь. Дурак этот твой книжный герой.

Она прижалась к нему и ответила ласково:

— Да, Витенька, я тоже полюбила тебя и согласна стать твоей женой.

Он целовал ее на глазах у всех, не стесняясь. Потом вскочил со скамейки.

— Мы поедem с тобой на море, пусть это будет наше предсвадебное путешествие. Подадим заявление в ЗАГС, а когда вернемся, то подойдет срок свадьбы. Ты согласна, любимая? Я забыл сказать тебе, что я не мелкий банковский клерк, я не хозяин, но я директор филиала и могу обеспечить свою семью.

— Нет, Витенька, мы не поедem на море. Я девушка не выездная. Я дочь доктора Сибирцева, надеюсь, что ты о таком слышал.

— Да-а, — протянул он, — выходит, что один-один. Обманули друг друга с одной целью. Но это не важно, поедem в Крым или на Байкал. А сегодня я бы хотел попросить твоей руки у родителей.

— Просить не надо, я самостоятельный человек и ответ ты уже получил. Познакомиться с моей семьей — это я приветствую. А когда познакомишь меня со своими родителями, кто они?

— Если сегодня знакомимся с твоими, то завтра с моими. Можно сделать наоборот, как захочешь. Папа, Трофим Ерофеевич Гордеев, хозяин и директор небольшого местного банка, но скоро его закроют, необходимо повысить уставной капитал, а необходимого количества денег нет. Мама, Эльвира Ивановна, работает в банке отца. Живем все вместе в четырехкомнатной квартире, там и для тебя место найдется, Наденька. Одна комната наша с тобой, другая родителей, третья детская и общий зал. На зал комната мало тянет, но пусть будет так. Родители будут в шоке, когда узнают о тебе. Я говорил им, что влюбился, но что ты Сибирцева — я и сам не знал.

Надежда ласково посмотрела на него.

— Это хорошо, Виктор, что ты заботишься обо мне, о нашей будущей семье, детях. Но у меня другое предложение, отец купил мне коттедж, в котором я еще не поселилась. Завезла мебель и прочее, но еще не ночевала ни разу. Сейчас поедem к твоим, познакомимся и поедem смотреть наш с тобой дом. Вместе с твоими родителями, конечно, туда и мои подойдут, естественно. Если твои захотят, то могут жить с нами. Отдадим им первый этаж, себе возьмем второй. На третьем у меня, теперь будет у нас, спортивный и тренажерный залы.

— Замечательно, но неудобно жить у жены. Может быть все-таки в нашей пусть и небольшой квартирке?

— Нет, Витя, жить мы станем все-таки в коттедже. Родители переночуют у нас, а потом и сами определятся, где им остаться.

— Приедут, конечно, это факт, но ночевать вряд ли останутся, завтра и в последующие дни много дел и нервов — надо отцу банк закрыть с наименьшими потерями.

— Вот что, Витя, не надо ничего закрывать. Я куплю этот банк и внесу необходимую сумму в уставной капитал, ты станешь директором. Многие крупные предприятия перейдут к тебе, откроют счета. Отец станет твоим заместителем. Я очень надеюсь, что он не обидится, если директором станешь ты. Я пока еще ни копейки не заработала сама, папа деньги даст и возврата не потребует, но оформим, как займ для налоговой. Уверена, что банк станет самым крупным в области и станет расти дальше.

— Сказка... больше мне сказать нечего, — ответил Виктор.

* * *

Анастасия Терентьевна Милованова впервые вошла в святая святых, как она выражалась, в клинику доктора Сибирцева раньше обычного времени. Клавдия Ивановна показала ей помещение и завела в приемную.

— Здесь мое рабочее место, здесь я принимаю больных, заполняю амбулаторные карточки. Карточки электронные, но заполнять их все равно приходится. Истории болезни мы не ведем, так как больные не лежат у нас в стационаре. Не ходячие отдыхают в палатах до операции, но не больше полудня, потом уходят домой своими ногами. Здесь же я принимаю деньги за операцию по утвержденным расценкам, но всегда сверяю каждого пациента со списком. Егор просматривает его и вносит свои коррективы. Кто-то платит полную стоимость, а кто-то один рубль вместо миллиона или двух-трех, больше мы не берем. Если у пациента нет денег, то он все равно платит один рубль, а богатые по полной программе, естественно. Это кабинет Егора, следующие Антона и Нади. Когда мы въехали в это здание, я не понимала — зачем нужны лишние кабинеты и помещения? Поняла гораздо позже, а Егор это предвидел заранее. Теперь у нас три операционных и три врачебных кабинета с выходом на одну приемную. Взяли на работу еще три медсестры, каждая работает со своим доктором. Аня будет помогать мне с карточками, одна я с шестьюдесятью не справлюсь.

Милованова осмотрелась. Достаточно большая по размерам приемная, в углу ширма, закрывающая чайник и посуду от посторонних глаз, раковину и водопроводный кран. Три двери, на каждой из которых соответствующие таблички: «Профессор Сибирцев Е.Б.», «Сибирцев А.Е.», «Сибирцева Н.Е.». Три стола — для Клавдии Ивановны, Ани и для нее. Рядом поставили сейф. На столе купюросчетная машинка, позволяющая определять, в том числе, и подлинность денег, монитор компьютера.

Первые дни Милованова уставала сильно, ежедневная выручка составляла в среднем тридцать миллионов рублей и требовала к себе внимательного отношения. Больные шли потоком, приходилось извиняться, чтобы выйти в туалет. Если Клавдия Ивановна с Аней делили больных, то через нее проходили все. Кто-то с рублем, а кто-то с миллионами.

Пятница не рабочий день для всех, но Антон с Надеждой приходили и в этот день —

они писали диссертацию. Научным руководителем, естественно, был отец.

Антон взял довольно простую на первый взгляд тему: «Искусственная репликация ДНК поврежденных клеток человеческого организма путем передачи волновой информации». Суть диссертации сводилась к следующему — заживление, например, раны, происходит первичным натяжением или вторичным при нагноении. Визуально виден рубец соединительной ткани. Но это соединительная ткань, а не кожа со всеми ее слоями. То есть на месте разреза появляется хоть и не чужеродная для организма, но не свойственная для этого участка ткань. Таковы защитные механизмы человека. Чтобы на месте повреждения появилась именно та человеческая ткань, а не соединительная, необходима репликация ДНК клеток по краям разреза. Сделав необходимый волновой посыл, мы разделяем спирали ДНК и активизируем фермент ДНК-полимеразу, которая наращивает к каждой цепочке аналогичную, то есть из одной клетки получается две. Такое деление способно быстро закрыть поврежденное пространство человеческого организма без образование соединительной ткани. Рана просто исчезает на теле, не оставляя следов. Тот же процесс происходит и в случаях переломов костей. Молекулы костной ткани начинают делиться, заполняя травматический пробел и через минуту никакого перелома мы не увидим.

Надежда взяла свою тему: «Гиппокамп, как канал передачи полисенсорных функций от подкорковые стволовых структур к коре головного мозга». Достаточно доказанным является тот факт, что во время сна, когда кора головного мозга отдыхает, его стволовая часть работает активно и считывает информацию со структур Вселенной. Но гиппокамп не передает эту информацию в кору головного мозга у подавляющего большинства людей. Так же известно, что после различного рода травм канал передачи открывается, пусть и не полностью. Подтверждением тому является предсказательница Ванга, в детстве изнасилованная и ослепленная. Именно после этого у нее открылся известный всему миру дар. И таких примеров множество. У таких людей электрическая, или физическая травма активирует ассоциативные ядра нейронов гиппокампа и создает интегрированный сигнал передачи информации в кору головного мозга. Человек видит прошлое или предсказывает будущее. Этот канал передачи информации существует у всех людей, но работает лишь у избранных. Путем локального воздействия на гиппокамп электромагнитными колебаниями определенной частоты появилась возможность усваивать и ощущать информацию с носителей Вселенной.

Защита диссертаций прошла на ура, и Надежда с Антоном начали писать докторские. Вскоре защитили и их с присвоением звания профессор. На табличках дверей появились соответствующие надписи. Теперь можно было спокойно работать — творить и исцелять болезни.

Леонид Матвеев, вначале радовавшийся разрыву с Надеждой, постепенно осознал, что совершил большую ошибку. Нет, он не любил ее, но мог иметь большие привилегии, оставаясь в должности заведующего отделением. Именно это беспокоило его, и он решил помириться. Расставаясь, они не ссорились, но он мечтал восстановить хотя бы дружественные отношения.

Охрана доложила Надежде, что пришел ее старый знакомый и друг, так он представился. Она попросила передать: «Желающие быть в тени пусть там и остаются». Его даже не пропустили в холл клиники.

Матвеев затаил неимоверную обиду и вынашивал планы мести. Хорошо понимая, что кляузам в России никто не поверит, он решил организовать международный скандал.

Открыв счет в швейцарском банке, он пригласил от имени Сибирцева трех тяжелых больных из Америки. Те перечислили, ничего не подозревая, в общей сложности тридцать миллионов долларов на его швейцарский счет, но в посольстве им не дали визы, заявив, что приглашения от доктора нет. ФБР начало расследование и обнаружило Матвеева в Швейцарии. На что он рассчитывал — непонятно. Деньги вернулись больным и Сибирцев решил помочь обманутым Американцам за ту же сумму наличными. Оперировала их Надежда, положив в банк мужа кругленькую сумму сразу. Доллар несколько упал в цене к этому времени и составлял 55, 95 рублей, что в общей сложности составило 1=678=500=000 рублей. Такую сумму в один день Миловановой еще принимать не приходилось.

Через несколько дней после того, как Олеся познакомилась со своей новой семьей, Антон через своего охранника пригласил к себе директора ЧОПа. Званцев Вячеслав Артурович прибыл сразу, понимая, что просто так его приглашать не станут.

— Вячеслав Артурович, Олеся Руслановна моя будущая супруга. Я покупаю алюминиевый завод, а она станет его новым директором и приступит к своим обязанностям через месяц. Хотел посоветоваться с вами насчет охраны и службы безопасности завода. Надеюсь, что вы меня поняли.

— Да, конечно, Антон Егорович, каждый руководитель желает иметь надежную и верную службу безопасности и охраны. Я с удовольствием возьмусь за эту работу. Увеличу штат ЧОПа, примерно половина «старых» сотрудников перейдет ко мне на службу. В ближайшее время предложу Олеся Руслановне кандидатов на должности начальника службы безопасности и охраны. Мы проведем на заводе оперативную работу, выясним существующие проблемы и наметим способы их устранения.

— Хорошо, Вячеслав Артурович, полагаю, что начальник охраны должен быть заместителем начальника службы безопасности. Спасибо, что откликнулись на мое приглашение. Уверен, что вы понимаете степень конфиденциальности нашего разговора и своих последующих действий. Олеся Руслановна будет ждать ваших предложений, до свидания.

Когда он ушел, Антон продолжил:

— Званцев неплохой мужик. Полковник ФСБ в отставке и дело свое знает. Но не стоит соглашаться на все его предложения сразу. Лучше сказать, что подумаешь, согласишься, согласишься и сообщишь. Первое время буду постоянно подсказывать, дальше сама станешь разбираться и моя помощь не потребуется. Перед принятием стратегических решений лучше посоветоваться со мной. Я не дока в производстве алюминия, но у меня есть чуйка, если можно так выразиться. Подскажу правильное решение.

— Антон, а ты не поторопился предложить мне должность директора? У меня чем ближе число X, тем больше страха, — засомневалась Олеся.

— Не поторопился, — уверенно ответил он, — ты справишься с работой и со своим страхом.

В назначенный день охрана завода сменилась без шума и суеты. Внешне это было совсем незаметно. На входе поставили «старых», но уже свои кадры. Практически каждый новый сотрудник охраны работал в паре со старым.

Олеся Руслановна вошла в приемную с начальником службы безопасности, с начальником охраны и еще двумя сотрудниками. Секретарша узнала ее:

— Вышла из отпуска, чего хотела? — спросила она.

— Директор у себя, один?

— Тебе это зачем знать, ты знаешь правила — к нему рядовые не ходят, а личный прием по записи.

Олеся ничего не ответила и вошла в кабинет. Секретарша кинулась было за ней, но охрана быстро охладила ее пыл, объяснив, что это новый директор завода.

— Здравствуйте Эдуард Маркович, решением акционеров я назначена директором завода. Попрошу вас сдать мне дела.

— Не смеши куриц, девочка, и вали в свой плановый отдел. Хотя нет, ты уволена.

Он нажал кнопку службы охраны.

— Не стоит нажимать кнопки, Эдуард Маркович, я новый начальник службы безопасности, а это начальник охраны. Мы уже здесь, ознакомьтесь с решением акционеров и передайте дела Олеся Руслановне.

Он глянул на бумагу:

— Чушь полная, это не акционеры. У нас таких нет, я звоню в полицию.

— Полиция предупреждена и не приедет. Советую вам позвонить главному акционеру, которого вы знаете лично, чтобы не выкидывать вас силой из кабинета, — пояснила Олеся.

— Бред какой-то, — пробормотал он, но все-таки решился на звонок, включив громкую связь: «Антон Иосифович, тут пришла ко мне одна пигалица и утверждает, что она новый директор завода...

«Извини, Эдуард Маркович, не мог сказать тебе раньше, что продал свои акции. Знаю, что и другие более мелкие акционеры сделали тоже самое. Еще раз извини, но я больше уже не акционер, сам разбирайся».

— Извините Олеся...

— Руслановна, — подсказала она.

— Еще раз извините, Олеся Руслановна, не могу поверить. Это ключи от сейфа, там все документы и печать. Вы меня совсем увольняете или все-таки оставите хотя бы заместителем? Столько лет отдано этому заводу и на тебе...

— Я подумаю над вашей просьбой и определюсь в ближайшее время, — ответила она, — а пока пригласите заместителей, главного бухгалтера и представьте меня.

Олеся, конечно, знала всех, но представлялась уже в новом качестве директора завода. И не Миловановой, а Сибирцевой. После этого она с главным бухгалтером проехала в банк, где были заменены карточки образцов подписей.

Мнение заводчан разделилось. Кто-то не считал ее достойным руководителем, а кто-то наоборот говорил, что профессор Сибирцев кого угодно на завод не поставит. «Но он же доктор, что он понимает в производстве алюминия»? — утверждали первые. Им возражали: «Доктор, но разбирается во всем». Решение пришло простое: поглядим — увидим. У руководства завода было свое, пока не профессиональное мнение. Ее приняли сразу, но как жену нужного профессора.

Она же открыла счет в банке Сибирцевых, которым руководил Гордеев, муж Надежды, и перевела в него все обороты. На старый счет шли платежи по заключенным ранее договорам и переводились на новый. Московский филиал банка потерял одного из своих основных клиентов, но сделать, как говорится, ничего не мог. Новый местный банк стремительно набирал силу, забирая обороты по счетам у столичных филиалов.

Олеся Руслановна предложила бывшему директору новую должность советника. Вздохнув, он согласился — не сидеть же дома без дела. Собрав совещание руководителей завода, Сибирцева заявила:

— Прошу каждого из вас подготовиться к следующему совещанию, которое состоится через неделю, по вопросам существующих недостатков в производстве и мерах по их устранению. Жду от каждого из вас инновационных предложений. С людьми, пытающимися самоустраниться от данных вопросов, считая меня недостаточно компетентной, расстанусь без сожаления.

Последняя фраза озадачила многих. Вдруг баба соображает, а вылететь не хочется.

Поэтому готовились основательно все, но вылезать вперед не хотел никто.

На совещание пришли с бумагами и записями все, кроме главного инженера завода.

— Я надеюсь, коллеги, что наше совещание будет производительным и существенно подтолкнет производство алюминия вперед, — начала Сибирцева, — приступим к конкретике и проанализируем поставки сырья, то есть глинозема. С которого все начинается. Кто доложит? — она посмотрела на главного инженера.

Он усмехнулся, ответил:

— Извините, Олеся Руслановна, но это не мой вопрос. Поставками сырья занимается целый специальный отдел.

— Хорошо, я перефразирую свой вопрос. Вас, как главного инженера, устраивают поставки глинозема?

— Конечно не устраивают. Случаются сбои и приходится переходить на внутренний запас сырья.

— Какие меры приняты вами, какие предложения поступили от вас, в том числе и о наказании виновных сотрудников.

— Там есть начальник отдела, пусть он и разбирается со своими людьми, — ответил главный инженер.

— Прошу вас, господин начальник целого специального отдела поставок сырья, доложите обстановку.

— Да, сбои в поставках бывают, поэтому и создается внутренний заводской запас в целях бесперебойного производства. Мы получаем сырье из Азербайджана, это Сумгаит и Гянджа, из Казахстана — Павлодар, Ачинска, Краснотурьинска, Бокситогорска, Пикалево, Каменск-Уральского. Конечно, ближние поставщики обходятся нам дешевле, но мы не единственные покупатели и они не могут нас обеспечить необходимым количеством. Сбои в основном происходили из-за украинского Николаевска, но сейчас мы не работаем с ними, не ориентируемся на них и сбоев нет. Хорошо бы договориться с соседями о более крупных поставках, но это не мой уровень.

— Хорошо, возьму этот вопрос на себя, — ответила Сибирцева, — главный инженер, прошу вас доложить существующие недостатки в производстве, меры по их устранению и инновационные предложения.

— У нас все идет по плану, Олеся Руслановна, сами работали, знаете. Инновации, — он усмехнулся, — завод работает по технологии Содерберга. Мы планировали, но еще не начали переход на новую технологию, получившую название «Экологичный Содерберг». У меня все.

— Спасибо, вы очень меня порадовали своим выступлением. Краткость — сестра таланта и вы очень талантливы, как я погляжу, в использовании на производстве самообжигающихся анодов, то есть технологии Содерберга. Да, это передовая технология середины прошлого века, не спорю. И вы предлагаете «Экологичный Содерберг», который, еще не родившись на нашем производстве, успел устареть. Почему нет предложений от вас и расчетов по новейшим электролизерам с обожженными анодами, по установке системы сухой газоочистки, которая позволяет на 99 % улавливать фтористые соединения и электролизную пыль. Я уже не говорю о том, что это существенно повысит производительность получения алюминия. Почему на предприятии не установлен видеоконтроль, не внедрена автоматизированная система учета неплановых остановок, позволяющая своевременно выявлять и устранять корневые причины поломок, переходить от

устранения аварий к их предотвращению? Почему не внедряется новая технология получения сплавов для производства электрических проводников, позволяющая получать катанку с повышенной устойчивостью к температурным нагрузкам? Почему не планируется применение установки совмещенного литья, прокатки и прессования? Разве это не ваши вопросы, как главного инженера завода?

— Хорошо, я подумаю над этими вопросами, — ответил он.

— Какое одолжение — он подумает, — Сибирцева нажала кнопку вызова секретаря и когда она появилась, произнесла: — Я увольняю главного инженера, проследите, чтобы он написал заявление по собственному желанию, в бухгалтерии пусть его немедленно рассчитают и вызовите охрану, чтобы он не болтался по территории завода.

— Нашла мальчика, — хмыкнул главный инженер, — никакого заявления я писать не стану.

— Начальник юротдела, немедленно подготовьте приказ об увольнении по инициативе администрации по утрате доверия. Пусть потом оспаривает в суде, если решится. Охрану сюда, рассчитать и выкинуть немедленно за ворота, забрав ключи от кабинета и сейфа. Нам не нужны мальчики на работе.

Заводчане притихли, не ожидая от молодой директорши такой прыти. Но ведь все правильно говорила и где только всему этому научилась? Главный инженер считался непререкаемым авторитетом на заводе, бывший директор с ним даже не спорил, а тут вылетел в одну минуту с работы.

Сибирцева посмотрела на своего советника.

— Сможете, Эдуард Маркович, заняться этими проблемами и принять должность главного инженера? — спросила она прямо при всех.

— Если доверяете, то возьмусь, — ответил он.

— Договорились, напишите заявление и приступайте к работе. Да, и заберите ключи у этого... Все свободны, прошу по рабочим местам.

Руководители расходились ошеломленными. Сибирцевы — есть Сибирцевы, тут по-другому не скажешь.

Вошла секретарша, принесла заявление главного инженера на увольнение по собственному желанию. Олеся Руслановна просмотрела его.

— Оно написано не верно — нет сегодняшней даты, а это означает, что я должна его подписать с отработкой две недели. Начальник юротдела подготовил приказ по утрате доверия?

— Нет, Олеся Руслановна.

— Напомните ему, что я своих решений не меняю, пусть лично принесет мне приказ на подпись и немедленно. Что сейчас делает главный инженер?

— Передает дела Ростоповичу Эдуарду Марковичу.

— Это хорошо, пусть передает, поторопите начальника юротдела.

Сибирцева ознакомилась с приказом, потрясла им в воздухе:

— И это приносит мне целый начальник юридического отдела... Даже комиссия по трудовым спорам, а не суд потребует отменить этот приказ. Где приложения к приказу, то есть основания для увольнения? Я мало перечислила их на совещании? Оно закончилось полчаса назад, и вы тридцать минут печатали две строчки приказа? Даю вам еще пятнадцать минут, идите.

За указанное время юрист не справился, но все подготовил правильно за полчаса.

Сибирцева осталась довольной. Главный инженер вылетел с завода с волчьим билетом, по такой статье в трудовой книжке на новую работу устроиться очень сложно.

Олеся знакомилась с приказами, просматривала действующие договора с поставщиками и покупателями, с бухгалтерией завода. Она поняла сразу, что завод прибыльный, но акционеры не стремились модернизировать его, предпочитая забирать меньшую выручку сейчас, чем большую потом. На инновацию требовались немалые суммы, но она на нее решилась, уверенная, что главный акционер, владелец завода, ее поддержит. По расчетам завод должен окупить вложения за три года и начать давать сверхприбыль. Кроме того, значительно улучшалась экологическая обстановка, что тоже немаловажно. Пресса уже зацепилась за эту деталь и раскручивала нового директора по полной программе.

Дома ее отец, присутствовавший на совещании как начальник цеха, рассказывал жене:

— Представляешь себе, Настя, наша Олеся отодрала на совещании главного инженера, как сидорову козу и уволила его по статье.

— Чего ты гонишь, Руслан, он из касты неприкасаемых, — возразила она.

— Все так думали раньше, а сейчас он с волчьим билетом. За полчаса его охрана выкинула с завода, как труп. Я понял, что совсем не знаю свою дочь, она словно родилась в кресле директора. Ужас... на заводе будет настоящая модернизация, рабочие ее зауважали сразу. Ростоповича Олеся назначила главным инженером. Умный мужик, теперь развернется, а то старые акционеры выкручивали ему руки. Он бы давно модернизацией занялся, да этот трупень акционерский мешал. Крутая наша дочка, ох крутая, не ожидал от нее. Все думали, что девочка на завод пришла, можно расслабиться, а она за полдня всех построила. Не понимаю — где научилась руководить? Антон что ли подсказал, но он врач, пусть профессор, но не заводчанин же? Знаешь, что рабочие говорят? Сибирцева — есть Сибирцева, по-другому не скажешь. Не могу еще привыкнуть, что наша дочка не Милованова. У тебя-то как на работе?

— Нормально, хотя сегодня думала, что одурею — никогда столько денег в руках не держала. Ты представляешь какая у нас сегодня выручка?

— Ты говорила, что Егор Борисович зарабатывает по десять миллионов ежедневно. В среднем... дети по десятке, значит тридцать. Большие деньги, ничего не скажешь, — ответил Руслан.

— Тридцать, — хмыкнула Настя, — только Надежда сегодня заработала больше одного миллиарда шестисот миллионов рублей. Я только молилась, чтобы купюросчетная машинка не сломалась. Столько ей заплатили три американца за операции. И правильно, нечего с этих снобов по российским расценкам брать.

— Да-а, попали мы с тобой в семью... Кто раньше не здоровался даже с нами, теперь стараются подкатиться поближе. Ладно, давай спать, поздно уже.

Сегодняшний поздний вечер был, видимо, разговорным. Тоня тоже общалась с Егором в постели:

— Вот и выросли наши с тобой дети, Егор, стали профессорами, вышли замуж и поженились. Не представляю себя бабушкой, но буду рада этому. Мне только сорок три года, родятся внуки: будет сорок четыре. Бабушка... Я часто вспоминаю нашу встречу на Порожнянке, надо бы съездить туда всей семьей, Егор.

— Родятся внуки — съездим обязательно, Тоня. Они тоже должны знать, где мы встретили свою любовь. Сорок три года, разве это возраст? Может быть еще родим?

— Что ты, Егор, — застеснялась Тоня, — внуки на носу, их будем нянчить, —

проговорила она последнее уже в возбуждении.

В соседнем коттедже Олеся, лежа в изнеможении от ласк, заговорила словно с собой в начале:

— Ехала на завод, боялась страшно, а села в директорское кресло и весь страх исчез, будто его и не было вовсе. Наверное, где-то читала про инновации, про технологию производства алюминия, не помню, но все выстроилось в логическую цепочку, словно я этим всю жизнь занималась и была с детства руководителем. Ты случайно мне ничего там в мозгах не подкрутил?

— Ты о чем это?

— Понятно, я так и думала. Иначе откуда бы взяться такому профессионализму у простого экономиста-плановика. Сейчас другое беспокоит — на кого завод оставить, когда в декрет уйду?

— Уже собралась? — ласково спросил Антон.

— Пока еще не в положении.

— Это кто тебе сказал? А я вижу, что у тебя там два мальчика уже обосновались. Живут, развиваются потихоньку.

— Ты что, Антон, правда что ли? Шутишь...

— Нисколько, двойня у тебя. Правда не однайцевые, походить друг на друга будут, но не как две капли воды. Надя тоже беременна, у нее девочка будет. Мой отец знает и уже ждет тройню.

— Но я еще ничего не чувствую, — засомневалась Олеся.

— Тебе еще рано, а я знаю, не сомневайся.

Олеся Сибирцева постепенно вникала в работу завода, который активно начал модернизацию, что потребовало немалых финансовых вложений. Старший Сибирцев решился на прием иностранных тяжелых и богатых пациентов. Оперировала их только Надежда, отец с сыном обычно оперировали только российских больных. Значительная часть заработанных денежных средств шла на алюминиевый завод.

Акционеры этого холдинга, включавшего в себя практически все российские заводы по производству алюминия, продали свои акции одного из крупнейших заводов. Потребовались деньги на инновации. И кроме того, они считали, что через два-три года вернут завод обратно, но уже по половинной стоимости от ранее полученной за него суммы. У доктора элементарно не хватит денег на переоборудование завода. А они выиграют время, деньги и останутся в барыше.

Очень скоро они поняли, что просчитались и кроме того был уволен их главный экономический информатор, который в крайнем случае мог вести политику тонкого и незаметного саботажа. Естественно, что они не предложили, а приказали ему вернуться на завод через суд.

Олеся вызвала к себе начальника службы безопасности.

— Аркадий Валентинович, как обстановка на заводе?

— Вроде бы все в порядке, Олеся Руслановна.

— А если без вроде?

— Тоже в порядке, — уверенно ответил он, — рабочие и служащие настроены оптимистично, завод работает и перестраивается одновременно. Вас что-то беспокоит?

— Пока нет, но кое-какие мысли возникают. Бывший главный инженер человек холдинга и достаточно амбициозен, вряд ли он не оспорит свое увольнение в суде. Но в этом

плане мы подготовились и суд, надеюсь, не примет его сторону. Думаю, что холдинг наметил его возвращение всего лишь как первый этап борьбы с нами. Их цель — погубить нашу экономику и выкупить завод обратно по заниженной стоимости. У вас есть какие-то мысли по этому поводу? Присаживайтесь.

Сорокин поблагодарил, присел, понимая, что от него ждут более обстоятельного доклада, нежели коротких ответов стоя.

— Олеся Руслановна, мы решили не оставлять совершенно без внимания Короткова, то есть бывшего главного инженера. Есть сведения, что он действительно завтра или в самые ближайшие дни подаст исковое заявление в суд, пытаясь оспорить свое увольнение. Есть возможность предотвратить подачу иска, но считаю это не правильным. Тогда он из двух зол выберет меньшее и откажется от помощи холдингу. Суд откажет ему в иске, и он станет гадить нам через своих людей на заводе. Мы сможем отслеживать их действия и предотвращать возможный урон, как в политическом, так и в экономическом смысле.

— Меньшее зло?..

— Совершенно верно. Ему придется выбрать между деньгами холдинга и, например, возможностью обнаружения полицией наркотиков в его собственном кармане. Тогда холдингу придется подобрать другого человека, и мы не уверены, что своевременно узнаем о нем. Олеся Руслановна, я не стану вас беспокоить по пустякам, но стратегические моменты доложу незамедлительно. В тактике позвольте нам разобраться самим.

— Хорошо, Аркадий Валентинович, вы свободны.

Коротков готовился к суду тщательно и заявил, что работает на заводе много лет. За весь период работы не имел ни единого взыскания и ежемесячно получал денежные премии за добросовестный труд. У него не было срочного трудового договора и поэтому действия администрации завода он считает незаконными и просит восстановить его на работе, отменив приказ об увольнении по утрате доверия.

Заводские юристы откопали приказ годичной давности о реконструкции завода, где ответственным исполнителем назначался главный инженер. За год он не сделал ничего. Этот приказ можно считать фундаментальным для завода и очень важным для всего города, подчеркнули юристы. Внедрение нового оборудования позволяет цехам не только увеличить производительность труда, но и существенно снизить вредные выбросы в атмосферу. Всем нам уже сейчас можно было бы легче дышать, если бы главный инженер относился к своим обязанностям не спустя рукава. По вине главного инженера завода люди, проживающие на близлежащих территориях, задыхаются от вредоносных выбросов, а он считает себя незаконно уволенным. Это откровенное вредительство и саботаж со стороны Короткова, но, к сожалению, эти понятия сейчас исключены из уголовного кодекса.

Суд оставил иск Короткова без удовлетворения. «Истекая» желчью и злобой к заводу и в частности к новому директору, он вынашивал планы мести и ни о чем о другом не думал.

Алюминиевый завод является энергоемким потребителем, для производства металла требуется огромное количество электричества, и Коротков решил ударить в самое сердце. Служба безопасности завода задержала его на подстанции в момент закладки взрывного устройства. Предотвращенный ущерб оценивался миллионами долларов. Потеря сырья, срывы поставок, строительство новой подстанции — все это остановило бы производство как минимум на месяц. ФСБ рассматривала этот случай как предотвращенный теракт. Коротков, задержанный на месте совершения преступления, своих заказчиков не сдавал, заявляя, что купил взрывное устройство по случаю у незнакомого лица. Следователь принес

на допрос нечто и Коротков сразу же узнал часовой механизм, от которого шли провода к взрывателю. Ему оставалось воткнуть его в пластид и нажать кнопку, время уже было выставлено на десять минут, которых вполне хватало удалиться на безопасное расстояние.

— Узнаете? — спросил следователь.

Коротков кивнул головой:

— Да, это часовой механизм. Его вместе с пластидом я купил у незнакомого лица.

— Взрывными устройствами не торгуют, как вишней на рынке. Назовите заказчика и того, кто передал вам бомбу.

— Гражданин следователь, не стоит из меня делать идиота. Повторяю — купил по случаю, действовал один. Затмение нашло, не понимал, что делаю. И это все, большего ни вам, ни в суде не скажу, отправляйте меня обратно в камеру.

— Затмение нашло, — усмехнулся следователь, — вы, как бывший главный инженер завода, хорошо понимали, что вырубив электричество, вы остановите и работу фильтров. А это означает, что опасные химические вещества, образующиеся при производстве металла, попадут в атмосферу. Это не первая часть статьи 205 уголовного кодекса, на которую вы рассчитываете, а третья. В ней говорится, цитирую:... «либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ». Пожизненный срок, все отведенное для вас время будете ходить раком и мордой в пол в то время, как ваши сообщники будут есть, пить и развлекаться. Не хотите сдавать их. Они на это и рассчитывали, подсунув вам не часовой механизм, а муляж. Нажали кнопку и нет подстанции вместе с вами, никто и сдать их не сможет, чисто сработано. Можете сами посмотреть этот муляж, а также ознакомиться с заключением экспертов. Заказчики не планировали оставлять вас в живых, Коротков.

— Сука, — бросил он нервно, — пишите, я расскажу все. Разговоры с заказчиком я записывал на всякий случай, мало ли что. Флэшка с записями в моем тайнике. Я вам его покажу, изымите.

Следователь остался доволен, теперь акционеры холдинга от ответственности не уйдут. Он не сомневался, что именно они подбили Короткова на преступление и вручили ему взрывное устройство.

* * *

Виктор Гордеев приезжал в банк позже своих сотрудников на час-два. Минуту к нему не заходила даже секретарша. Он садился в кресло и наслаждался пристройкой к зданию, площадь прилегающей территории позволяла возвести практически новое большое строение. Наслаждался собственным прекрасно обставленным кабинетом. Эту минуту он чувствовал себя королем, мысленно перебирая многие факты.

Бывший отцовский банк уже не равнялся на имеющиеся московские филиалы, это был полноценный банк, вошедший пока только в сотню крупнейших российских банков. Капитал, обороты по счетам, вклады, кредиты — все росло, как на дрожжах, и он мечтал вскоре занять место не в сотне, а в десятке.

Теперь, когда его жена стала принимать иностранных больных, банк ежедневно пополнялся более чем на миллиард рублей. Ранее запредельные для него годовалые суммы стали реально однодневными.

Надежда... Он удачно женился и все устраивало Виктора. Когда она раздевалась, ложась спать, он просто млел от ее красивого тела. Но днем Надежда перестала вызывать у него чувство возбуждения. Вечно юбка или платье ниже колена... Зачем скрывать красивые ножки под тканью одежды? А прелестная грудь, всегда закрытая блузкой или платьем до самых ключиц... Она врач и не должна вызывать эмоции у больных. Какие там эмоции у умирающих людей?.. Но она их оперировала и вскоре они становились здоровыми. Надежда не носила украшений, ссылаясь на свою деонтологию.

Но разве он против, он только за. Все равно на работе она ходит в своем белом халате. Но дома-то можно и халатик покороче, с декольте. Ночью он получал ее всю. А хотелось немного прелюдии — коротенькой юбочки, которую можно снять, чулочек, шелк которых можно погладить. Классический секс, а хотелось и других ласк.

Виктор вздохнул... Вошла секретарша с неизменным утренним кофе. Вот у нее есть на что посмотреть. Ножки всегда в чулочках и на виду, грудь, наполовину открытая... рука непроизвольно потянулась погладить, но он сдержал себя — вскоре войдут начальники отделов на совещание.

Первое время все деньги из клиники доктора Сибирцева зачислялись на счет ИП, но вскоре Надежда стала перераспределять их — основная сумма зачислялась на счет алюминиевого завода. Виктор не понимал этого и внутренне возмущался. Какого черта Надежда должна спонсировать Олесю. Конечно родственники, но каждая семья должна зарабатывать самостоятельно. Гордеев тщательно скрывал свое отношение к этому распределению, понимая, что вызовет в семье неодобрение. Они вообще бы могли жить с Надеждой в Испании, Италии или Франции, но эта русоманка ничего не желает слышать с Западе.

Гордеев долго не решался, но мало ли что может в жизни случиться. Выгонит его Надежда и он снова останется нищим. Она даже не взяла его фамилию при регистрации брака, оставаясь на своей знаменитой докторской. Он открыл свой личный счет и потихоньку ежедневно зачислял на него по несколько миллионов рублей. Накоплю миллиард и можно не оглядываться на жену — уехать на Запад и жить припеваючи. Пусть она ходит здесь в своих длинных юбках.

Однако переводить деньги на счет становилось с каждым днем сложнее. Практически все заработанные суммы клиникой доктора Сибирцева переводились на нужды алюминиевого завода. Если бы не было этого проклятого завода, то Виктор мог бы несколько раз в месяц забирать по миллиарду рублей. Надежда не контролировала счета и десяток миллиардов мог вполне затеряться, считал Гордеев. Бог с ним, с этим Западом, купить виллу в Крыму и уехать, разведясь с женой. Хорошие девочки всегда найдутся. Алюминиевый завод торчал костью в горле. Аппетит приходит во время еды — несколько миллионов в день уже не устраивали Виктора. Хапнуть десять миллиардов рублей и свалить...

Мысли прокручивались в голове Гордеева одна за другой, но вошли начальники отделов. Проведя сегодня совещание побыстрее, он вызвал секретаршу.

— Ты прелестно выглядишь, Света, молочные чулочки смотрятся изумительно.

— Да-а? Вам нравится? С контрастом загорелого тела было бы еще лучше, — ответила с улыбкой секретарша, поворачивая ключ в замке двери.

Она приподняла немного и без того короткую юбочку, оголяя ажурный ободок чулок, подошла к креслу директора вплотную. Он, возбуждаясь, повел ладонью от ее колена и

выше. Уткнувшись, посмотрел вопросительно.

— Не приемные дни сегодня... Но ведь это ничего не значит, правда? — пояснила она.

Светлана наклонилась, расстегивая его ширинку, достала и поглаживала нетерпеливого мальчика руками. Потом взяла в ладонь яички, лаская, другой рукой ограничивала проникновение, чтобы не срабатывал рвотный рефлекс. Через несколько минут, проглотив содержимое, улыбнулась, вернула мальчика на место и застегнула ширинку.

— Принести чай, кофе? — спросила она, как ни в чем ни бывало.

— Да, принеси чайку, — ответил Виктор, еще не остыв от возбуждения.

Он размечтался в кресле — вот бы его Надежда так же ласкала его... Допив чай, он вышел в оперзал. Каждый сотрудник занимался своим делом. В отделе по обслуживанию юридических лиц немного «шумел» клиент. Гордеев прислушался, находясь в стороне. «Как вы не понимаете, — пытался объяснить клиент банковскому специалисту, — я проработал на алюминиевом заводе много лет, там каждый меня знает в лицо, я главный инженер и имею доступ к счетам». «Сожалею, — отвечал специалист, — но ваша подпись аннулирована, и я не могу дать вам информацию по движению счета».

Главный инженер завода... личность заинтересовала Гордеева. Зачем уволенному сотруднику знать обороты по счетам? Но он не рядовой специалист... на кого-то работает или желает напасть сам? Виктор подошел к ним.

— Я директор банка, — представился он, — проходя мимо, услышал ваш разговор. Наш специалист прав. Банк не имеет права разглашать ситуацию по счетам посторонним лицам. Может быть я чем-нибудь смогу помочь вам, господин...

— Коротков, — подсказал бывший главный инженер.

— Господин Коротков, пройдемте ко мне. Чай, кофе? — спросил директор, усаживая клиента напротив себя в кабинете.

— Спасибо, не стоит беспокоиться.

— Я понимаю вас, господин Коротков, вы много лет проработали на заводе, вложили в него свой труд и душу. Новое руководство уволило вас, не смотря на заслуги.

— Откуда вы знаете, что меня уволили?

— Это ни для кого не секрет, весь город знает. Уволить человека, на котором держался завод многие годы... Поверьте, я искренне сожалею и понимаю, что накопилось у вас на душе. Работаешь, работаешь, вкладываешь в предприятие всего себя и получаешь пинок под зад. И от кого? От никому неизвестной и не разбирающейся в производстве металла экономистки. Несколько лет назад и со мной была подобная ситуация. Пришел домой — хотелось рвать и метать, только и думал над тем, как бы насолить руководству.

Гордеев достал из шкафа коньяк и два бокала, плеснул немного, предложив выпить. Он шел, как говорится, ва-банк, надеясь получить в свои руки слепое орудие мести за перевод денег на завод.

Коротков выпил, расслабился немного...

— Рвать и метать, — повторил он, — я бы вообще взорвал этот завод к чертовой матери. Двадцать лет работы псу под хвост... прошел путь от рядового рабочего до главного инженера, а тут приходит эта сикалка и увольняет...

Гордеев снова налил коньяк. Предложил выпить.

— Взорвать... завод так просто не взорвешь, там же не один корпус и цех. Еще со школьной программы знаю, что алюминий получают путем электролиза, а это значит, что необходимо много электроэнергии. Но если взорвать подстанцию, то завод встанет

полностью. Если решитесь, то подходите через недельку, наверняка смогу помочь вам. Я так и не смог отомстить своим бывшим работодателям, до сих пор на душе кошки скребут, может быть у вас что-то получится. Таких руководителей нельзя оставлять безнаказанными.

Гордеев проводил клиента и довольно потер руками. Этот Коротков сволочь конченная, не остановится ни перед чем. В армии Виктор служил в инженерных войсках сапером и кое-что понимал во взрывном деле. Оставалось найти пластид и взрыватель.

За тройную цену прапорщик его бывшей воинской части продал комплект. Виктор нашел старый пейджер, подсоединил его напрямую к взрывателю. Любое нажатие кнопки привело бы к мгновенному взрыву. Зачем оставлять свидетелей... наверняка тело идентифицируют по ДНК и след поведет к алюминиевому холдингу. На него даже никто не подумает.

Гордеев теперь имел свою секретаршу по полной программе. Утром она по-быстрому делала минет, а в обед он занимался с ней сексом на столе. В конце рабочего дня получал весь комплекс удовольствия и уезжал домой.

Надежда в первый же день его измены ушла в другую спальню, сославшись на работу. Дескать предстояли слишком серьезные операции и надо копить силы. Объяснения, конечно, не серьезные, но Виктор не устраивал разборки, его ситуация устраивала вполне. Можно не оставлять часть сил на ночь для жены, а использовать их все днем. Тем более, что при дневном свете заниматься сексом ему было приятнее, чем в темноте под одеялом.

Гордеев не замечал, что жена практически не разговаривает с ним. Продержаться еще немного — Коротков взорвет подстанцию, деньги перестанут уходить на завод, и он сможет перевести на свой счет в другом банке миллиард рублей. Сибирцевы даже не заметят его исчезновения. Причины для развода имеются — жена не спит с ним, он уволится и уедет в Крым, купит домик. Светлана, его секретарша... зачем в лес брать с собой дрова? Он найдет в Крыму и получше. Море, солнце, тепло, девочки... что еще надо мужчине для счастья? Семья?.. Да пошла она подальше...

Виктор встретился с Коротковым, объяснил ему как пользоваться взрывчаткой: «Вставляете в пластид взрыватель, словно в пластилин, выставляете на таймере время и уходите. Лучше на десять минут, этого вполне хватит уехать далеко, за эти минуты вряд ли кто-то сможет обнаружить взрывчатку и обезвредить». Коротков был ему безразличен, а оставлять живых свидетелей не хотелось.

Ну вот и все, скоро завод встанет, свидетелей его участия в преступлении не останется. Он забирает миллиард, подает на развод и увольняется. Надежда... она дала надежду на вольную жизнь. Существовать под каблуком богатой жены — это не для него.

Довольный Гордеев ехал домой. Охрана встретила его у шлагбаума КПП.

— Извините, Виктор Трофимович, но вы здесь больше не проживаете. Надежда Егоровна развелась с вами, вот копия постановления суда. Личные вещи уже перевезены на вашу старую квартиру к родителям. До свидания.

Вот те раз, подумал он, впрочем, кстати, не надо самому объясняться и разводиться. Домой он не поехал, позвонил Светлане и провел ночь с ней. Она не пряталась под одеялом, ласкалась в свете ночника и в чулках, что придавало сексу особую чувственность. Виктор переменял свое мнение, девочка была хороша не только днем. Нужно взять ее с собой в Крым. Пока он найдет там себе другую и она не жена, ревновать не станет. Надоест — выгоню.

Утром он пришел на работу вместе со Светланой. Теперь уже бывшая жена находилась в

его кабинете. Виктор понимал, что Надежда хозяйка банка, поэтому охрана впустила ее.

— Я тут покопалась в твоём компьютере и вернула деньги, которые ты успел перевести в другой банк. Ты уволен, твоя секретарша тоже. Ключи на стол и проваливай, — произнесла Надежда без видимых эмоций.

— Наденька, подожди, но как же так, что случилось?

— Заберите у него ключи и проводите из банка, для него он закрыт навсегда, — обратилась Сибирцева к охране.

Гордеев пришел в себя только на улице, осознавая случившееся. Он остался не только без работы, но и без денег. Надежда отняла надежду. Следом за ним на улице оказалась и Светлана, он подошел к ней.

— Пойдем к тебе, — предложил Виктор, вздохнув.

— Ко мне? — усмехнулась Светлана, — я не даю нищим и безработным.

Она повернулась резко и зашагала в другую сторону. Подъехавший наряд полиции затолкнул Гордеева в автомобиль.

Сибирцева зашла к Гордееву старшему, который работал в банке заместителем директора.

— Трофим Ерофеевич, я уволила Виктора и его любовницу секретаршу. Вы можете продолжить работу или уйти. Против ни того, ни другого возражать не стану. Временно банк возглавит другой заместитель.

Она повернулась и ушла, не дав возможности ответить или спросить Гордееву старшему. Успела вернуться в клинику еще до начала приема больных, зашла к отцу, обняла его, прижавшись как в детстве к его груди. Из глаз тихо, без всхлипывания, бежали слезы.

— Доченька... что мне тебе сказать?.. сама выбрала этот путь, не стала перекодировать Виктора и, наверное, правильно. Знаю, что ты любила его, поэтому решила вопрос по-детски — хоть несколько месяцев да мой. У тебя срок месяц — хочешь избавиться от ребенка или станешь рожать?

— Нет, папа, от него детей не хочу, за этим и пришла к тебе.

— Хорошо, доченька, после приема больных будет выкидыш. Чем еще могу помочь тебе?

— Спасибо, папа, с остальным справлюсь сама.

Она крепче обняла отца, поцеловала в щеку и ушла к себе. Мать так и не узнала о возможном ребенке дочери. Надежда объяснила ей, что развелась с мужем из-за измены, не рассказав про хищение денег и предотвращенном взрыве завода. Виктора Гордеева осудили по-тихому, без прессы, он получил двадцать лет колонии строгого режима, как и Коротков.

Надежда не стала жить у родителей после развода, как мечтала ее мама. Дома были рядом и всегда можно было прийти друг к другу. Она после работы принимала душ, кушала и смотрела телевизор, иногда не видя и не слыша, что там показывают и говорят. Никак не могла понять — чего же не хватало Виктору. Все его мысли, которые она могла прочесть в его голове, были о раскованном сексе. Одевать на ночь чулочки, делать минет и не выключать ночник... Разве она шлюха какая-нибудь? А может Виктор был прав и не стоило заикливаться на классическом сексе? Кто сказал, что между супругами должны быть какие-то ограничения? Но ведь секс — это только половина всего, а было ли у них душевное понимание друг друга? Наверное, это главный вопрос в их ситуации. При душевной близости возникли бы и сексуальные фантазии. Когда тянешься к человеку, то стараешься сделать ему приятное.

В дом вошел отец.

— Все грустишь и переосмысливаешь отношения с Виктором? — спросил он и, не дождавшись ответа, продолжил: — не переживай, он не стоит того. Обыкновенный сексуальный шизоид. Не шизофреник, заметь, ты знаешь, что это такое.

Зазвонил телефон отца, он взял трубку, ответил:

— Сибирцев.

— Здравствуйте, Егор Борисович, это генерал Обухов.

— Здравствуйте, Алексей Юрьевич, я вас слушаю. Что-то случилось?

— К сожалению, да. Один из наших лучших оперативников тяжело ранен при задержании особо опасного преступника. Врачи говорят, что шансов нет никаких, пуля попала в сердце и непонятно, как он еще жив. Помогите, пожалуйста, Егор Борисович, ради Христа помогите. Раненый находится в первой клинической больнице. Я знаю, что вы не выезжаете, но умоляю вас, офицер еще так молод.

— Хорошо, Алексей Юрьевич, я помогу, в больницу подъедет моя дочь.

— Ваша дочь? При чем здесь дочь?

— Подъедет профессор Сибирцева Надежда Егоровна. Вам надо спасти раненого офицера или поболтать со мной? Встречайте.

Он отключил связь.

— Надя, в первую клиническую больницу доставлен полицейский с ранением в сердце. Съезди.

— Хорошо, отец, если успею, то помогу.

Машина неслась к больнице с предельно возможной скоростью. Сибирцева сразу же направилась во второе хирургическое отделение. В коридоре, не зная в лицо, ее пытались остановить врачи и медсестры, но охрана блокировала всех. Около двери с надписью «Операционный блок» толпились генерал и еще несколько сотрудников.

— Я профессор Сибирцева, — представилась она генералу, — ваш офицер здесь?

— Да, Надежда Егоровна, он здесь. Там все лучшие хирурги, но...

— Понятно, — прервала она его, — организуйте, чтобы мне не мешали, пусть никто не заходит.

Надежда прошла в операционную.

— Доложите состояние больного?

Профессор, ее бывший преподаватель по университету, узнал ее.

— Здравствуйте, Надежда Егоровна, надо одеть халатик и...

— Некогда, коллега, докладывайте.

— Огнестрельное ранение в область сердца. Пуля, сломав ребро, проникла в предсердие и на излете застряла в сердечной мышце. Больной, как видите, интубирован, пульс нитевидный, давления практически нет.

— Понятно, всех прошу отойти от стола.

— Остановка сердца, — крикнул анестезиолог.

— Мои команды выполнять без вопросов и пререканий. Отсоединить больного от аппарата искусственного дыхания. Как зовут раненого?

— Федор Иванович Бугров, — непонимающе ответил анестезиолог, вынимая изо рта трубку, — без наркоза он точно умрет. Надо бы адреналин в сердце, прямой массаж...

— Помолчите, коллега. Так, Федор, дышим самостоятельно, запускаем сердечко и засыпаем.

Раненый задышал. Сердце забилося ровно. Стоявшие рядом врачи изумленно смотрели то на Сибирцеву, то на больного. Приборы фиксировали пульс шестьдесят ударов в минуту, давление сто на пятьдесят пять. Надежда провела рукой над пробитым ребром, образуя разрез длиной в восемь сантиметров. Ткани расслоились и отодвинулись в сторону, словно их держали операционными крючками. Обнажив три ребра, Сибирцева вынула их из тела, положив на простыню рядом, вскрыла предсердие, убирая излишнюю набежавшую кровь марлевыми салфетками. Открытые рты стоявших рядом хирургов и операционных медицинских сестер закрывали маски и только круглые глаза говорили о шокирующем изумлении. Аппарат искусственного дыхания отключен, никакого наркоза и инструментария. Больной дышит сам, давление и пульс в норме. Невероятно...

Сибирцева достала пулю, провела ладонью над раной. Слегка поврежденная мышечная ткань сердца затянулась, как и другие слои до ребер. Она взяла ребра, вставляя их на место по очереди. Костная ткань мгновенно срасталась, словно и не было ничего. Пробитое пулей ребро соединилось по краям и его отверстие затянулось. С операционной раны будто убрали крючки, и она послойно затягивалась. Через какое-то мгновение не осталось даже рубца на теле. Надежда вытерла следы крови на коже салфеткой, произнесла:

— Проснитесь, Федор.

Он открыл глаза, посмотрел на Надежду, на других врачей и остановил взгляд на ней — она была без маски и медицинского халата.

— Вы кто? — спросил он.

— Как чувствуете себя, Федор? — в свою очередь спросила Сибирцева.

— Я? — он еще раз огляделся, — нормально. Я в больнице что ли и почему голый?

— Вас генерал в коридоре ждет, вставайте и больше не подставляйтесь под пули. Это вам.

Надежда отдала ему пулю и вышла из операционной.

— Ваш офицер, товарищ генерал, в полном порядке, больничный лист не требуется, но день отдыха я бы ему разрешила. До свидания.

— До свидания, — машинально ответил генерал.

Надежда вышла на улицу и уехала. Пришедшие в себя коллеги, генерал и капитан кинулись за ней, но поздно.

— Невероятно, — произнес генерал, глядя на капитана, — еще пять минут назад ты

лежал на операционном столе с пулей в сердце, а сейчас стоишь передо мной, словно ничего не было. Ты помнишь, что произошло?

— Помню бандитский выстрел. Пламя сверкнуло в его стволе, звука не слышал. Потом девушка в платье... красивая такая... врачи рядом.

— Эта девушка профессор Сибирцева, это она спасла твою жизнь, достав пулю из твоего сердца. Ты ее вечный должник, капитан, — пояснил Обухов. — Пулю отдай, она для экспертизы нужна. На завтра у тебя отгул, я бы не дал, дел много, но Сибирцева приказала. Ее я послушаться не могу. Свободен, капитан.

— Есть быть свободным до послезавтра, — довольно ответил Федор, — но это правда, что вот эта пулька была в моем сердце? Я слышал про операции Сибирцевых, но вот так... без следов...

— Ты лучше у врачей спроси, капитан, они на операции присутствовали.

Оба полицейских посмотрели на докторов. Профессор, как старший из врачей, ответил:

— Когда Надежда Егоровна вошла в операционную, у вас, капитан, остановилось сердце. Она отключила наркозный аппарат, приказала вам спать, а сердцу работать. Вынула три ребра, извлекла пулю, поставила ребра на место и все затянулось, будто не было никакой раны. Я не читал подобного в фантастических романах, но могу теперь сказать, что видел сие живьем. Это не поддается ни каким объяснениям, но это реальное чудо.

На следующий день Федор Бугров караулил Сибирцеву с раннего утра у клиники. Охрана, наблюдая за ним, решила проверить документы — мало ли с какой целью торчит здесь этот накаченный и явно подготовленный молодой мужчина с большим букетом цветов. Он явно не оперировался в клинике, а значит у него не было повода приходить сюда. Двое бывших спецназовцев ФСБ вышли из здания клиники.

— Молодой человек, вы кого-то ждете здесь?

— Да, — с радостной улыбкой ответил он, — свое счастье.

— Счастье? — не понял охранник, — это в каком смысле?

— В прямом. Жду Надежду Егоровну, она мое счастье и жизнь.

— Влюбился что ли? — немного расслабившись, спросил охранник, — но где ты мог ее видеть, Надежда Егоровна не общается со своими воздыхателями.

— Эх, ребята, где я ее мог видеть? Конечно на операционном столе. Проснулся, смотрю — кругом врачи и она стоит без халата в простом платье. Такая красавица... и она держала в руках мое сердце, понимаете? Теперь я хочу забрать ее, если получится.

Он говорил уверенно, радостно и доброжелательно. Но общая картина у охраны не складывалась — Сибирцева не оперировала без халата и в присутствии других врачей. На психа вроде бы не похож, но на то они и психи, чтобы маскироваться. Опытный глаз охранника «нащупал» под пиджаком оружие. Незаметный сигнал напарнику и они скрутили мужчину, вынули из кобуры пистолет, надевая наручники сзади.

— Мужики, я полицейский, удостоверение во внутреннем кармане, — скороговоркой произнес он, морщась от боли вывернутых назад рук.

— Разберемся.

Охранники втолкнули его внутрь клиники, чтобы не светиться на улице, достали удостоверение.

— Бугров Федор Иванович, старший оперуполномоченный по особо важным делам. Капитан полиции, — читал старший смены, — и что за важные дела привели вас сюда, капитан?

— Профессор Сибирцева меня вчера оперировала, пришел поблагодарить ее. Я полицейский, отпустите меня немедленно.

— А другой версии у вас нет, Федор Иванович? Вас вчера никто не оперировал и это факт. Мы всех больных помним, кого вчера привозили. Мент ты или нет — это тоже проверим.

— Позвоните генералу Обухову, он подтвердит.

— Генералу Обухову, начальнику УМВД? Нет, дорогой, тобой ребята из ФСБ займутся. Может ты и ментом окажешься, но тебя точно не оперировали вчера. Зачем пришел сюда — убить великого доктора? Ты, гнида, все расскажешь, мы не таких раскалывали, — с издевкой произнес старший смены охраны.

— Сибирцевы подъехали, — произнес один из охранников.

— Держите эту сволочь, я встречу докторов, — приказал старший смены.

Охранники закрыли собой полицейского, чтобы его не было видно, старший смены встречал Сибирцевых.

— Надежда Егоровна, — успел выкрикнуть Бугров и получил сразу же натренированный удар, выключающий сознание.

Сибирцева остановилась.

— Что там у вас происходит? Отойдите в сторону.

— Извините, Надежда Егоровна, но вам лучше не смотреть. Мы задержали преступника который под видом вашего бывшего пациента проник сюда с оружием.

Старший смены встал перед Сибирцевой, не двигаясь с места.

— Я лучше знаю, что мне делать, отойдите в сторону.

— Извините, Надежда Егоровна, но мы на службе и не можем позволить вам прямой контакт с преступником, — возразил старший смены.

Сибирцева не стала спорить, набрала номер телефона начальника ЧОП.

— Вячеслав Артурович, это Сибирцева, тут ваши охранники беспредельничают, прошу вас немедленно прибыть в клинику, они нам прием больных срывают.

— Лечу, — ответил Званцев.

— Надежда Егоровна, зачем вы так — мы же на работе и заботимся о вашей безопасности, — с укором произнес старший смены.

Начальник ЧОП прибыл через минуту, он ехал к себе на работу и оказался рядом с клиникой.

— Что случилось, Надежда Егоровна? — спросил сразу же Званцев.

— Разрешите доложить, Вячеслав Артурович, — вмешался в разговор начальник смены.

— Помолчи, — огрызнулся Званцев, — я слушаю вас, Надежда Егоровна.

— Я вчера вечером оперировала полицейского, генерал Обухов попросил отца об этом, это один из лучших оперативников города. Он пришел поблагодарить меня сегодня, но ваша охрана вывернула ему руку, серьезно повредив плечевой сустав, а когда он окликнул меня, ударом по шее отключила его. Человек нуждается в медицинской помощи, но ваши охранники не допускают меня к нему. Зачем нам такая охрана, господин Званцев?

— Все не так было, Вячеслав Артурович, мы понятия не имели, что он полицейский. При нем не было документов и пистолет под мышкой. Откуда мы могли знать, что он полицейский и операций здесь никто не делал. Мы действовали по правилам, — оправдывался начальник смены.

— Ну и сволочь же ты и гнида порядочная, — резко произнесла Сибирцева, глядя на

начальника смены, — удостоверение полицейского у тебя во внутреннем кармане пиджака. Человек до сих пор находится без сознания. Вам этого мало для доказательств, Званцев?

— Удостоверение? — резко произнес начальник ЧОП.

— Да врет все профессорша, Вячеслав Артурович. Нет у меня ничего.

— Задержать, наручники и обыскать, — приказал Званцев.

Из кармана начальника смены достали удостоверение и пистолет полицейского. Сибирцева подошла к лежащему на полу Бугрову, наклонилась над ним и погладила по щеке, потом поводила рукой над плечевым суставом.

— Очнитесь, Федор, — тихо произнесла она.

Он открыл глаза.

— Снова вы надо мной, — Бугров улыбнулся, — меня опять ранили?

— Нет, все в порядке, пойдемте, я напою вас чаем, — предложила Сибирцева.

Капитан встал, сразу почувствовав, что в кобуре нет пистолета, сунул руку в карман — удостоверение отсутствовало. Званцев протянул ему документ.

— Оружие получите при выходе. Извините, таковы наши правила, — пояснил он.

— Правила? — с усмешкой бросил Бугров, — что-то я не припомню правил, позволяющих нападать на полицейского, обыскивать и изымать у него табельное оружие. Это не правила, а факт совершенного преступления сотрудниками ЧОП. Верните пистолет, и когда я выйду обратно, то надеюсь, что не увижу больше здесь ваших сотрудников никогда. Я не стану задерживать их, сами разберетесь. Но если я снова увижу ваших бандитов, то они сядут по полной программе, это я вам гарантирую. Оружие, — повысил он голос.

Званцев посмотрел на Сибирцеву, она кивнула головой, и он отдал пистолет. Надежда провела Бугрова в свой кабинет, попросила Аню принести им два чая.

— Вы, Федор Иванович...

— Просто Федор, Надежда Егоровна, — перебил он ее, — не называйте меня по отчеству. Прошу вас.

— Хорошо, Федор, тогда и вы называйте меня по имени. Мы еще молодые, зачем нам старить себя отчествами, тем более, что вы у меня в гостях, а не на приеме.

— Не знаю — смогу ли, но все равно спасибо, Надежда Егоровна... Надя... спасибо вам еще раз.

Аня принесла в кабинет чай и печенье.

— Спасибо, Аня, — поблагодарила ее Сибирцева, — не беспокойся. Я знаю, что пора начинать прием. Пусть подождут еще немного.

Она кивнула головой и вышла.

— Надежда Егоровна, Надя, я понимаю, что это прозвучит ветрено, но если я не попрошу, то буду казнить себя всю оставшуюся жизнь. Не могли бы мы встретиться после работы, сходить в ресторан или театр?

— В ресторан или театр? — переспросила она, — нет, давайте лучше побродим по набережной, я так давно не гуляла нигде.

— Отлично, к которому часу прибыть? — радостно спросил Федор.

— Я заканчиваю в восемнадцать часов, подходите. Я предупрежу охрану, вас не станут обыскивать и задерживать.

Весь день Бугров не находил себе места, вспоминая, как открыл глаза на операционном столе и увидел ее. Сердце защемило сразу, но не от боли. Он был готов кинуться и целовать ее всю, хотя даже не знал имени. Может быть от того, что она коснулась его сердца своими

руками, может быть от другого — он не знал от чего. Сегодня открыл глаза в клинике и снова она. Он влюбился мгновенно и безвозвратно, но как сказать ей об этом? Она посчитает его ветреным ловеласом. Как убедить ее в своей любви? Время, на это необходимо время, но как с ним справиться, если вся душа пылает любовью? Он бы сам посчитал любого мужчину легкомысленным в признании мгновенной любви. Но это случилось и не с кем-то, а с ним самим. Что делать, как быть, гулять с ней и разговаривать о каких-то вещах, когда хочется носить на руках, танцевать, прыгать и любить всю до последней клеточки? К тому же он опер «убойного» отдела... Какая тут личная жизнь, если поднимают по тревоге в выходные и ночью? Практически все его коллеги разведены и перебиваются случайными связями. Но находятся женщины, живут год-два и уходят — никому не нужен муж, пропадающий постоянно на работе за копейки. Наденька, его милая Наденька... Если согласиться быть с ним, то придется уйти в адвокаты. Федор вздохнул... в адвокаты, которых он терпеть не мог, как и журналистов. И что делать, рассказать все прямо, чтобы посчитали придурком и выгнали сразу? Лучше уж сразу пережить боль, окунуться в работу и забыть все. Федор уже имел опыт развода. Жена любила его, но все же ушла, не смогла перенести вечного страха за жизнь и постоянного отсутствия дома. Хорошо еще, что не завели детей. Уходя, жена бросила ехидное напоследок: «У тебя даже не хватило времени на заведение детей или ты считаешь, что они должны быть соседскими? Извини, Федор, я женщина, а не приложение к квартире. Дивану все равно, когда ты приходишь домой, ночуешь ли, а мне нет. Тебе нельзя жениться, ты уже женат на работе. Извини, дорогой, но я ухожу».

Надежда закончила работу за полчаса до шести. Села в кресло в раздумьях. Федор нравился ей и ее тянуло к нему. Не так, как к Виктору раньше. Она поняла, что влюбилась впервые, а раньше было другое чувство, они вместе играли в любовь, не ощущая ее по-настоящему.

Вошел отец.

— Задумалась, Наденька... Он хороший парень и по-настоящему тебя любит, я это чувствую, и ты сама знаешь. Не играй с ним, он не посчитает тебя ветреной и легкомысленной. Погуляете и приводи его к нам, живите и будьте счастливы. Ты не станешь его ревновать к работе, я знаю, что в сутках будет мало минуток для совместного счастья. Но жизнь не заканчивается одним днем или годом. Когда подрастут дети и потребуется настоящее отцовское внимание, он уже будет не простым опером и станет проводить ночи и выходные дома.

— Спасибо, папа, ты настоящий отец и друг.

Она встала с кресла, подошла, обняла отца.

— Так я пойду?

— Иди, доченька. Он наверняка тебя уже ждет внизу.

Сибирцева вышла на улицу, капитан уже ждал ее с новым букетом цветов.

— Спасибо, Федор, — поблагодарила она, — мне приятно, но такой букет стоит очень дорого. Сегодня хороший вечер и не очень жарко, пройдемся пешком или поедем на машине на набережную?

— Я пока еще не купил себе машину, не накопил, но все впереди, — ответил он.

— Извини, Федор, я имела ввиду свою машину.

— Тогда, конечно, поедем — не бросать же автомобиль здесь.

— Хорошо, поедем, — улыбнулась она и махнула рукой.

К ним подкатил Мерседес и за ним еще два джипа. Охранники открыли дверцу седана. Федор удивленно смотрел на нее.

— Это моя личная охрана, я никогда не хожу одна и не езжу. Это не моя прихоть, Федор, так решило наше правительство. Когда я была маленькой девочкой, то меня с братом уже похищала американская разведка, но ничего, все обошлось.

— Американская разведка? — удивился Бугров, — причем здесь врач и разведка, тем более, что вы были еще маленькая девочка?

— Это был один из способов влияния на отца, врачи, Федя, тоже могут работать на оборонку.

— Извините, Надя, я не знал. Так в клинике были не чоповцы, а ФСБ?

— В клинике были чоповцы из ФСБ, а личная охрана — действующие сотрудники. Не пусть это вас не волнует. Я вначале тоже кочевряжилась, но потом привыкла.

На набережной они сели на лавочку у воды, от которой веяло прохладой, своеобразным запахом и воодушевлением. Федор не решался заговорить. Хотелось сказать многое, а Надежда внезапно оказалась не простым врачом, профессором, а личностью, которую охраняло ФСБ. В голове все перемешалось — почему простой врач... она богиня от медицины.

— Федор, — он вздрогнул, возвращаясь от мыслей к реальности, — я чувствую, что вы хотите мне сказать что-то важное и не решаетесь. Профессор, охрана ФСБ... не обращайтесь внимания. Я такой же простой человек, как и вы. Со своими чувствами, мыслями, желаниями, как и у всех людей.

— Да, Надя, я согласен с вами. Я полицейский, работаю в отделе по раскрытию убийств. Ночами и в выходные чаще на работе, чем дома. Из-за этого со мной развелась жена. Просто ушла, а потом, позже, вышла замуж. Теперь я не знаю, что делать...

— Что делать? Быть самим собой, радоваться жизни, любить, растить детей, быть полезным людям, работать и отдыхать. Когда ваша девушка выходила замуж за вас, она разве не знала, что будет второй женой, а первой работа?

— Как вы верно сказали, — вздохнул Федор, — конечно знала. Думала, что справится с собой, но не получилось. Радоваться жизни, любить, растить детей, быть полезным людям, работать и отдыхать... все верно теоретически и правильно. А жизнь диктует свое. Я редко смотрю телевизор, но как-то удалось посмотреть одну серию из «Паутины». Там опер Туманов любит женщину, врача, живут практически вместе, любят друг друга. Но он не желает мучать любимую женщину своей работой, обманывает ее, сказав, что первая страсть прошла, и он остыл к ней. Два любящих друг друга человека разбежались...

— Дурак этот Туманов, полный придурок, хоть и главный герой сериала, — уверенно возразила Надежда.

— Не знаю, может оно и так, не знаю.

— Я вам нравлюсь, Федор? — внезапно спросила она в лоб.

— Очень нравитесь, Наденька. Нет, это не то слово — я безумно влюбился с первого взгляда. Я легкомысленный человек, да? Теперь вы прогоните меня. Пусть так... Но я решился сказать и вы знаете.

Он встал, собираясь выслушать насмешку или упрек и потом уйти навсегда. Такие чувства надо рвать сразу и быстро, не дав утонуть в них окончательно и бесповоротно. Надежда взяла его за руку, потянула обратно, он присел, напрягившись.

— Тогда и я легкомысленная, ветряная особа. Вы тоже нравитесь мне, Федор. Едем ко

мне и не станем уподобляться той врачихе и Туманову.

Утром Федор проснулся первым и решил приготовить Надежде кофе. Не одеваясь, тихо вышел из спальни и побежал по лестнице вниз. На кухне столкнулся с женщиной, которая от изумления выронила из рук посуду, увидев перед собой абсолютно голого мужика.

— Ой, блин, — вскрикнул он и, закрываясь руками, помчался обратно в спальню.

Надя открыла глаза.

— Ты уже встал Федя, а я бы еще повалялась. Иди ко мне, милый.

— Иду, — ответил он, — я хотел приготовить кофе и принести тебе в постель, а там эта...

— Ты так и ходил голый?

— Ну, конечно, я же не знал, что там кто-то есть. Перепугал женщину и сам чуть со страху и стыда не помер. Кто там у тебя на кухне, сестра, родственница?

— Представляю картину, — хохотала от всей души Надя, — это повар, она приходит рано и готовит завтрак. Вчера мы приехали поздно, и она нас не дождалась. Еще у меня домработница, приходит к девяти, убирается и уходит. Но сегодня пятница, а она работает с понедельника по четверг. Я отдыхаю три дня, Федор, как и мой отец с Антоном, моим родным братом, он тоже врач и профессор, мы работаем все вместе.

— Ох, елки-палки, мне же на работу пора, генерал только на один день отпустил.

— Ты можешь отпроситься до понедельника?

— Я очень хочу, Наденька, но не получится, начальство не разрешит.

— Ты попробуй, позвони Обухову, — предложила Надежда.

— Самому генералу... у нас не принято через голову начальника отдела прыгать. Да и не соединят меня с ним, а прямого номера я не знаю.

— Но ты бы хотел остаться со мной, если тебя отпустят?

— Конечно, я бы был на седьмом небе. Но откровенно сказать — я боюсь.

— Меня? — удивилась Надежда.

— Нет, милая, твоих родственников — отца, маму. Что они подумают, когда узнают, что я ночевал у тебя?

— Я взрослая женщина, Федор, и ничего плохого они не подумают. Вот если сбежишь — то да.

— Сбежать от тебя? Разве это возможно? Могу сбежать, но только с тобой на руках. Извини, мне надо одеваться, я вызову такси, какой у тебя адрес?

— Нам нужны эти три дня, Федор, надо познакомиться с твоими родителями, с моими, объяснить тебе некоторые моменты, чтобы не высказывал голый, — она улыбнулась, — чтобы вызвать такси, надо позвонить на КПП и предупредить их, иначе не пропустят сюда машину.

— Хорошо, Наденька.

Он взял телефон, набрал номер своего начальника.

— Здравия желаю, товарищ полковник, капитан Бугров, разрешите мне сегодня отгул и выйти на службу в понедельник... Я никогда вас ни о чем не просил, мне очень нужны эти три дня... Нет, здоровье в полном порядке. У меня появилась девушка, любимая женщина. Надо познакомиться с родителями, перевезти ее вещи ко мне... Понятно, есть прибыть на службу немедленно.

— Не отпускает полковник. Он не человек что ли? Ты же не один расследуешь преступления.

— Не один, — вздохнул Федор, — но совершены несколько убийств, они на контроле у министра, вот полковник и беснуется. Он хороший мужик и его тоже можно понять, когда дергают из приемной министра ежедневно и не раз. Убиты бизнесмены со связями в Москве, о простых так бы не заботились. Высылают бригаду из Москвы, терпеть не могу этих москвичей, только под ногами путаются и жар загребают. Надо ехать, Надя.

— Понимаешь, Федор, если я не выйду на работу — будет международный скандал. Я оперирую иностранцев и очередь расписана на годы вперед. И я одна, отец с братом оперируют россиян, которых в очереди тоже не счесть. А у тебя целый отдел... Не возражаешь, если я сама переговорю с генералом?

Надежда поговорила и радостно сообщила Федору:

— Никто тебя до понедельника беспокоить не станет. Позвони родителям, чтобы не волновались и отключи телефон. Скажи, что подъедем к ним вечером, заберем твои вещи...

Надежда, лежа в постели, рассказывала про жизнь в элитном поселке, про правила и свою семью.

— Есть одна проблема, Федор, как ты будешь добираться сюда после работы. Общественный транспорт не ходит, да и приезжать придется частенько ночью. Вас же не развозят по домам на работе.

— Раз-два меня подбросит напарник, за ним закреплена служебная машина. Буду заказывать такси, ничего не поделаешь. Правда зарплата у меня — каждый день на такси не поездишь. Может быть все-таки станем жить у моих родителей, квартира трехкомнатная, места всем хватит.

— Нет, милый, ты будешь жить у меня, у нас с тобой, — она улыбнулась, — сейчас покушаем и поедем в город, купим тебе машину, чтобы ты мог беспрепятственно добираться до дома.

— Машину... я же не нахлебник какой-нибудь, — возразил он.

— Феденька, ты пришел в семью, где деньги не делят между родственниками. Они как бы принадлежат всем и берет их тот, кому нужно и сколько нужно. Мы не пропиваем их и не проигрываем в карты, а тратим на действительно необходимые вещи, дела и еду.

В городе они свернули не в автосалон, а в магазин. На удивление Федора Надежда ответила:

— По мужу судят о жене и наоборот. Надо тебя одеть прилично. Ты не обижайся, Федор, и не комплексуй. Ты же иногда будешь заглядывать ко мне в клинику, а я оперирую иностранцев, они очень хорошо разбираются в одежде. Пусть это будут джинсы, но фирменные. Приоденем тебя и домой, машину уже покупают на твое имя. Будет ждать тебя с номерами.

В понедельник Бугров появился на работе и сразу же попал на совещание у генерала Обухова. Прилетела бригада из Москвы для расследования убийств. После совещания московский полковник попросил остаться Бугрова и его непосредственного начальника.

— Скажите, капитан, вы подъехали сегодня на новеньком Мерседесе стоимостью около четырех миллионов рублей. А сколько стоят ваши часы?

— Если вам интересно, товарищ полковник, то в переводе на рубли около миллиона восьмисот тысяч, — ответил Бугров, — это Патек Филипп и очень дешево для этой фирмы.

— Для фирмы возможно, но откуда такие деньги у капитана полиции, можете объяснить? Рубашка от Етона, костюм от Бриони, обувь от Берлучи...

— Все просто, товарищ полковник, гражданская жена подарила, через месяц у нас с ней

официальная свадьба.

— Ваша жена миллионерша?

— Нет, миллиардерша.

— Что за чушь, капитан, назовите имя. Я ведь проверю, не сомневайтесь, — усмехнулся полковник.

— Извините, но не могу. Если Алексей Юрьевич вам скажет, то скажет, а я не могу. Она его соседка.

Обухов связал воедино звонок Сибирцевой и ответ Бугрова.

— Спасибо, капитан, вы свободны, все прояснилось.

— Есть, товарищ генерал, разрешите вопрос?

— Слушаю вас.

— Я бы хотел поинтересоваться у товарища полковника из Москвы — откуда он так хорошо разбирается в фирменных брендах? Его часы на руке швейцарские от Патека Филиппа, но подороже моих будут, такие на полковничью зарплату не купишь. У вас тоже жена миллиардерша, товарищ полковник?

— Да как ты смеешь, щенок, — побагровел полковник, — я тебя в порошок сотру и миллиарды твоей девки не помогут.

— Молчать, — ударил по столу ладонью генерал, — не забывайтесь, полковник.

— Извините, товарищ генерал-лейтенант.

— Вот так-то лучше. Идите, Федор Иванович, и не держите зла.

— Есть не держать зла, — ответил Бугров и вышел из кабинета.

— Товарищ генерал, объясните пожалуйста, что это за прыщ такой, что он себе позволяет? — попросил полковник, едва сдерживая злость.

Обухов вздохнул тяжело, ответил:

— Свалились вы тут на мою голову... Надо убийство расследовать, а не на одежду сотрудников смотреть, у которых жены миллиардерши. Деньги здесь ни при чем, его жена охраняется государством, ты сунул свой длинный нос туда, полковник, где тебе его мгновенно оторвут вместе с яйцами и сожрать заставят. Я знаю это только потому, что живу рядом. Ее дом охраняется спецназом ФСБ, даже я туда могу зайти только по приглашению. Хочешь пободаться с конторой, полковник, бодайся, но только не у меня в городе. Советую подойти к капитану и извиниться.

— Извиниться, я еще должен извиниться?.. Да пошел он к черту вместе со своей бабой. Я лично доложу министру о нездоровой ситуации в вашем управлении, генерал.

Полковник Сиротский, непосредственный начальник Бугрова, вообще ничего не понимал. У капитана даже девушки не было, а тут гражданская жена из элитного поселка, одежда, новенький Мерседес. В это поселке действительно проживают или власть имущие, или миллиардеры. Что-то произошло за эти три дня, не зря генерал приказал ему не беспокоить капитана до понедельника, не смотря на убийства, имеющие большой общественный резонанс. Вот так и нарваться можно со своим подчиненным на неприятность, но выводы для себя он сделал.

Докладывать министру не пришлось. Полковника срочно отозвали в Москву, а в Домодедово его уже встречали сотрудники управления собственной безопасности. Больше о нем в Н-ске не слышали. Генерал подсуетился и позвонил первым.

У капитана напряглись отношения с коллегами, он решил сразу же разрулить ситуацию. У себя в отделе объявил просто:

— Мужики, мне надо соответствовать имиджу богатой жены, иначе нельзя. А в остальном я остался прежним, так что не стоит меня опасаться. Через месяц у меня регистрация, приглашаю всех, там и узнаете имя супруги.

— Да знают уже все, Федя, знают, не в жилконторе служим. Продавцы же первые сплетники, весь город уже гудит от новостей, как на тебя «Мерина» чекисты оформляли, — подвел Сиротский, — учитесь мужики — в ходе операции он не только пулю, но и свое сердце докторше отдал. А что — парень видный, симпатичный, спортивно сложенный, почему бы ей и не влюбиться. Оперирует постоянно старых хрычей, а тут настоящий мужик оказался на столе. Мы рады за тебя, Федор, но к делу, какие результаты за три дня?

Бугров слушал внимательно. Все три бизнесмена застрелены из одной винтовки, которую киллер скинул на месте совершения преступления. Никаких следов, отпечатков и свидетелей, работал профессионал высокого класса, произвел три выстрела с расстояния трехсот метров, пули попали в голову, мгновенная смерть. По номерам пробили воинскую часть, где было зарегистрировано оружие. Винтовка списана, как непригодная к стрельбе, ответственный прапорщик был убит в Чечне еще месяц назад в ходе перестрелки с боевиками. Опять тупик. Сейчас проверяется экономическая версия, кому выгодна смерть и к кому отойдет имущество и бизнес убиенных.

— Нет, здесь что-то не так — списанная винтовка, убитый прапорщик. Прапорщики со складов вооружения не участвуют в перестрелках с боевиками. Его явно замочили, чтобы оборвать все концы, они оттуда растут, — высказал свое мнение Бугров, — но это слишком длинный путь, винтовочка могла стать переходной, надо искать кому она здесь понадобилась. Товарищ полковник, разрешите подробнее ознакомиться с материалами дела, с вещдоками в ходе обыска и так далее. Пока у меня приличных версий нет.

— Хорошо, капитан, знакомьтесь, все остальные отрабатывают экономическую версию.

Бугров вернулся к себе в кабинет, где он располагался со своим напарником Тарасом Венчурой. Последний сразу накинулся на капитана.

— Федор, давай, колись — Сибирцева твоя жена, невероятно! Как ты ее охмурить сумел?

— И ты туда же... Никого я не охмурял, влюбился по уши, слов нет. Ладно, давай делом займемся — я материалы просмотрю, а ты мысли вслух.

— Чего мыслить-то, глухарь нам корячится. Москвичи еще понаехали, житья теперь не дадут, вместо расследования одни справки и совещания. Напрочь замотают. Убиты три бизнесмена в одном месте и с одного оружия. Значит они были знакомы друг с другом, но их бизнес не пересекался. У одного рынки города, у другого рестораны и кафе, общепит, у третьего гостиницы и проститутки. Если рассматривать экономическую версию, то валить их надо было по одному, враз их бизнес никому не осилить. Кафе, из которого они выходили за секунду до убийства, принадлежит одному из них, но даже сам хозяин там не бывал больше года, полагаясь на управляющего. Встретились, выпили, посидели полчаса и вышли. Почему и зачем встречались, о чем говорили — неизвестно, никто не слышал. Распечатка телефонных переговоров свидетельствует о том, что они заранее не созванивались. Короче

— заказуха и глухарь.

— Заказуха и глухарь... Ты всегда смотришь на преступление скептически, Тарас, правда в самом начале. Шевелить мозгами ты начинаешь позже, а надо бы сразу. Распечатка звонков показала, что убитые не созванивались, но оказались втроем в одном месте и в одно время. В каких случаях люди встречаются без звонка?

Тарас пожал плечами.

— Ну... не знаю. Приходят на день рождения, похороны, свадьбу. Но ни того, ни другого, ни третьего у них не было.

— Верной дорогой идете, товарищ, — улыбнулся Федор, — ни того, ни другого, ни третьего у них не было. Но, значит, была другая дата, которую они хорошо знали. И не бизнес они обсуждали в кафе, что-то отмечали другое. И это другое знал убийца, если поджидал их на чердаке дома напротив. Что говорят сотрудники кафе?

— Ничего, они впервые видели этих мужчин. Заказали пол-литра водки и закуску, через полчаса вышли.

— А управляющий кафе, он точно должен знать хозяина или тоже промолчал?

— Его не опрашивали, он в отпуске за границей, как раз должен был прилететь вчера.

— Тогда надо ехать к нему. Что-то я в деле фоток не вижу, кроме трупных, с вдовами, надеюсь общались, что они говорят?

— Ничего, понятия не имеют зачем их мужья в кафе потащились.

— Но они знают всю троицу?

Венчура пожал плечами.

— Эх, Тарас, Тарас, ты же академию на год позже меня закончил и капитана в прошлом году получил, опыт есть, а все плечами поводишь. Поехали.

— Куда, в кафе?

— К вдовам сначала, надо переговорить, альбомы семейные посмотреть, фотографии в живом виде взять или ты предпочитаешь показывать фотки с дыркой во лбу? Едем к той, которая живет ближе.

Близко никто не жил, все трое проживали в пригородных коттеджах и в разных концах. Подъехали к одному.

— Здесь проживает вдова Иванова Валентина Матвеевна, — подсказал Тарас, — фамилии убитых как в анекдоте — Иванов, Петров, Сидоров.

Бугров нажал кнопку домофона у ворот. Щелкнул замок и дверь открылась.

— Странно, даже не спросили кто?

— Наверное увидела меня на экране. Я разговаривал уже с ней, — пояснил Тарас.

Полицейские вошли в дом. Их встретила женщина с опухшими от слез глазами.

— Капитан Бугров, капитан Венчура, управление МВД области, — он предъявил служебное удостоверение, — вы Иванова Валентина Матвеевна?

Она, не взглянув на удостоверение, посмотрела на Тараса.

— Проходите, меня уже допрашивал вот этот молодой человек. Что-то нужно еще?

Она провела их в комнату, указала рукой на диван, сама села в кресло напротив.

— Мы приносим вам свои соболезнования, Валентина Матвеевна, и хотели бы задать несколько вопросов. Вы в состоянии говорить или перенести разговор на завтра? — поинтересовался Бугров.

— Переноси, не переноси, а мужа не вернешь. Я слушаю вас.

— Валентина Матвеевна, вы знали других убитых — Петрова и Сидорова?

— Других убитых? — удивилась она, — кто-то еще был застрелен вместе с моим мужем? Капитан об этом ничего не сказал.

— Да, убиты Петров и Сидоров, один владелец ресторанов, другой гостиниц, — пояснил Бугров.

— Петров и Сидоров... никогда не видела их, но муж как-то говорил, что они одноклассники, но он не общался с ними.

— Почему не общался, не говорил?

— Не знаю, не говорил, — ответила Иванова.

— Вы позволите нам посмотреть семейные альбомы с фотографиями? — попросил Бугров.

— Это нужно для дела? — спросила вдова.

— Да, конечно.

— Я сейчас принесу, — неохотно ответила она и вышла из комнаты.

Бугров просмотрел альбом, достал выпускную школьную фотографию, на которой была вся троица.

— Валентина Матвеевна, разрешите нам взять это фото. С возвратом, конечно.

— Да, но с возвратом. Что-то еще?

— Нет, спасибо.

Полицейские вышли из дома.

— Едем к другой вдове? — спросил Венчура.

— Нет, едем в кафе. Пообщаемся с управляющим.

Управляющий пояснил, что хозяин никогда не приезжал в кафе с проверками или по бизнесу. Ему было вполне достаточно отчетов. Но раз в год, именно 25 числа, вся троица собиралась здесь. Придут, посидят немного, выпьют и расходятся. Причину встреч он не знал. Бугров решил уточнить:

— Вы так уверенно говорите про число, но, может быть, в прошлые годы они собирались по другим датам?

— Исключено, — ответил управляющий, — у меня день рождения в этот день. Но мою дату они точно не отмечали.

— Тогда понятно, спасибо.

В управлении Бугров сел за свой рабочий стол, побарабанил пальцами по столу немного.

— Вот что, Тарас, садись за комп и подними мне все сводки за 25-е число, начиная с момента окончания школы убитыми. Причину убийства надо искать в прошлом, а не в бизнесе.

В кабинет вошли полковник Сиротский и мужчина в гражданке. Полицейские встали.

— Капитан Бугров и его напарник капитан Венчура. Подполковник Арбатский из Москвы, назначен руководить расследованием убийств трех бизнесменов, — произнес Сиротский.

— В городе совершено серьезное убийство. А вы непонятно чем занимаетесь, капитан Бугров. Вас не было в управлении, что за самодеятельность, капитан, прошу объясниться.

Арбатский смотрел на капитана с нескрываемым пренебрежением и яростью. Полковник, которого по неизвестным причинам срочно отозвали в Москву, успел сообщить ему, что капитан взяточник, покрываемый богатой женой. Необходима проверка и строгий контроль.

— Я, товарищ подполковник, по объективным причинам не присутствовал на месте совершения преступления и не участвовал в первоначальных следственных действиях. Полковник Сиротский разрешил мне подробно ознакомиться с материалами уголовного дела, Ознакомившись, я пришел к выводу, что наша основная экономическая версия ничтожна. Но пока это только версии и догадки, прошу разрешения доложить результаты вечером.

— Он пришел к выводу, — усмехнулся подполковник, — здесь я решаю и руковожу расследованием. Я вас отстраняю от службы, прошу сдать удостоверение и табельное оружие. А вы, полковник, подготовьте мне срочно справочку о его жене — что за фифа, откуда у нее деньги и так далее. Разберемся... развели тут оборотней.

— Она не фифа, прошу извиниться, подполковник, — закипел от гнева Бугров.

— Удостоверение и оружие, капитан, быстро, — закричал Арбатский.

— А вот хрен тебе. От расследования этого дела ты, урод, можешь меня отстранить, а от службы нет и удостоверение с оружием ты мне не давал. У меня свое начальство имеется, — ответил в ярости Бугров, едва сдерживая себя, чтобы не дать москвичу в морду.

— Ты что себе позволяешь, щенок? Полковник, приказываю немедленно задержать капитана за оскорбление представителя власти и неподчинение приказам. Посмотрим, что он запоет на следствии, когда его за взятки станут крутить.

— Молчать, — крикнул полковник, — всем молчать, — уже тише произнес он, — что вы за люди такие, москвичи, делом надо заниматься, а вы из мухи слона раздуваете. Никаких взяток не было и нет, а вы, подполковник, первым капитана оскорбили. Извинитесь и начнем работать.

— Да здесь целый заговор, я немедленно докладываю министру.

— Беги стукачек. Один уже до докладывался — отозвали.

Арбатский пулей вылетел из кабинета.

— Побежал к Обухову, — усмехнулся Сиротский, — жаловаться будет и в Москву звонить. А нам работать надо. Что у тебя за версия, Федор? Ты же понимаешь, что если не раскроешь это убийство, то тебя этот подпол с говном сожрет и меня в том числе.

— Спасибо, товарищ полковник, за поддержку. А версию еще проверить надо, разрешите приступить?

— Да-а, ты даже в экстремальных ситуациях не меняешься. Жду вечернего доклада, Федор.

Полковник вышел из кабинета.

— Я не понимаю, Федя, чего этот подпол на тебя накинудся, зависть что ли глаза застит, что у тебя часы швейцарские? — спросил Венчура.

— Ладно, Тарас... что у тебя со сводками?

— Уже есть кое-что.

— Распечатай, а пока своими словами.

— Одиннадцать лет назад в здание кафе, тогда там был офис рекламной фирмы, в котором работали Иванов, Петров и Сидоров, убили одну девушку — Терентьеву. Она тоже была их одноклассницей и работала там же. Есть еще один фигурант и одноклассник — Самойлов, он как раз в тот день, 25 числа, вернулся из армии, пришел к ним. Естественно, решили отметить событие, выпили, а позже Самойлов убил Терентьеву, Иванов, Петров и Сидоров задержали его на месте преступления. Самойлову дали десять лет, он освободился 25 числа прошлого года.

— Освободился двадцать пятого... К известной дате не успевал... Следующая дата как раз... Понятно. Срочно поднимай это дело и завтра ранним утром едем в Верхнереченск, на родину убиенных. Это триста километров отсюда. Дуй в архив быстро, а я доложу Сиротскому.

Арбатский ворвался в кабинет начальника УМВД Обухова без доклада.

— В чем дело, подполковник? — удивленно спросил генерал.

— И это вы меня спрашиваете в чем дело, когда ваши подчиненные саботируют мои приказы, издеваются и оскорбляют?

Он подробно объяснил ситуацию и, естественно, в своем колере. Обухов ненадолго задумался, потом недовольно пояснил:

— Я уже говорил вашему коллеге, что капитан Бугров честный, порядочный и профессионально грамотный сотрудник, но вы, почему-то, не хотите это услышать. Данной мне властью я закрываю вашу командировку, — он нажал кнопку, вошла секретарша, — отметьте командировку подполковнику, и проводите его на выход, проследите, что бы больше его ноги здесь никогда не было.

— Товарищ генерал, я не понимаю... — забеспокоился Арбатский.

— Вам все в Москве объяснят, в управлении собственной безопасности, и молитесь Бога, чтобы объяснили они, а не старшие братья. Вы свободны.

Генерал, оставшись один, задумался. Его тактика верная, москвичам «не поиметь» Бугрова, как бы они этого не желали. Значит, он должен быть на его стороне. Сейчас его больше волновал другой вопрос — как поведет себя капитан в дальнейшем, ведь его могучая жена может раздавить его без усилий. Но пресмыкаться он не привык и не желал. Пенсию выработал, решил он, а дальше посмотрим. Обухов встал и направился в управление уголовного розыска, но, подумав, вернулся обратно. Бугров может расценить приход, как лизоблюдство и позволить себе более легкое поведение. Он вызвал Сиротского и Бугрова к себе.

— Работайте спокойно, товарищи сыщики. Я отменил командировку Арбатскому и отправил его обратно. Есть новости по расследованию, Евгений Михайлович?

— Федор Иванович считает, что экономическая версия не состоятельна и попросил до вечера проверить некую информацию, потом доложить результаты. Я разрешил, — ответил Сиротский.

— Даже так, — удивился генерал, — есть основания для этого, капитан?

Бугров встал, но генерал знаком попросил его сесть.

— Да, товарищ генерал, я отправил Венчуру в архив, есть основания полагать, что это резонансное преступление связано с убийством одиннадцатилетней давности. Когда ознакомлюсь с прошлым уголовным делом — доложу подробно. Завтра рано утром планирую с напарником выехать в Верхнереченск, это родина убитых, в управлении появлюсь к вечеру. И очень надеюсь, что вместе с убийцей.

— Хорошо, капитан, действуйте, даю вам полную свободу до завтрашнего вечера. В Москву что-нибудь доложу, выкручусь. Идите.

— Есть, — обрадованно ответил Бугров и посмотрел на Сиротского.

— Иди, иди, завтра доложишь, — с улыбкой пояснил полковник.

Оставшись вдвоем, генерал спросил:

— Что за человек это Бугров, ты его лучше знаешь, Евгений Михайлович?

Сиротский понимал, что интересуется генерала, но этот же вопрос тревожил и его.

— Он сразу после академии ко мне пришел, парень способный, грамотный, думающий, с интуицией, что немаловажно в нашем деле. Но есть одна особенность — не любит делиться своей интуицией. Пока не проверит — ничего не доложит. Полагаю, товариш генерал, что он не станет использовать связи своей жены для продвижения по службе и вставления палок в колеса. Если я правильно понял, то именно об этом вы хотели спросить?

— Да-а, все и все понимают... Хорошо, полковник, спасибо тебе за прямой ответ. Ступай.

Бугров поехал домой не очень поздно, как он считал, в десять вечера. Мерседес шел по дороге плавно и бесшумно, и после выдавшей виды служебной «девятки» казалось, что он не едет, а проплывает над выбоинами. Он вдруг вспомнил, что ни разу не позвонил Надежде. То, что не звонила она, это радовало. Но он-то мог позвонить, наверняка беспокоится человек. Он набрал номер:

— Наденька, извини, родная, закрутился и ни разу не позвонил тебе, но я уже еду домой.

— Я умею ждать, Федор, не волнуйся. Жена полицейского должна быть терпеливой, у вас такая работа. Я жду тебя, Феденька, и разогреваю ужин.

Он влетел в дом, словно на крыльях, обнял Надежду. Она, стиснутая его объятиями, произнесла с трудом:

— Мыть руки и за стол.

— Не-е-ет, в душ и к тебе, ужин подождет.

Они сели за стол через час. Надежда поставила на стол коньяк, спросила:

— Выпьешь немного?

Бугров покачал головой, налегаю на котлету.

— Извини, ничего не ел с утра. Я не полный трезвенник, но предпочитаю не употреблять лишний раз. Но если у тебя есть желание, то обязательно поддержу.

— Нет, я тоже не буду. Мне сегодня звонил Борис Федорович.

— Борис Федорович? Это кто?

— Серебренников, ваш министр.

— Ух ты... и чего хотел, ты его знаешь?

— Лично нет, но общались несколько раз по телефону. У меня есть его прямой номер. Там у вас комиссия из Москвы... обвинили тебя, дорогой, во взятках. Пришлось объяснить министру откуда у тебя часы и машина.

— Вот сволочи... но ничего, наш генерал их уже обратно отправил, сами разобрались, — ответил Федор. — Спасибо, Наденька, я наелся и теперь хочу тебя снова.

Он унес ее в спальню на руках... Позже, в радостном изнеможении заговорил:

— Завтра в шесть утра за мной заеден капитан Тарас Венчура, это мой напарник, поедем в Верхнереченск, триста километров отсюда. Вечером буду дома.

— Ты звонил на наше КПП, а то не пропустят твоего напарника?

— Но он же полицейский...

— Я понимаю, — улыбнулась она, — но полиция сюда не вхожа. Необходимо разрешение от ФСБ или наше приглашение.

Утром Бугров старался добрать сна в машине пока они ехали. Ночью долго не мог уснуть, все время тянуло к Надежде, хотелось ласкать ее постоянно. И откуда только брались силы? От любви, он улыбнулся с закрытыми глазами.

— Верхнереченск, — услышал он голос напарника, — куда едем, в отдел?

— Нет, давай сразу в школу, переговорим с классным руководителем, с бывшим конечно.

Лето, но школа была открыта, и директор оказался на месте. Полицейские представились.

— Мы бы хотели переговорить с классным руководителем одиннадцатого «а» класса, год выпуска 2002-ого.

— Я была классным руководителем, что вас интересует?

— Простите...

— Анна Ивановна, — подсказала она.

— Анна Ивановна, мы хотели вас расспросить о бывших учениках — Иванове, Петрове, Сидорове, Самойлове и Терентьевой.

— Это очень грустная история, — вздохнув, ответила директорша, — вы приехали по тому уголовному делу? В Верхнереченске никто не верит, что Терентьеву убил Самойлов. А вот Иванов, Петров и Сидоров вполне могли. Ходят слухи, что в полиции скрыли факт ее изнасилования. Эта троица вполне могла совершить насилие, потом убить и свалить все на Самойлова. Иванов, Петров, Сидоров... золотая молодежь, которая считает, что ей позволено все. Простите, капитан, в связи с чем вы заинтересовались этим делом, Самойлов написал заявление после тюрьмы?

— Нет, — ответил Бугров, — Иванов, Петров и Сидоров были убиты 25-ого числа.

— Двадцать пятого... в день смерти Терентьевой. Считаете, что это Самойлов? Возможно, но я не осуждаю его. Отсидеть десять лет за несовершенно преступление — это страшно. Самойлова и в колонии пытались убить, но то ли рука у преступника дрогнула, то ли Бог отвел, только остался он без глаза. Я уверена, что эти сволочи его заказали, больше некому. Самойлов имел право на наказание, если полиция бездействует и осуждают невиновных. Он сейчас дома, можете с ним переговорить, если у вас совести нет совсем. Судить человека второй раз за полицейские огрехи, толкнувшие его к справедливости. Извините, но больше говорить с вами не желаю, вызывайте повесткой и прошу покинуть мой кабинет.

Бугров встал, за ним и Венчура.

— Мы приехали не судить, а разобраться...

— Раньше надо было разбираться, одиннадцать лет назад, когда осудили невиновного. Разбираться они приехали... жизнь человеку сломали и снова приехали.

Бугров понимал директоршу, но сейчас диалог был бесполезен. Полицейские ушли.

— Адрес у нас есть, поедem к Самойлову, — произнес Бугров.

Они подъехали, сразу увидев одноглазого во дворе дома, вышли из машины. Самойлов заговорил первым:

— Наши... не думал, что так быстро, но ждал. Пройдемте в дом или сразу в машину паковатьcя?

— Вы даже не спросили, Самойлов, кто мы.

— Чего лишний раз трепаться, я ментов по запаху за версту чую. Так в дом или в машину?

— Пройдемте в дом для начала, — ответил Бугров.

В доме хозяин предложил:

— Чай, кофе или водочки выпьете?

— Спасибо.

— А я выпью. Когда теперь еще водки придется попробовать.

Он налил водки в стакан. Венчура отобрал его.

— Отдай, Тарас, пусть выпьет, легче рассказывать будет, — посоветовал Бугров.

Самойлов выпил, заговорил:

— Я в армии снайпером был, служил в Чечне. После контузии меня свои подобрали, а про винтовку забыли, списали ее, как утраченную в ходе боя. Я оклемался вскоре и винтовочку подобрал, но не стал афишировать. В сельской местности она всегда для охоты пригодится. Не знал тогда, что понадобится она для другого. Это история об винтовке, чтобы вы знали. Отслужил, вернулся домой и приехал в город к своим одноклассникам. Решили отметить мое возвращение из армии. Выпил я тогда много, меня начало тошнить, и я ушел в туалет. Проблевался, очухался, вернулся в кабинет, а там никого. Подождал немного и даже еще выпил. Услышал шум, пошел в другой кабинет, а там эти... суки... Терентьеву насилуют. Меня связали. Пьяный я не оказал сопротивления. Когда закончили все по очереди, Иванов предложил Терентьеву убить, чтобы молчала, а меня задержать, как убийцу. Петров с Сидоровым согласились. Иванов резал... потом измазали меня кровью, нож в руки вложили связанному и милицию вызвали. Следователь меня и слушать не хотел, экспертизу на изнасилование тоже не провели. Десять лет отсидел... в колонии пытались убить, чтобы замолчал навсегда. Кучу жалоб и заявлений написал, но все они исчезали бесследно. Понял, что официальным путем мне ничего не добиться. Ну, а остальное вы знаете.

— Напишите все сами, Самойлов.

— Написать? Можно и написать.

Он писал долго, часа два со всеми подробностями. Бугров прочитал.

— Нет, так не пойдет, надо кое-что изменить.

— Изменить? Не получится, мент поганый, лучше я вас самих кончу.

Бугров с Венчурой скрутили Самойлова.

— Ты не понял, мы не продажные менты и не сволочи. Я предлагаю тебе добавить, что ярость кипела в твоём сердце, она помутила разум, и ты не ведал, что творил. Это состояние аффекта, могут дать условно, а то влепят вплоть до пожизненного.

— Я убивал в полном сознании и еще бы раз убил. Ничего дописывать не стану.

— Дурак ты, Самойлов, обида и злость душат разум. Возможно, я бы тоже убил, оказавшись на твоём месте. Но сидеть за этих сволочей считаю неразумным и неправильным мероприятием. Самому себя наказывать — это глупость. Советую написать правильно. Твоя совесть возражать не станет, главное ты уже совершил — подонки наказаны. Пиши и следователю говори о помутнении рассудка, — твердо произнес Бугров, отпуская руки Самойлова.

Он встряхнул руками, налил себе еще водки и выпил стакан залпом. Дописал необходимое.

Генерал Обухов прочитал чистосердечное признание.

— Ну и дела... Как ты догадался, Федор, что экономическая версия здесь ни при чем?

— Если бы убивали по одному и с разрывом по времени, тогда бы экономическая версия стала единственно правильной. Такой громадный масштаб бизнеса не освоить в один присест. Поэтому я отверг коммерческий мотив. И еще меня насторожило то, что они все родом из одного поселка, одноклассники. Я стал искать причину в прошлом их жизни.

— Молодец, молодец, ничего не скажешь. Сверли дырку в погонах, майор.

Радостный Бугров ехал домой. Будущий майор глянул на часы — семь вечера, для него

это было супер рано. Обнял Надежду, поцеловал. Повариха еще не ушла и накрыла на стол. Он все еще стеснялся ее, вспоминая, как выскочил голый.

— Сегодня, Наденька, можно и рюмочку коньяка. Да, я раскрыл тройное убийство, и генерал пообещал мне внеочередное звание, стану майором в ближайшие дни. Ты довольна?

— Я всегда довольна, когда ты дома, — ответила Надежда, — и вдвойне, когда у тебя замечательно на службе.

— Мы все обо мне, как у тебя на работе?

— Хорошо, милый, спасибо. Обыкновенная текучка — операция, стакан сладкого чая, операция и снова чай. Он помогает восстановить силы... глюкоза. Двадцать операций за день.

— Ты устаетшь, Наденька. Двадцать операций, наверное, в больнице всем штатом за неделю делают. Может быть тебе уменьшить количество?

— Нет, Федя, я справляюсь. Тем более, что у меня иностранцы, а это самый доходный бизнес. Американцы и Запад очень долго издевались над отцом, писали, что он шарлатан и все его операции полный бред. Отец не обращал внимания или терпел. А когда мы с Антоном подросли и выучились, то предложил Америке и Западу за этот бред платить. Теперь они заткнулись и платят за каждую операцию по десять миллионов долларов или евро. Отец с Антоном оперируют россиян по нашим расценкам и половину бесплатно, за один рубль всего. У кого есть деньги — платит. У кого нет — рубль.

— Ничего себе, — удивился Федор, — это же двести миллионов долларов ежедневно. Я и не предполагал, что ты так богата.

— Мы богаты, Феденька, мы. В нашей большой семье не принято делить деньги — это мои, это Антона, это отца. Кому сколько надо — тот столько и возьмет.

— Деньги — это хорошо, но ты лучше...

Он взял ее на руки и унес в спальню. Через час они снова спустились вниз, вышли во двор и устроились в беседке. На улице стояла небывалая жара — в тени тридцать, а на солнце под сорок. Беседка стояла среди высоких сосен, плюс ветерок и было достаточно комфортно.

— Федя, почему твои родители не ездят к нам в гости. Я бы была рада их видеть и ты, полагаю, тоже.

— Мы еще мало времени живем вместе, но это не главное. Я думаю, что они стесняются, — ответил Федор, — да и я на работе постоянно вечерами. Такие дни, как сегодня, редкость, но бывают.

Твой папа, Иван Петрович, вместе с мамой, Евгенией Викторовной, торгуют продуктами. У них ИП и небольшой магазинчик. Можно даже сказать — ларек. Пусть купят себе... отец, например, приличный магазин, а мама ресторан. Или наоборот. Нам будет где продукты брать проверенные и покушать в ресторане при необходимости.

— Отец всегда мечтал о большом магазине, но у них денег нет.

— Но у нас с тобой есть. Разве ты не хочешь помочь папе с мамой?

— Неудобно...

— Что ты заладил, как ребенок... Я жена тебе или кто?

— Извини, Надя, все равно неудобно.

— Неудобно брюки носить шириной назад, — она глянула на часы, — девять вечера. Киоск твой в десять закрывают. Звони им, чтобы чуть пораньше закрыли и сразу к нам. Поговорим, обсудим.

Родители подъехали в одиннадцать. Выслушали предложение удивленно и ошарашенно, но согласились в конечном итоге.

— Какой бизнес вам предпочтительнее — продовольственные магазины или, возможно, рестораны, гостиницы? — спросила Надежда.

— С гостиницами мы никогда не связывались, Надежда Егоровна...

— Стоп, стоп, стоп. Я уже говорила вам раньше — никаких отчеств, только по имени. Иначе даже общаться не стану.

— Хорошо, Надя, — согласился Иван Петрович, — ресторанов у нас тоже не было, но все-таки общепит, если можно так выразиться. С магазинами мороки больше, а может и нет.

— Я понимаю, что вы крупным бизнесом никогда не занимались. Вы, Евгения Викторовна, в основном продавцом работаете, ИП на мужа, а сами бы справились с торговлей?

— Все, чем занимается муж, мне знакомо не понаслышке, — ответила она.

— Это хорошо, — согласилась Надежда, — у меня вот какие мысли — по телевизору говорили, что недавно трех бизнесменов убили, они как раз владели ресторанами, магазинами и гостиницами.

— Так я же это дело расследовал и убийцу нашел, — вмешался в разговор Федор.

— Я знаю, Феденька, знаю, но не об этом сейчас. Вдовы наверняка захотят продать бизнес. Если я куплю, например, все рестораны и гостиницы... Иван Петрович станет ресторанным бизнесом заправлять, а Евгения Викторовна гостиницами. Как вам такой вариант?

— Ничего себе, это сколько же денег надо... Нам вполне с Женей одного ресторана хватит, — ответил отец Федора.

— Конечно, куда нам столько, — подтвердила его жена.

— Я понимаю, что вам хватит, — улыбнулась Надежда, — но я думаю о будущем. Дети у нас с Федором пойдут, вырастут. Тогда вы и отдадите им свой бизнес. Они врачами, как я не стану, этот дар передается только по мужской линии. Пусть будут бизнесменами.

— Если так, Надя, то мы постараемся. Для внуков — все, что угодно, — ответил Иван Петрович на полном серьезе.

— Но я в гостиницах ничего не понимаю, — возразила Евгения Викторовна.

— Это не сложно, научитесь. Там все-таки полегче, чем с ресторанами. Наши семейные юристы займутся юридическими вопросами, а вы пока свой магазинчик продавайте.

Надежда посмотрела на старенький микроавтобус, который служил им средством передвижения и доставки продуктов. Добавила:

— Микроавтобус тоже продайте, купите себе по хорошей машине, — Надежда достала пакет, — здесь десять миллионов рублей, по пятерке на автомобиль.

— Десять миллионов... мы же такие деньги за всю свою жизнь не вернем вам.

— Евгения Викторовна, владельцы гостиниц и ресторанов должны соответствовать имиджу и ездить на соответствующих автомобилях. Это во-первых, а во-вторых, отдавать ничего не надо. Когда ваши будущие внуки вырастут, вы отдадите им все.

— А-а...

— Об этом говорить еще рано, — улыбнулась Надежда, заметив взгляд свекрови на своем животе.

— Ну да, да, конечно, ты права, Надя.

Родители ночевать не остались, уехали на своем стареньком микроавтобусе домой.

Долго не могли уснуть, вспоминая разговор с невесткой и все еще не веря, что станут вскоре богатыми бизнесменами.

— Повезло нашему Федору, повезло невероятно с Надеждой. Невестка — знаменитейшая на весть мир профессорша.

— Еще не невестка, Ваня, а невеста, — возразила жена.

— Чего ты городишь, к словам цепляешься, Женя — живут вместе, о детях думают, о нас с тобой. Десять миллионов дали — ты такой суммы одновременно и в руках не держала никогда. Бизнес купят, — ответил он.

— Бизнес... что-то сомневаюсь я. Это не десять миллионов, тут сотнями не обойдешься, миллиард нужен, чтобы купить гостиницы и рестораны. А может и не один даже. Откуда у нее такие деньги? — высказала сомнения Женя.

— Этого я не знаю, но Федор же присутствовал при разговоре, он бы возразил или поправил ее, если не права, — выразил свое мнение Иван.

— Вот именно, что присутствовал, а всем разговором она заправляла, наш Феденька помалкивал, а должен быть главой семьи. Он же не подкаблучник. Вдруг у них ссоры пойдут на этой почве. А мы свой магазинчик маленький продадим. С чем потом останемся, Ваня?

— Спи, Фома неверующая, что сказано, то и станем делать.

Иван повернулся на бок и замолчал.

— Сплю, — ответила жена и тоже повернулась на другой бок, — но пока с сыном не поговорю — ничего продавать и покупать не станем. Деньги можем вернуть, пусть подавится.

— Дура, — ответил Иван.

— Сам такой.

Супруги замолчали, дуясь друг на друга, и уснули позже каждый со своими мыслями.

Мать утром все-таки отправилась к сыну на работу, перехватила его до начала рабочего дня прямо на улице.

— Мама, что ты хотела? Только быстро говори, мне на службу пора.

— Сынок, твоей Надежде можно верить? Разве бывает такое, что невестка, и то будущая, могла купить аж два бизнеса?

— Мама, — нахмурившись ответил Федор, — чтобы я слышал это первый и последний раз. Верь ей, как мне, не сомневайся, лучше почитайте с отцом литературу как управлять бизнесом. Все, мама, мне пора и не огорчай меня больше.

Он вошел в здание управления. Бугрова поехала домой уже не сомневаясь в действиях будущей невестки. Сыну она верила. Муж встретил ее на пороге.

— Ты куда исчезла, Женя? Встал с постели, а тебя нет?

— Посоветоваться ездила к Федору. Его днем не поймаешь, а по телефону говорить не хотела.

— И что?

— Все нормально, он верит Надежде, а я ему. Сказал, чтобы мы с тобой литературку почитали, как бизнесом управлять.

— Вчера это тебе было непонятно? — с усмешкой спросил муж. — Ладно, завтракаем и на работу, надо переговорить с соседом, он давно на наш магазинчик заглядывается. Как-то даже намекал, что с удовольствием бы купил его.

— С каким еще соседом?

— Но не по квартире же. Соседний магазин, конкурент наш, — ответил Иван.

— А-а, этот может купить. У него деньги есть.

Бугровы продали свой ипэшный бизнес удачно и за полдня вместе с микроавтобусом и товаром. Евгения все рассуждала — прогадали в цене или нет. Иван махнул рукой:

— Не мелочись. Поедем за машиной, только не знаю — Ауди взять, Тойоту?...

— У нашего Феденьки Мерседес новый, он на нем на работу приехал, я видела, все менты от зависти лопались. Полный привод, 408 лошадей, классная машина, такую же хочу.

— Мерседес так Мерседес. Я не против, — ответил Иван.

В Мерседес-центре на них никто не обратил внимания — одежда не соответствовала уровню покупателя такой марки машины. Евгения тихонько шепнула:

— Смотри, Ваня, вон стоит, как у Федора.

Они подошли, осмотрели машину со всех сторон. Иван открыл дверцу и сел в салон. Сразу же подбежал менеджер.

— Извините, мужчина, но садиться в автомобиль у нас не разрешается.

— Не разрешается, это почему, что за бред? — ответил Бугров, не выходя из салона, — я должен посидеть, посмотреть, прежде чем купить такую модель.

— Вы покупатель? — удивился менеджер.

— Нет, от скуки пришел на вас полюбоваться, но черный цвет мне не нравится. Есть другие?

— Есть, — неуверенно ответил менеджер, поглядывая на «прикид» парочки в возрасте, — коричневая, белая, синяя, красная.

— Что-то я не вижу таких здесь расцветок.

— Мы выставляем в салон по одному экземпляру, если вы желаете приобрести конкретный автомобиль, то его подгоняют сюда со складской площадки в течение десяти минут, — ответил менеджер.

— Ясно, мне нужен коричневый.

— А мне синий, — добавила Бугрова.

— Я не понял — коричневый или синий? — спросил менеджер.

— Объясняю еще раз — мне коричневый, а жене синий. Два автомобиля, два, — начал раздражаться Бугров.

— Подождите минутку.

Менеджер ушел, вернувшись с солидным мужчиной.

— Здравствуйте. Я директор салона. Вы желаете приобрести у нас два автомобиля класса Е-500?

— Совершенно верно, — ответил Бугров, — себе коричневый, а жене синий.

— Оплата через банк, в кредит?

— Нет, я бы хотел посмотреть конкретные машины, посидеть в них, пощупать, так сказать, послушать звук двигателя, потом расплатиться наличными, сразу же оформить страховку, получить номера и установить сигнализацию. Это возможно и в какой срок?

— Конечно возможно. Пройдемте ко мне на чашечку кофе. Через десять минут вы сможете осмотреть автомобили на нашей смотровой площадке, все оформление займет не более получаса, с установкой сигнализации — час. Клиентам, приобретающим автомобили такого класса, мы заправляем полный бак в подарок. Кто-то посоветовал вам эту модель или сами определились? — спросил директор.

— Сын у вас несколько дней назад купил такую же черного цвета, — ответила Бугрова.

Директор салона усмехнулся и занервничал. Правильно сказал менеджер, что

бомжеватые покупатели и врут еще, надо ухо держать востро.

— Вы, наверное, ошиблись, ваш сын не приобретал у нас автомобиль, — возразил директор.

Бугров недовольно посмотрел на жену.

— Не надо говорить лишнее, где попало, Женя и знать кто наш сын — тоже.

— Что тут такого секретного, — удивилась она, — но мне интересно — такой солидный мужчина, директор салона и занимается обманом. Насколько я знаю — это единственное место в городе, где можно приобрести новенький Мерседес. И сын уже ездит на нем несколько дней.

— Трепло ты, Евгения, даже директор, посторонний человек, и то помалкивает, не афиширует своих клиентов. Федору это очень не понравится, а его жене тем более.

Бугрова насупилась, получив «взбучку» от Ивана. Она бы возмутилась без ссылки на сына, который был для нее бо?льшим авторитетом, чем муж. Директор разозлился, но держал себя в руках, решив вежливо проверить клиентов, похожих на мошенников, разыгрывающих пока не понятные сценки. Хотят сесть в машину на смотровой площадке и уйти на рынок?

— Вы извините меня, господа покупатели, машины, которые вы желаете приобрести, не дешевые. Я могу убедиться в вашей платежеспособности? — попросил директор.

— До трепалась, — зло бросил в сторону жены Бугров, — что нам не верят.

— Что я такого сказала, что...

— Помолчи, ни слова больше, — оборвал ее Иван, дома тебе все объясню, а сейчас помалкивай. Конечно, вы можете убедиться, — он открыл кейс с деньгами.

Директор глянул, произнес довольно:

— Все в порядке, пройдемте на смотровую площадку, машины уже наверняка подогнали.

Вот тебе и бомжи с полным чемоданом денег, подумал директор. Надо вставить менеджеру, чтобы больше не встречал по одежке. Разные клиенты попадают.

Бугров посидел в каждой машине, послушал работающий двигатель, погладил панель руками — супер.

— Мне нравится, берем, — сказал он довольно директору.

— Прекрасно, давайте ваши паспорта и пройдемте в кассу.

— Паспорта?

— Для оформления страховки и постановки на учет в ГИБДД...

— Конечно, конечно, извините.

Бугров передал документы директору, тот открыл паспорт, прочитал фамилию...

— Бугров... а... Сибирцева...

— Совершенно верно, — прервал директора Иван.

Руководитель автосалона провел Бугровых в свой кабинет, вышел к персоналу, похлопал в ладоши:

— Внимание, это супервип-клиенты, работаем внимательно и быстро. Чтобы после установки сигнализации — ни пылинки, ни соринки, госномера прикрутить, а не в салон бросить, залить полные баки. Быстро все делать, быстро, чего уши развесили, работаем.

Бугровы приехали домой. Иван сразу же накинулся на жену:

— Ты почему языком мелешь, как помелом, славы захотелось, внимания граждан, а особенно подружек? Ты понимаешь, что самая последняя сволочь станет перед тобой лизоблюдничать? Все знакомые и незнакомые побегут, чтобы ты помогла им попасть к Надежде на прием. Ты не соображаешь, что тебя заклюют напрочь? Или ты будешь каждый день к ней бегать и просить — прими соседа, соседку, знакомую, одноклассницу, подружку?.. Пока еще не узнали — запомни и заруби себе на носу: ни каких разговоров о Сибирцевых быть не может, ни каких обещаний и содействия. Как к ним записаться на прием ты понятия не имеешь, где живут не знаешь. Ты поняла меня, хорошо поняла?

— Че это ты раскипятился-то, клохчешь, как индюк старый. Подумаешь, попрошу раз-два — примет, не развалится, а я уважение буду иметь.

Бугрова поглядела на мужа свысока и с сарказмом.

— Ну и пробка же ты... Не уважение ты будешь иметь, а разбитое корыто, дура. И Федора нашего подставишь.

— При чем здесь Феденька? — испуганно спросила Евгения.

— Потому что он тоже на работе и нигде о Сибирцевых не говорит, запрещено это.

— Тогда и я молчать стану, сыночка не подведу.

Ответ убедил Ивана. Он знал, что жена боготворит сына и его слово закон. Все равно переспросит потом у Федора и заткнется.

Они давно жили в браке, сыну уже двадцать восемь лет, и Евгения никогда не отличалась амбициозностью, тщеславием и высокомерием. Обычные «серые мышки» и трудяги. А тут изменилась враз. Даже не потому, что скоро должна была стать крупной бизнесменкой, она еще не познала всю прелесть и трудность этого статуса. Бизнесменов много, а семья Сибирцевых одна, известности и славы ей не занимать. Бугрова уже представляла себя неформальным дворовым лидером знакомых и подружек. Где-то сидел внутри нее длительное время этот червячок, а сейчас запросился наружу. Обыкновенный кассир и продавец в небольшом магазинчике, помощница мужа по малому бизнесу возжелала незаслуженной славы и внимания.

Иван понимал, что Евгению не остановить даже ссылками на сына и решил переговорить с ним. Он попросил сына заехать вечером после работы и подробно изложил ситуацию. Федор, кажется, не удивился и задумался. Ответил огорченно:

— Папа, я переговорю с Надей. Она так надеялась на маму... Бог с ней, пусть бы болтала, но не обещала приема. Главное — если на нее оформить бизнес, то он может легко прогореть. Это важно, что ты вовремя меня в известность поставил. Узнала бы Надежда сама — мне было бы очень неприятно. Подумаем.

Когда и как произошел разговор Федора с Надеждой Иван не знал. Однажды вечером, когда супруги Бугровы гостили у сына, Надежда сама завела разговор:

— Ранее мы говорили с вами о ресторанах и гостиницах. Решение я приняла и мной создано акционерное общество «Холдинг-сервис» с небольшим управленческим аппаратом. Единый центр, где будет сосредоточена вся финансовая деятельность, бухгалтерская отчетность рынков, ресторанов и гостиниц. Генеральный директор холдинга, три его заместителя по направлениям деятельности соответственно, небольшой штат бухгалтеров-

ревизоров во главе с главбухом — вот, собственно, и весь управленческий аппарат. Директора гостиниц, ресторанов и рынков подчиняются и назначаются генеральным директором холдинга. Им будете вы, Иван Петрович. Помещение для офиса подобрано, сейчас там устанавливают мебель, компьютеры и так далее. Сотрудники, Иван Петрович, тоже подобраны, в пятницу у меня выходной день в клинике, утром представлю вам персонал и помещение.

— У меня всего лишь один вопрос, Надя — вы уверены, что я справлюсь? Все-таки от ИП до руководителя громадного холдинга большой промежуток.

— Иван Петрович, я уверена, не сомневайтесь. Профессионально грамотные заместители, достаточно разбирающиеся в своем деле бухгалтера — это совсем не мало. И потом вы всегда можете проконсультироваться со мной лично. Если я не взяла трубку, оперирую, то, увидев пропущенный звонок — перезвоню сама. Главное — не стесняться, объемные вопросы можно будет обсудить вечером за ужином.

Внутреннее чутье подсказывало Сибирцевой, что Бугров старший успешно справится с поставленной задачей.

До пятницы оставалось два дня, и Иван волновался, обдумывая свою будущую трудовую деятельность. Он уже перечитал кучу соответствующей литературы, но это все теория. Сумеет ли он воплотить ее в жизнь? Подошла жена.

— Все читаешь... ты теперь важная птица, а что буду делать я? Надежда говорила раньше про гостиницы, но все отдала тебе, создала какой-то холдинг. Почему меня нет в этом бизнесе?

— Ты меня спрашиваешь? Чего молчала, когда невестка озвучивала мою роль, сама у нее не спросила? Мне кажется, что Надежда дала тебе возможность отдохнуть, ты сильно выматывалась в нашем магазинчике. Денег нам вполне хватит и тебе уготовлена главная роль — водиться с детьми. Через год родит невестка — кто будет с внуком или внучкой нянчиться, если ты будешь работать? На тебя ляжет главная ответственность в семье. Надя всегда вперед смотрит и думает, что ты это понимаешь. Поэтому она и не сказала ничего о твоей работе.

За долгие годы совместной жизни Бугров хорошо изучил свою жену и сейчас подобрал правильную аранжировку главной мысли. Если бы он выбрал другой колер, то Евгения могла воспринять сказанное в качестве обиды. Главная роль в семье ее вполне устраивала. Он усмехнулся, отвернувшись, и добавил:

— Сейчас поедem с тобой в элитный бутик, необходимо одеться соответствующе. Свекровка дамы с мировым именем должна выглядеть замечательно.

Тут уж никакая аранжировка не требовалась. Евгения расплылась в довольной улыбке и засобиравалась, спрашивая мужа, что лучше одеть в магазин.

— Без разницы, — ответил он, — все равно подходящей одежды у нас нет, но будет.

В магазине они оставили без малого полмиллиона рублей на двоих, но практически закупили все — от обуви до верхней одежды и домашних халатов. В пятницу Надежда довольно улыбнулась, оценивая прикид свекра, и поняла, что не ошиблась в нем. Ничего кричащего и вызывающего.

Они приехали в офис «Холдинг-сервис» пораньше, еще до прихода сотрудников. Надежда хотела показать ему помещение, которое приобрела в собственность в центре города, познакомить с охраной. Она считала, что генеральный директор должен немного освоиться в здании до появления сотрудников. Двери открывались электронной карточкой

только для сотрудников конкретного кабинета, генеральный директор мог входить в любой кабинет.

Бугров осмотрел офис, вошел с Надеждой в свою приемную, где уже находилась женщина лет тридцати.

— Это ваша секретарша, Иван Петрович, Людмила, — представила ее Надежда, — опытный работы в качестве секретаря имеется, говорит на трех языках — английском, французском и немецком. Уверена, что вы сработаетесь.

Солидная приемная сама по себе уже навевала ответственность, строгость и солидность заведения. Секретарша вполне вписывалась в интерьер своим внешним видом, Бугров это почувствовал сразу.

Собственный кабинет поразил Ивана размерами и отличной офисной мебелью. Надежда предложила ему присесть в директорское кресло, объяснила, как пользоваться стоящими на столе телефонами, компьютером, селектором... Ровно в девять секретарша доложила:

— Иван Петрович, персонал в сборе.

— Пусть заходят, — ответил он.

Сибирцева представила сотрудникам генерального директора и сразу же удалилась.

— Прошу, — указал Бугров на стол совещаний, — будем знакомиться. Каждый по порядку встает и представляется сам — фамилия, имя, отчество, должность, большего пока не требуется.

После ознакомления с персоналом Бугров оставил у себя заместителей и главного бухгалтера.

— Прошу каждого из вас по своему направлению работы подготовить мне краткий обзор-справку. Например, ресторан такой-то, доходность составляет столько то рублей, директор должности соответствует-не соответствует, проблемы, перспективы, предложения по улучшению работы. Главный бухгалтер доложит финансовое состояние объекта и план проверок, который не доступен даже для моих заместителей. В четверг, в девять утра, справочки должны быть у моего секретаря. В пятницу или позднее обсудим обзоры конкретно. Вопросы есть?

— Иван Петрович, с учетом предстоящих выходных дней до четверга срок небольшой...

— Не обсуждается, — перебил Бугров своего заместителя по бизнесу рынков, — все свободны.

До четверга Бугров не тратил зря время, он постарался объехать все свои объекты. Побывал инкогнито в ресторанах, гостиницах и рынках, благо в лицо его не знал никто из местных руководителей. Совсем не плохо посмотреть на деятельность заведений глазами клиента, узнать качество и манеру обслуживания.

Директора знали, что собственник поменялся и им стало акционерное общество «Холдинг-сервис». Но кто владел этим холдингом? Все понимали, что Бугров лишь генеральный директор, не более того. Важно было кто стоит за ним, отсюда необходимо строить свою работу. Губернатор или крупный московский бизнес — других версий пока не было. Но очень скоро из неофициальных источников они узнали, что к холдингу причастна профессор Сибирцева. У этой дамочки связи с высшим руководством страны, с ней не пошутишь. Раздавит как клопов при необходимости. Они понимали, что все остались за штатом и Бугров может уволить любого на вполне законных основаниях. Пытались попасть к нему на прием, прояснить ситуацию и сделать ряд подарков. Но дальше курирующих

заместителей никого не пускали, а делать ставку на них бессмысленно.

Бугров изучал личные дела своих сотрудников и руководителей объектов. В девять утра в четверг Людмила принесла ему обзорные справки. Иван попросил стакан чая и принялся внимательно читать. Изучив информацию по рынкам, он понял, что стал настоящим руководителем априори и здесь не обошлось без вмешательства таинственных сил. Иначе бы откуда взялся этому профессионализму без опыта работы. Он усмехнулся и вызвал к себе заместителя, курирующего рынки. Стеклов явился незамедлительно.

— Иннокентий Борисович, я ознакомился с вашей справочкой. Весьма поверхностный и непроработанный документ, а предложения по улучшению работы не выдерживают никакой критики. Из представленного обзора непонятна доходность, из каких элементов она складывается, сколько денег директора рынков проводят официально, а сколько оставляют себе? А ведь они на окладе и почему же тогда часть денежных средств оседает в их карманах? У нас только один Центральный рынок в городе занимается чисто продовольственными товарами, а два других всем, что ни попадя. Говорят, что на одном из них можно купить все, вплоть до атомной бомбы. Бомба, конечно, тема утрированная, но наркотики и оружие там продают, как и секретные базы спецслужб, пусть и немного устаревшие. Мне сейчас непонятно — вы намеренно, Иннокентий Борисович, вводите меня в заблуждение или вы не умеете работать, или не хотите обременять себя усилиями? Дескать, посмотрим, что за фрукт этот Бугров, авось и так сойдет, за то в будущем можно не особенно стараться. Будете готовить объективную справку или подавать заявление на увольнение?

— Иван Петрович, помилуйте, признаю, что отнесся к поручению безответственно. Сегодня четверг... пятница... выходные... в понедельник утром все будет готово, в девять утра все будет готово, гарантирую.

Взмокший от волнения Стеклов выскочил из кабинета, словно из парной. Секретарша Людмила усмехнулась, подавая ему стакан воды:

— Отписками у Ивана Петровича не отделаться, он разбирается в производственных процессах, — произнесла она.

Слух о фиаско Стеклова мгновенно докатился до других заместителей и главного бухгалтера. Но эта участь не обошла и их, все готовили новые справки к понедельнику. Бугров рассмотрел представленные отчеты, было уже гораздо лучше, но полностью его не устраивал ни один. Он снова начал со Стеклова.

— Иван Петрович, — оправдывался Стеклов, — я понимаю, что это неправильно, незаконно и так далее. Но что мы можем поделать? Если менять директоров рынка, как перчатки, то все равно ожидаемого результата не будет. Азербайджанцев крышует местная полиция, поэтому сельский продавец не может попасть на рынок со своей продукцией. Они все скупают оптом за бесценок и продают втридорога. Директор на Центральном рынке только номинальная фигура, всем заправляют азербайджанцы, которые отстегивают и ему, и ментам. Неудобный директор сядет за наркотики, например, которых в глаза не видел или за что-нибудь другое.

Стеклов смотрел на Бугрова с выражением униженного превосходства и интересом. Что сможет сделать этот Бугров, если против него ополчится вся местная полиция, а она своего не упустит, слишком лакомый кусочек для нее Центральный рынок. Многие полицейские уже не привыкли жить на зарплату и отвыкать им совсем не захочется.

— Хорошо, Иннокентий Борисович, пригласите ко мне начальника местного отдела

полиции, скажем, на девятнадцать часов.

— Хорошо, Иван Петрович, я приглашу, но вряд ли он согласится. Все-таки начальник полиции районного уровня, не пешка какая-нибудь, — ответил Стеклов.

— Тогда вы не звоните сами, пусть полицейского пригласит ко мне Людмила, — порекомендовал Бугров.

Стеклов вышел из кабинета, хмыкнул неопределенно, передал секретарше сказанное и ушел к себе. Людмила, размышляя он про себя, мент явно не пойдет на встречу. Кто такая для него эта Людмила? Офисный планктон. Чего добивается этот Бугров, хочет, чтобы холдинг прикрыли или тюремного запашка понюхать? Ему стало интересно — чем же закончится это приглашение? Простым не приходом или чем-нибудь посерьезнее?

Начальник местного отдела внутренних дел полковник Аскеров Гайдар Алиевич удивился, получив приглашение. Откуда эта секретарша узнала его номер мобильного, его даже по службе знали немногие. «Холдинг-сервис»... никогда не слышал такого названия. Раньше в этом офисе находилась солидная рекламная фирма. Бугров Иван Петрович... Аскеров решил «пробить» этого мужичка по своим каналам, но оказалось, что его нет ни в одной базе. Это уже стало интересным, паспорт он мог получить и в другой области, но отсутствие прописки настораживало очень серьезно. Начальник полиции вызвал к себе заместителя по оперативной работе.

— Ты что-нибудь слышал о «Холдинг-сервисе»? — спросил Аскеров.

— «Холдинг-сервис», тот, что расположен в бывшем рекламном агентстве?

— Совершенно верно.

— Немного, — ответил заместитель, — поговаривают, что холдинг стал собственником рынков, ресторанов и гостиниц. Холдинг скупил все акции, в том числе и у вдов убитых владельцев. А раскрытием убийств как раз занимался капитан Бугров, сейчас он майор и зам начальника убийного отдела управления. Директор холдинга его отец.

— Есть связь? — спросил Аскеров.

— С убийствами и акциями? Вряд ли, Бугров старший только наемный директор, а подлинный хозяин неизвестен даже в налоговой. Там акционерное общество, акции могут приобретаться свободно, и собственник не обозначается во внешнем мире. Сын в преступном мире считается ментом правильным, поэтому связи никакой я здесь не вижу. Возник интерес к холдингу?

— Нет, — ответил Аскеров, — просто новая фирма.

Заместитель ушел, не сообщив шефу, может быть главное — Бугров младший женат на Сибирцевой и Аскерову эта семья не по зубам. Он недолюбливал своего начальника, говоря иногда про себя — понаехали тут...

Аскеров, ранее не думавший принять приглашение, решил все-таки посетить холдинг после информации своего заместителя. Собственник Центрального рынка, который приносил основной доход, был ему не безразличен. Он решил прийти, но на час позже. Пусть этот Бугров сразу поймет — кто есть кто.

Он ввалился в кабинет, отметив про себя, что обстановка довольно приличная. Развалившись в кресле спросил:

— Ты хотел меня видеть, Бугров? Говори, — разрешил полицейский.

— «Холдинг-сервису» принадлежит рынок Центральный. Но есть небольшая проблема — местные производители овощей и мяса не могут там торговать...

— Понятно, — оборвал Аскеров Бугрова, — это проблемы директора рынка. Какой у

меня в этом деле интерес? — открыто спросил полицейский.

— Обычный, — ответил Бугров, — вы представитель правоохранительной власти в районе и несете ответственность за соблюдение порядка и законности на вверенном участке. Фактически на рынке правит не директор, а известная вам диаспора...

— Ясно, — снова оборвал Бугрова полицейский, — пусть тот, кто не может попасть на рынок, напишет заявление в БЭП, я проконтролирую. Законность действительно необходимо соблюдать.

Собеседники поняли друг друга без слов. Аскеров вошел, не поздоровавшись, и ушел, не попрощавшись. Выходя, он клял себя мысленно — зачем пришел? Нет, правильно, что пришел, теперь я знаю, что этот Бугор не остановится, станет подговаривать зачуханных крестьян писать заявления. Мне это надо? И наркоту, суке, не подбросишь — сын мент, сразу поймет, что подстава. Так пусть поработает по профилю, ухмыльнулся Аскеров.

Выйдя на улицу, он осмотрелся. Чердак дома напротив как раз подходил для задуманного. Аскеров вошел в подъезд — проходной, это упрощало задачу. Завтра же надо избавиться от наглеца, решил он. Тем более, что есть кому поручить убийство.

К Аскерову из Баку приехал дальний родственник просить отсрочки выплаты большой денежной суммы. Гайдар не собирался прощать долг и намеревался использовать родственничка как раз на рынке Центральный. За два-три года можно было списать всю сумму. Родственник Алик умел неплохо стрелять, как раз то, что требовалось. Винтовкой с глушителем он его обеспечит, но необходимо фото. Мысли мгновенно пронеслись в голове. Машина еще стояла у входа и Аскеров решил подождать, сфотографировать Бугрова при выходе из здания на сотовый телефон.

Дома он пригласил Алика за стол и, плотно поужинав, завел разговор:

— Ты должен мне большую сумму, Алик...

— Дядя Гайдар...

— Не перебивай меня и слушай внимательно. Я знаю, что ты честный и порядочный мусульманин. Собирался вернуть мне долг, отработав три года бесплатно. Я прощу тебе всю сумму и дам еще немного денег, ты завтра ночью уже можешь вернуться в Баку. Надо застрелить одного неверного, как собаку или шакала. Винтовку с оптикой получишь, вот его фотография.

Аскеров объяснил подробности и добавил:

— Винтовку бросишь. Во дворе тебя будет ждать машина, которая сразу же отвезет в аэропорт, билеты и деньги получишь у водителя. Передавай привет семье, но о работе здесь ни слова. Ты меня понял, Алик?

— Да, дядя Гайдар. Я все понял и сделаю. Да поможет нам аллах.

Алик решил присмотреться, провести рекогносцировку еще до обеда. С чердака здание напротив просматривалось отлично, до подъезда всего метров сто, не больше. Черный выход вел во двор, туда он и приедет к концу дня на машине. Винтовка с глушителем... Пока разберутся откуда стреляли, он уже будет на дороге в аэропорт, а там родной Баку, где нет этих неверных собак.

Алик вошел в подъезд со двора. Винтовку нес в футляре от скрипки — мало ли кто сейчас играет на струнных инструментах. Поднялся на четвертый этаж, открыл чердачный люк, предварительно смазанный, чтобы не скрипел. Подошел к смотровому окну, глянул вниз — все спокойно, можно собирать инструмент, скоро появится объект.

Сердечко стучало часто-часто, и Алик пытался успокоиться. Убить неверного и

получить за это крупную сумму — это ли не счастье. Путь не налом, но сумму он должен дяде большую. Алик зарядил винтовку и стал смотреть в прицел, ждать оставалось недолго, скоро появится цель. Он закрывал глаза на мгновение, стараясь унять сердцебиение, и снова смотрел в объектив оптики. Сзади послушался шум, но оглянуться он не успел — чьи-то сильные руки скрутили его, ткнув мордой в чердачную землю, потом повели вниз. Машины, ожидавшей его, уже не было. Алик молча стиснул зубы — дядя решил подставить его... сволочь, мент поганый. Он не знал, что водителя арестовали еще раньше и отогнали автомобиль.

При личном обыске у Алика не нашли ничего кроме фотографии Бугрова. Следователь объяснил ему, что он подозревается в покушении на жизнь человека, чью фотографию нашли в его собственном кармане в присутствии понятых. Алик гордо поднял голову и заявил:

— Собака неверная... говорить стану только в присутствии адвоката, переводчика и консула — я гражданин Азербайджана и вы не имеете права меня задерживать. Все, я русский не понимаю, можете вести меня в камеру, больше не скажу ни слова. Федор Бугров попросил следователя выйти из кабинета.

— Итак, гражданин Аскеров Алик Мамедович, — начал он, — вы задержаны на месте совершения преступления, взяты с поличным. Ваш водитель, он тоже задержан и уже дает правдивые показания. Ваш двоюродный дядя Гайдар арестован и тоже дает показания.

Алик сидел надменно и даже не повел бровью при последних словах Бугрова, сделав вид, что ничего не понимает из сказанного.

— Но это не главное, — продолжил майор, — главное вот это, — он ткнул пальцем в фотографию, — это мой отец. Не хочешь давать показания — не надо. Сейчас тебя отведут в камеру, где эки хором сделают из тебя женщину, а потом вернут в кабинет снова, я сниму с тебя наручники и пристрелю, как собаку. Скажу, что ты освободился сам, напал и тебя пришлось пристрелить. Над такой сволочью, как ты, суда не будет, тебя отымеют в задницу, а позже я тебя пристрелю. Даже аллах тебя не примет с дырявым задом, и ты попадешь в ад, собака паршивая.

— Не надо женщину, не надо стрелять, я все расскажу, — запричитал Алик, — это все мой дядя, он не родной, двоюродный, я денег ему должен, это он меня заставил убить того человека, вернее попытаться убить. Я не знаю его, я не знал, что он ваш отец, я ничего не знал, меня заставили. Не надо делать из меня женщину, аллах мне этого не простит, не надо стрелять, я все расскажу, — умолял Алик.

— Сейчас сюда придет следователь и адвокат. Скажешь следователю, что переводчик тебе не нужен и расскажешь все, всю правду. Если узнаю, что ты изменил свои показания, то будешь бабой на том свете в аду, в любой камере тебя, суку, достану, на любой зоне. Ты все понял?

— Понял я, все понял, — захныкал Алик.

Полковника Аскерова задержали и дома произвели обыск. В телефоне обнаружили фотографию Бугрова, как и в компьютере, он распечатал ее на принтере и отдал Алику. Полковник упирался не долго на следствии, признал, что заказал Бугрова. Он не задействовал оперативный состав ОВД, работал с участковыми и сотрудниками ППС на рынке, все фигуранты задержаны и судом арестованы, как и азербайджанская рыночная мафия.

Федор появился дома поздней ночью. Надежда ждала его, хотя и успела подремать.

— Наденька, я не понимаю — как ты могла знать, что моего отца заказал Аскеров. Все сказанное тобой попало в точку, мы взяли преступников с поличным. Утром было не до объяснений, даже я верил тебе с трудом и не понимал — как можно вычислить преступную сеть без каких-либо оснований и данных. Может ты мне сейчас объяснишь?

— Уже поздно, Феденька, обычная логика и ничего больше. Спи.

Она не стала объяснять ему, что ее талант распространяется не только на лечение людей. Когда слишком много знаешь — плохо спишь. Федор бы в будущем стал обращаться к ней частенько по вопросам раскрытия преступлений, но работать на двух поприщах она не хотела. Другое дело — помочь близким.

Утром Бугров старший вызвал к себе Стеклова.

— Иннокентий Борисович, поле для вашей деятельности свободно. Полковник Аскеров был у меня, и я сделал ему предложение, он отказался, рыночный бизнес приносил ему немалый доход. Вчера он с коллегами по полиции и азербайджанцы, препятствующие свободной торговле нашим крестьянам, арестованы. Поезжайте на рынок, наметьте план мероприятий с директором по привлечению крестьянско-фермерских хозяйств к торговле. Никто больше не станет мешать крестьянам торговать и перекупать у них товар за бесценок. Пришлось сделать за вас всю работу самому по очистке рынка от преступных элементов. Еще раз повторится подобное — вылетите с работы с волчьим билетом. Свободны.

Стеков вышел, не веря своим ушам. Что это — розыгрыш? Разве возможно убрать азербайджанскую мафию с рынка и посадить самого начальника ОВД с подчиненными? Причем сделать все за два дня — невероятно! Но директор рынка все подтвердил и уже спрашивал сам. Стеков отвечал самодовольно:

— Это наш шеф, Бугров, он сделал предложение, от которого нельзя отказаться. Аскеров отказался и сел вместе со своими дружками и азербайджанцами. Шеф — человек дела и с такими связями, что может раздавить полковников, как клопов. Надо оповестить все крестьянско-фермерские хозяйства, что путь на рынок свободен, пусть приезжают и торгуют. Наведи порядок, иначе сам клопом станешь, действуй. И не забывай, что ты на окладе, а не на проценте с рыночной выручки. Все деньги должны поступать в нашу кассу, минуя твой карман. Бугров узнает — надолго на нары приземлишься, не вздумай крутить-мутить с финансами.

Довольный Стеков ехал обратно. Взбучку директору рынка он устроил. Теперь тот не станет собирать мзду с каждого продавца и все деньги пойдут в холдинг.

Слух о «перестройке» рынка распространялся по городу и близлежащим населенным пунктам с невероятной скоростью. Наконец-то у рынка появился настоящий хозяин и навел порядок. Могли свободно торговать крестьяне овощами и мясом, собственники садово-огородных участков. Продукты заметно подешевели, правда на время, достигая прежних цен постепенно — таковы отношения рынка. Это заметили и структуры власти города и области, местное телевидение сделало несколько репортажей об улучшении условий торговли, нахваливая всю «Холдинг-сервис».

Бугров пригласил к себе Ивашкевича Бронислава Артуровича, заместителя по ресторанному бизнесу и Видяева Виктора Самойловича, заместителя по гостиницам.

— Я ознакомился с вашими отчетами по бизнесу и у меня к вам один вопрос на двоих — почему не все деньги от ресторанов и гостиниц поступают в кассу холдинга. Часть их, пусть и небольшая, но оседает в карманах администраторов и директоров. Разберитесь и доложите.

Никто из заместителей вопросов не задал, хотя они и не поняли, что конкретно имел ввиду Бугров. Вроде бы все идет через кассу, проведены проверки, результаты которых не выявили утечки денежных средств. Но уподобиться Стеклову, лишиться премии и половины зарплаты никто не хотел. Ивашкевич и Видяев направились к главному бухгалтеру Разумовской Инне Савельевне. Та пояснила, что финансовых нарушений нет.

— Как это нет? — возмущился Ивашкевич, — Бугров конкретно сказал, что не все деньги идут в нашу кассу. Ты хочешь сказать, что он не прав? Инна, давай без фокусов, говори, как есть.

— Какие тут могут быть фокусы? Проверки действительно ничего не выяснили и это факт, — ответила Разумовская.

— Какой еще к черту факт, — огорченно произнес Видяев, — если шеф утверждает обратное. Он с рыночной мафией за день расправился и что будет с нами, если не найдем утечку? Ты тоже, Инна, в стороне не останешься, не надейся.

— Да и это тоже факт, — вздохнула она, — надо большие связи иметь там, — она ткнула пальцем вверх, — чтобы ментов за день пнули. Сколько заявлений писали раньше и все бес толку. А тут один звонок и все. Нарушения могут, конечно, быть, но по бухгалтерии все в порядке, я отвечаю. Например, покупает директор ресторана мясо абстрактно по сто рублей, а на самом деле по девяносто и разницу делит с продавцом пополам. Документально все правильно, не подкопаешься. А денежки мимо кассы идут частично. Бугров же не сказал ничего конкретного, что еще предположить — даже не знаю.

— Это по ресторанам, а по гостиницам какие могут быть махинации? — спросил Видяев.

— По гостиницам... По гостиницам, Виктор, можно заселить клиента и не оформить его официально, тут все просто. Если с личным не возьмешь — ничего не докажешь.

— Да-а, дела... поедem-ка мы с тобой на объекты и потрясем руководителей.

Ивашкевич посмотрел на Видяева, тот кивнул головой, и они разъехались.

Ивашкевич наезжал на директоров ресторанов напористо и угрожающе, те чуть не плакали от обиды, утверждая, что кроме чаевых официантам никаких левых денег нет и быть не может. Но несколько человек все же сознались в завышении цен и дележке разницы, обещали этого больше не делать. Видяев вообще вернулся ни с чем. Никто из руководителей гостиниц не признал, что заселяют клиентов неофициально.

Заместители доложили свои резюме Бугрову, ожидая соответствующих санкций. Сидели, поникнув, и ждали наказания. Шеф может лишить премии или даже части зарплаты, как он сделал это со Стекловым.

Бугров, видя огорченных заместителей улыбнулся, заговорил совсем не злобно:

— Ну, что вы за люди такие, ничего серьезного поручить вам нельзя. Это хорошо, что вы выявили и пресекли попытки ценовых игр в некоторых ресторанах. Это хорошо. Но что должен прежде всего уметь руководитель? Думать, видеть и принимать решение, вы же не физически, а головой работаете. Не хотите видеть элементарных вещей, лежащих на поверхности. Вы когда-нибудь в ресторан ходили пообедать, поужинать, отдохнуть, расслабиться?

Заместители еще ниже опустили головы и молчали. Бугров продолжал:

— Наверняка видели там один-два столика с девицами легкого поведения, которые так и шныряют глазами по залу, подбирают себе клиентов. В некоторых ресторанах даже комнатки специальные есть, где можно расслабиться, не уходя. Девочки себе особо ничего

не заказывают, а это означает, что они занимают чужое место, кто-то поужинал бы там, оставив часть своего кошелька. Но все девицы платят администратору ресторана за предоставленное место работы. Ресторан кому принадлежит — холдингу. Почему тогда денежки администратору капают, а не в нашу кассу, пусть и мимо бухгалтерии. Деньги небольшие, но на канцелярские расходы, например, нам хватит с излишком. Теперь о гостиницах. Часть клиентов всегда заказывают девочек в номер, которые отдают четвертую часть администратору. Там этот бизнес на поток поставлен и в некоторые дни доход совсем не маленький получается, но опять же мимо нашей кассы. Деньги должен получать собственник, а не среднее звено с директором объекта. Или вы не знали про работу проституток в ресторанах и гостиницах? В это трудно поверить. Деньги пусть директора главному бухгалтеру сдают по отдельной ведомости, нечего им жировать за счет собственника. И держите язык за зубами, свободны.

Ивашкевич с Видяевым вышли из кабинета вспотевшими, но довольными. Ситуация прояснилась и их не наказали материально. Дела в бизнесе пошли неплохо, заместители подстроились под стиль управления, а директора объектов почувствовали строгий учет и контроль. Выручка холдинга заметно выросла.

Бугров был доволен работой, но дома он чувствовал себя неуютно и брошено. Жена все время болтала с соседями, с подружками, которых появилось великое множество. Но надо отдать должное Евгении — она никому не обещала попасть на прием к Сибирцевым. Вечерами он находился практически постоянно один, разогревал себе ужин сам, а в постели Евгения продолжала свою неумную эйфорию, пытаясь теперь уже мужу рассказать, что говорили соседи и подружки. Он так и засыпал под ее говорок.

Однажды вечером приехал сын, Иван приготовил ему яичницу, поели вместе.

— Где мама, почему тебя не встречает с работы, ничего не готовит? — спросил Федор.

— Раньше готовила, но теперь и на это времени нет. Подружки, знакомые... иногда приходит, когда я уже сплю. Все наговориться не может, словно язык был завязан всю жизнь, а теперь развязался. Но я привык, сынок, маму уже не переделать, пусть болтает, за то не пьет и не курит.

— Да-а, веский аргумент у тебя, отец...

Сын больше ничего не сказал и не стал беседовать с матерью, он элементарно ее не дождался. Слава пусть и не близкой родственницы Сибирцевых затмевала Евгении собственную семью.

Секретарша Людмила заметила перемены настроения в поведении Бугрова, стараясь угодить ему чаем и сладостями, поддержать разговор. Она одевалась корректно, модно и без шокирующих глаз юбок до пупартовой связки, как у многих секретарш и развязанных девчонок. Брюки носила очень редко, считая себя женщиной, у которой красивые ноги и не надо скрывать кривизну под штанами. Правда девушки относились к своей фигуре по-разному, некоторым хорошо бы сменить кроткие юбки на брюки, скрывая тонкие и костистые ноги кавелеристки.

Бугров не ездил домой на обед, все равно никто не встретит и не накормит. Ходил в соседнее кафе, а иногда довольствовался чаем и печеньем, которые приносила Людмила. Вот и в этот раз она принесла какие-то плюшки, предложила настойчиво:

— Вам бы пообедать как следует, Иван Петрович, а не перебиваться на печенье. Если позволите, то я вас приглашаю в соседнее кафе. Супчик в обед необходим обязательно, вторые блюда...

Бугров удивился, его еще никто и никогда не приглашал в кафе. А тут секретарша. Правда сделала она это из «материнских» побуждений и заботы о шефе. Тридцать лет женщине, пора бы и замуж, а она все одна. Но кто знает, может у нее есть друг и отношения только налаживаются.

— Да, Людмила, пойдёмте, пообедаем, — ответил он.

Они кушали молча и Бугров почувствовал стеснение, девушка младше его на двадцать лет. Причем здесь возраст, это обыкновенный обед. Но червячок уже засел внутри и начал подтачивать душу. Он стал чаще обращать внимание на ее лицо, грудь, талию, ножки, стал замечать одежду, в которой она приходила на работу. Раньше спроси его в какой сегодня юбке Людмила и он бы не ответил, не обратил внимания. А сейчас замечал и это стало раздражать его, он вдруг почувствовал себя мужчиной.

Они спали с женой в одной постели, но отношений уже не было. Мужчины перестали ее интересоваться, только один треп был на уме и наряды, которые складывать в квартире уже было некуда. Оставшиеся деньги после продажи своего бизнеса Иван забрал из шкатулки. Вечером его встретила разъяренная Евгения:

— Ты куда деньги девал, гад паршивый? Я сегодня в бутик собралась, а денег нет.

— Зачем тебе деньги, Женя? Нарядов уже предостаточно, ужин ты не готовишь. Зачем тебе деньги?

— Как это зачем, ты что несешь? Я уже все платья свои одевала. Я что должна — в старье ходить?

— Если ты один раз одела платье, то это уже старье? Тебе не кажется, Женя, что ты ведешь себя неадекватно? Еды нет и тебя самой нет вечерами, я все время один, ужин готовлю сам, кстати и на тебя в том числе. Тебе не кажется, что ты стала содержанкой, но они хоть сексом расплачиваются, а тебя и дома-то не бывает, все по подружкам шарисься. Надо денег — иди на работу, кассиром тебя везде возьмут или продавцом.

Бугров решил больше не говорить и ушел в другую комнату, но жена прибежала и туда.

— На работу... ишь чего захотел. Я родственница Сибирцевой и могу себе позволить не работать.

— Тогда пусть она тебя и содержит, а мне надоело быть одному, покупать продукты, готовить еду. Зачем мне такая жена?

Он ушел из квартиры совсем, хлопнув дверью. Идти было некуда. Иван взял машину из гаража и уехал к сыну. Федор с Надеждой поняли его настроение и ни о чем не спрашивали. Придет время — сам расскажет, если посчитает нужным.

Евгения два часа подряд металась по квартире, костеря мужа последними словами. Потом решила поехать к сыну, чтобы он вразумил отца. Ехала с одной злорадной мыслью, произнося вслух: «Федор тебе покажет кузькину мать, он тебя враз образумит, пожалеешь еще, что кричал, нагрубил мне. Все деньги у тебя заберу и на улицу выкину, живи на своей работе и дома даже появляться не смей, подлец. Учить он меня будет, на работу выгонять, гад паршивый»...

Увидев мужа, она просто остервенела:

— Ты знаешь, сынок, что натворил твой подлый папаша? Он все деньги забрал и говорит, что нарядов у меня предостаточно, что я еду не готовлю, дома не бываю и мне на работу надо идти устраиваться. Представляешь, сынок, что мелет этот конченный идиот? Ни одного платья у меня нет, всю одежду подружки видели, в чем мне вечером к ним идти? А этот гад деньги забрал. Пусть отдаст и катится к чертовой матери, видеть его больше не

желаю. Он меня содержанкой назвал, представляешь, сынок, говорит, что содержанки хоть сексом расплачиваются, а я ему не сексуальная кукла, я родственница Сибирцевых, это надо всегда помнить и почитать.

Надежда с Федором и отцом выслушали ее внимательно, не перебивая и не выражая эмоций. Когда она затихла на минутку, Федор заговорил:

— Отец приезжает домой с работы усталый, поест нечего, сам себе ужин готовит при неработающей и бездельничающей жене. Дом грязью зарос, в углах пыль многослойная, а у тебя на уме одни наряды и подружки. Правильно отец сказал — тебе на работу пора устроиться, дом в порядок привести, продукты покупать и ужин готовить. Не желаешь этого делать — разводишься и живи отдельно, квартиру отец разменяет. А сейчас езжай домой и подумай хорошенько о своем поведении.

— Ах так, ты тоже от меня отворачиваешься, сынок, ну и живи, как знаешь...

Евгения повернулась и ушла. На следующий день она подала на развод. Иван ушел, оставив ей квартиру и машину, не стал ничего делить. После развода он купил себе другую пятикомнатную жилплощадь, обставил мебелью. Готовить он уже привык сам и не нуждался больше ни в чьей помощи. Вечерами часто задерживался на работе, спешить было не к кому.

Секретарша не уходила раньше него с работы, сидела в своей приемной, лишний раз не напоминая о себе. Как-то он спросил ее:

— Вы почему, Людмила, домой не идете? Рабочий день закончился, аврала у нас нет.

Она ответила ему с грустной улыбкой:

— Скучно одной дома, вот и стараюсь побыть на работе подольше.

— Да-а, — протяжно ответил Бугров, потом словно встрепенулся, — но вы же молоды, вся жизнь впереди. Встретите мужчину, поженитесь.

— Я уже была замужем, Иван Петрович, и больше не хочу. За глаза хватило одного брака, больше не желаю. Одной хоть и скучно бывает, за то никто не обидит и грубого слова не скажет. Я привыкла уже и ничего менять мне не хочется.

Бугров задумался на секунду, потом произнес тихо:

— И меня никто дома не ждет. Может быть сходим поужинать в ресторан?

Спросил он и сам испугался внезапно предложенного. Что подумает о нем Людмила? Старый хрыч решил поразвлечься и приглашает в ресторан молодуху... Она ответила сразу:

— В ресторан? А это будет удобно?

— Почему неудобно? — не понял Бугров, — вы имеете ввиду разницу в возрасте? — с простотой спросил он.

— Нет, — ответила она, застеснявшись, — я ваша подчиненная. Вы можете себя скомпрометировать.

— Что за чушь и бред. Меня уже давно пора кому-нибудь скомпрометировать. Я человек свободный, как ветер, и не боюсь компроматов.

Они посидели в ресторане несколько часов, потом вышли на улицу. Летняя жара спала, и парочка решила прогуляться по вечернему городу. Дышалось легко и свободно. Людмила шла с ним под ручку, оба практически молчали и чувствовали себя комфортно. Так бывает, когда хорошо и не надо говорить ни о чем. Он вздрогнул внезапно от ее слов:

— Вот мы и пришли, здесь я живу, — она указала рукой на пятиэтажный дом, — давайте прощаться...

— Прощаться, — грустно ответил Бугров, — прелестный вечер, с вами так было уютно и комфортно, Людмила, что прощаться совсем не хочется. Но, наверное, надо, — он вздохнул.

— И мне не хочется. Редко можно встретить человека, молчание с которым не напрягает. Может быть зайдете ко мне?

Утром на работу они вернулись вместе, а вечером он сам вышел в приемную.

— Людмила, вы разрешите сегодня пригласить вас к себе домой?

— К вам домой, — искренне обрадовалась она, — я чувствую, что вы предлагаете это от чистого сердца, а не из вежливости и от души соглашусь. Но надо заехать ко мне домой и взять с собой хотя бы зубную щетку.

— У меня есть запасная, новая...

— Иван Петрович, я не переборщаю с косметикой, но некоторые штрихи женщине все-таки необходимы.

— Конечно, вы правы, обязательно заедем.

По пути они посетили магазин, Бугров купил продуктов, а дома Людмила собрала небольшую сумку — впереди предстояли выходные дни, и она взяла с собой домашний халатик и тапочки.

Пока она осматривала его новую квартиру, Бугров готовил ужин. Людмила очень удивилась и стала помогать ему. Вдвоем они быстро все приготовили и сели за стол.

— Есть шампанское, красное вино, коньяк...

— Давайте коньяк, Иван Петрович, напьюсь сегодня, — она засмеялась, — редко можно встретить мужчину, который не только умеет, но и готовит сам. Сам убирается в квартире, кругом чистота и порядок, сам стирает, все сам.

Бугров налил в бокалы коньяк.

— Я хочу выпить за женщину, с которой мне уютно, комфортно и хорошо на душе, за вас, Людмила.

— А я за мужчину, с которым прелестно мне.

Они выпили и сразу же кто-то позвонил в дверь. Людмила забеспокоилась. Бугров понял ее и произнес огорченно:

— Я развелся с женой, вы это знаете и не хочу скрывать наши отношения. Будьте хозяйкой в доме и не волнуйтесь.

Он пошел открывать, вернулся радостный.

— Познакомься, Людмила, это мой сын Федор. Посидишь с нами немного, сынок?

— Здравствуйте, Людмила, спасибо, отец, за приглашение. Я, собственно, на минутку забежал, хотел забрать тебя к себе на выходные дни. Надежда была бы рада тебя видеть, это моя жена, но вижу, что ты занят, извини. Может быть завтра вместе приедете?

— Не знаю, сынок, мы еще многое не обсуждали. Но если Людмила согласится, то я с удовольствием. Передавай Наденьке привет.

Он проводил сына и вернулся к столу.

— У меня замечательный сын, Людмила, он служит в полиции, уже майор и я горжусь им. Мне бы хотелось, Люда, чтобы ты осталось в этом доме хозяйкой. Я предлагаю тебе руку и сердце, ты мне очень нравишься, Людочка.

Сердце ее забилося, и она обрадовалась предложению, постаравшись скрыть неумело свои эмоции.

— Вы мне тоже очень нравитесь, Иван Петрович. Но вы очень рискованный человек — предлагать руку и сердце почти незнакомой женщине. Я была замужем в свое время и очень неудачно. Бывший муж заставил меня сделать аборт, и я теперь не могу иметь детей. Поэтому решила больше не выходить замуж — кому я нужна бесплодная. Но вы изменили во мне все, я останусь у вас, Иван Петрович, пойду к врачу, стану лечиться и очень надеюсь родить вам сына или дочку. Вы примите меня бесплодной?

Она смотрела на него, готовая разреветься. А он улыбнулся радостно и ответил:

— Милая моя Людочка. У нас с тобой обязательно будут дети. Я знаю врача, который исцелит тебя в один миг. И больше не называй меня по отчеству, хорошо?

— Хорошо, Ванечка, человек мой любимый и родной.

В постели Иван спросил ее:

— Люда, ты же свободно говоришь на трех языках, может быть тебе устроиться переводчиком в какую-нибудь фирму, не век же сидеть секретаршей в офисе?

— Нет, милый, я не стремлюсь к карьере, с тобой мне уютно и прелестно. Но если ты против...

— Нет, Люда, если тебе хорошо, то вопрос снимается.

Утром она встала раньше Ивана, сходила в душ, поправила косметику на лице и пошла готовить завтрак. Светилась от счастья и была на седьмом небе. Раздумалась — что приготовить ему на завтрак? Хотелось чего-нибудь необычного и вкусного. Решила быстро приготовить глазунью с колбасками и сварить борщ, наверняка Иван не пробовал домашнего супа давно. В холодильнике нашлось все, кроме капусты и моркови, придется идти в магазин, но после того, как встанет Иван, у ней даже не было ключей от дома.

Иван встал, сходил в душ и вышел в халате на кухню, учуяв запах свежеприготовленной еды. Людмила стояла у плиты в домашнем коротеньком халатике, скрывающем только соски и самую верхнюю часть бедер. Он еще не видел никогда ее сексуальных красивых ножек и полуобнаженной груди. Его халат зашевелился желанием, Людмила еле успела выключить плиту и загорелась желанием тоже. Они провалялись до обеда, так ничего и не поев еще, но все же встали с постели.

— Планов у нас тобой громадьё, Людочка. Сейчас поедим и поедем в бутик, хочу одеть тебя, как куколку, лучшую и любимую женщину в мире. Потом, если ты не против, навестим сына, он приглашал, если помнишь. Ночуем у него и в воскресенье вернемся домой.

— Ванечка, у меня все есть из одежды и этого вполне достаточно. Поэтому поедем не в бутик, а ко мне домой, привезем одежду сюда, продукты захватим, а то там испортятся. Потом к твоему сыну. Расскажи мне о своей семье, Ваня.

— У меня один сын и больше никого нет, надеюсь, что будут внуки, но пока Надежда, вроде бы не в положении, а может быть еще не сказали мне. Это, собственно, все, с женой сына ты познакомишься сама. У нее там рядом живут отец с матерью, родной брат Антон с

женой Олесей, дедушка и бабушка по линии мамы. Это большая семья, в которой теперь будешь и ты. В анкете ты не указала ни одного родственника, гражданка Соловьева Людмила Николаевна.

— Я детдомовская, Ваня, и не знаю своих родителей. Выучилась сама, тяжело пришлось, но выучилась. Ты знаешь, о чем я сейчас думаю?

— Не знаю, скажи.

— Меня на работу пригласила профессор Сибирцева, вычитала анкету в интернете и пригласила. Пообещала неплохую зарплату и слово сдержала. Предлагали должность переводчицы, конечно, смазливые мужики, но им только одно надо — поразвлечься и бросить. Я не привыкла получать деньги за передок, мне это противно, уборщицей бы пошла, но с котами спать не стала. Я очень благодарна Сибирцевой, а теперь и вдвойне — ведь она познакомила нас. Поблагодарить бы ее, но как к ней попасть... она бы и бесплодность мою враз вылечила. Но главное — поблагодарить. Ты давно знаешь ее, Ванечка?

— Нет, всего несколько месяцев, — ответил он, сдерживая улыбку, — ты попадешь к ней, я обещаю.

— Правда, Ванечка, этот здорово, она очень человек хороший.

— Это верно, она действительно человек хороший, мы съездим к ней домой.

— Нет, к ней домой не попасть и неудобно как-то. Чего я припрусь со своей благодарностью и проблемами. Лучше давай, обсудим, что твоему сыну купить, без подарка ехать неудобно.

Они долго обсуждали, что купить Федору и его жене. Она тоже врач, как сказал Ваня. К единому мнению не пришли, но все же решили подарить ему маленького полицейского в качестве сувенира, который можно повесить на внутреннее зеркало автомобиля. Такой же сувенир доктора купили и его жене в машину.

Они перевезли вещи и теперь ехали к сыну. На КПП их остановили, охранник поздоровался с Бугровым и спросил:

— Вы Соловьева Людмила Николаевна?

— Да, но откуда вы знаете? — удивилась она.

— Служба такая, — с улыбкой ответил охранник, — проезжайте пожалуйста.

— Ничего себе, — повернулась она к Ивану, — твою фамилию не спросили, знают?

— Знают, — ответил он, — и тебя больше спрашивать не станут, одного раза достаточно, здесь всех знают в лицо. Тебя уже сфотографировали и занесли в компьютер, как мачеху Федора. Некрасивое слово мачеха, но так положено, ничего не поделаешь, у них служба и посторонние здесь не ездят. Только по разовому приглашению или по постоянным пропускам, твой пропуск оформлен, как постоянный.

Людмила смотрела и не верила своим глазам — кругом громадные коттеджи, которые она только в кино видела. Федор обыкновенный полицейский, где он мог взять столько денег. Жена врач, врачи вообще перебиваются на копейках, если не работают в частных клиниках.

Ворота открылись сами, Бугров въехал на территорию коттеджа и припарковал машину. На улицу вышел Федор, обнял отца и поздоровался с Людмилой.

— Рад видеть тебя, отец, и вас, Людмила тоже. Очень хорошо, что вы приехали, Наденька будет довольна, что у папы появилась вторая половинка. А то он все один, да один.

Они все вместе вошли в дом, Людмила ахнула от изумления, увидев Сибирцеву.

— Здравствуйте, Людмила. Удивлены? Федор мой муж, а Иван Петрович свекор. Теперь вы тоже член нашей семьи и будьте, как дома.

— Здр... здравствуйте, — ответила Людмила и с укором посмотрела на Ивана, — ты почему мне ничего не сказал?

— Почему не сказал?.. Ты же хотела встретиться, а я обещал и сдержал свое слово, как видишь. Людмила хотела поблагодарить тебя, Надя, что ты взяла ее на работу, познакомила со мной и теперь поблагодарить вдвойне.

— Это правда, — оправилась от потрясения Людмила, — но я не знала, что вы родственница Ивана Петровича, извините, Надежда Егоровна.

— Благодарность принимаю, а извинения нет. Никаких отчеств, пожалуйста.

— Пойдем, Люда, — предложил Иван, — я покажу тебе дом, нашу с тобой комнату, двор и баньку. Вечерком попаримся в сауне, в бассейне поплаваем.

Ей почему-то захотелось домой, и она прижалась к Ивану, как к своему защитнику и оплоту. Неуверенность прошла достаточно быстро. Детдомовская, Людмила умела выживать в любых ситуациях и уже общалась с Надеждой достаточно свободно.

— Скажите, Надя, почему вы выбрали именно меня секретарем в «Холдинг-сервис»?

Надежда улыбнулась.

— Говорить о честности и порядочности не стану, этого у вас не отнять. Вы говорите хорошо на иностранных языках, гораздо лучше многих школьных преподавателей. Но вас обучала не англичанка, скорее всего женщина, какое-то время жившая там. Я угадала?

— Точно, все в цвет.

— И потом вы умеете за себя постоять, у вас есть собственное мнение. Вы не сдались и не опустили, хоть жизнь и потрепала вас как следует. Живите, рожайте детей, ваше бесплодие я уже устранила.

— Но как, вы же меня даже не смотрели? — удивилась Людмила, — и я не говорила, что не могу иметь детей.

— Я вижу человеческие болезни и пусть это останется моей маленькой тайной, — ответила Надежда.

В воскресенье дома Людмила сказала Ивану:

— Не верю своему счастью — у меня есть ты и я познакомилась с семьей знаменитых на весь мир докторов.

— Расскажешь подружкам? — спросил Иван.

— У меня нет подружек и я не жалею. О тебе сами узнают, но если спросят — скрывать не стану. О Сибирцевых промолчу — заклюют просьбами и заплуют уважением.

Иван расхохотался:

— Как ты ловко выразилась, но все в точку.

Он вспомнил Евгению. Доболталась, дура, а все могло бы быть по-другому. Работать она не смогла, стала попивать и выдавать себя за наставника Сибирцевых. Машину продала, но квартиру переоформить на себя не успела. В конечном итоге попала в психушку, где и провела последние дни, рассказывая Наполеонам, Брежневым и другим важным персонам о своей исключительной миссии. Квартира отошла снова к Бугрову.

После любви они немного поговорили и Бугров уснул первым. Людмиле не спалось, она повернулась к нему лицом, облокотилась, приподнявшись немного, всматриваясь в своего любимого. Иван старше на двадцать лет, но она не обращала внимания на разницу в возрасте. Может быть по тому, что Иван был первым настоящим мужчиной в ее жизни.

Кроме боли и страдания она ничего от первого мужа не видела. Он соблазнил ее совсем молоденькой, только что вылетевшей из дверей детского дома в большую жизнь. Муж не любил ее и насиловал ежедневно извращенным способом, а когда она все-таки забеременела, обвинил в неверности и страшно избил. Его посадили, на зоне он погиб и наверняка из-за своих нетрадиционных наклонностей.

Людмила долго лежала в больнице. От мужа досталась двухкомнатная квартира и ни копейки денег. Она мыла полы, подрабатывала, где могла и все время отбивалась от домогающихся ее мужиков. В школе училась практически на отлично и поступила в университет иностранных языков. Учеба, работа, домогательства некоторых преподавателей — сумела преодолеть и этот барьер. Потом новый — трудоустройство на работу, где ее хотели видеть не переводчицей, а сексуальной рабыней. Красивая и хорошо сложенная Людмила вызывала у мужиков руководителей одно желание. Женщины не брали ее на работу, видя в ней непревзойденную конкурентку далеко не в профессиональном смысле этого слова. Снова подрабатывала, где могла, но уже с университетским образованием. Так и жила в одиночестве, ненавидя мужиков, не имея подружек, пока Сибирцева не предложила ей работу секретаря крупного холдинга и солидную зарплату.

К Бугрову отнеслась с опаской и настороженностью, ожидая в любой момент сексуального насилия или хотя бы предложения об интимных отношениях. Но со временем поняла, что ее уважают, ценят и что удивительно — даже другие мужики не пристают. Людмила почувствовала себя человеком, членом коллектива и общества. Бугрова уже не опасалась, а боготворила его за ум, профессионализм, умение выстроить управленческую схему. За тактичность поведения, необидную жесткость и вежливость в общении с персоналом.

Людмила глядела на своего мужчину и не могла понять, за что полюбила его. За все — за это лицо, тело, манеру общения... Она улыбалась, а из глаз текли слезы.

На следующий день они подали заявление в ЗАГС. Людмила не захотела торжественной свадьбы, словно боялась, что ее Ивана отберут где-нибудь на многолюдье. Через месяц они зарегистрировались, и Людмила поменяла фамилию, сразу почувствовав измененное отношение коллег. С ней уже не разговаривали запросто, общались уважительно, как с женой шефа. Ее это устраивало, кроме как с мужем говорить по душам она ни с кем не желала. Тридцать лет она выживала и только теперь стала жить полноценной жизнью семьи и общества.

Теперь, изучив своего начальника лучше, Людмила часто не спрашивала разрешения принести ли ему чай или кофе. И всегда угадывала. Иван удивлялся — как она может чувствовать, что он захотел пить и именно чай или кофе? Конечно, Людмила приносила напитки без заказа, когда он был один.

В этот раз Иван попросил ее остаться и налить чай себе.

— Я хочу поговорить с тобой, Люда. Присядь, пожалуйста. За время нашего общения я понял, что ты достойна большего и сможешь стать моим заместителем в сфере гостиниц. Это не так сложно, как кажется на первый взгляд. Но ты должна подобрать человека на место секретаря, я приму любого, которого предложишь ты.

— Да, Иван Петрович, озадачили вы меня...

Людмила никогда не называла его по имени или на «ты» на работе и сейчас ей казалось, что ее новая миссия невыполнима.

— Как это подобрать секретаря? — продолжила она, — это не стакан чая выпить, —

уколола она мужа, — откуда новый человек может знать, что именно сейчас необходим стакан минералки, а кофе через два часа?

— Люда, — с укором произнес Иван, — не надо ничего знать. Потребуется — я попрошу.

— Попросит он... будут тут всякие ходить туда-сюда...

Иван улыбнулся.

— Людочка, ты ревнуешь что ли? По-моему, я повода не давал.

По объявлению Людмила получила около ста анкет. Часть отвергла сразу же, не встречаясь с людьми, с другими встретилась, но решения не приняла — то ноги слишком красивые, то улыбается все время. Она взяла все анкеты и поехала вечером к Надежде.

Сибирцева поняла ее отлично, просмотрела анкеты мельком, остановившись на одной.

— Поговори вот с этой, — предложила она.

Людмила взяла отвергнутую ей напроць анкету изначально, удивилась.

— Но она же была секретаршей уже в четырех местах и нигде более года не проработала — обыкновенная побегушница.

— А ты поговори, — снова предложила Надежда, — может она увольнялась от того, что не хотела спать с директором? Разве тебя саму не помогали многие руководители?

— Я как-то не подумала об этом, — словно извинялась Людмила, — обязательно поговорю.

Она вызвала претендентку на следующий день и первым делом оценила ее внешне, не обнаружив ничего бросающегося в глаза — ни полуоткрытой груди, ни короткой юбки. Предложила присесть напротив себя.

— Элеонора Цветаева... Вы за два года сменили четыре места работы. Я звонила — характеристики о вас хуже некуда. Можете что-нибудь пояснить?

— Пояснить? Оправдываться всегда некрасиво. Но если вы пригласили меня на собеседование, значит, не очень верите этим характеристикам.

— Верю-не верю. Вас пригласили, чтобы прояснить ситуацию.

— Проясняйте. Могу добавить, что по последнему месту работы разбила в кровь лицо своему шефу, даже пришлось вызывать скорую помощь, — добавила Элеонора, — вы знаете, с удовольствием вмазала по этой холеной и слащавой роже и не жалею.

Людмила посмотрела на кандидатку, стараясь скрыть улыбку на лице, понимая, за что может ударить молодая женщина своего руководителя.

— На этой фирме отзываются о вас, Элеонора, как о дерзкой и хамоватой девушке, но о рукоприкладстве не сказали ни слова.

— Не сомневаюсь в этом, — кратко ответила она.

— У вас высшее юридическое образование, почему вы выбрали работу секретарем и продолжаете идти по этой стезе?

— Везде требуются работники со стажем, а где его взять без работы?

— Но ведь устраиваются же на работу другие выпускники юридических факультетов?

— Устраиваются, — согласилась Элеонора, — но у меня нет рекомендаций, связей, знакомств, а через постель я не желаю.

— Понятно, сколько бы вы хотели получать? — спросила Людмила.

— Разве это от меня зависит первоначально? Тысяч двадцать пять меня бы устроило вполне.

— Что еще вас интересует?

— «Холдинг-сервис»... пыталась что-то найти об этой фирме в интернете, но ничего не нашла. Хотелось бы знать особенности в связи с производственной деятельностью, если вы берете меня на работу.

— Ясно. «Холдинг-сервис» — это управленческая компания, в собственности которой находятся рестораны, рынки и гостиницы. Генеральный директор Бугров Иван Петрович. В девять утра вы подаете ему чай с молоком, одна ложечка сахара, молока совсем немного. Позже — по заказу. Кофе он пьет тоже с молоком и сахаром, лучше на первый раз я приготовлю сама, а вы посмотрите. Сюда часто звонят директора ресторанов, гостиниц, рынков, но с шефом вы их не соединяете, переключаете на заместителей по профилю или с бухгалтерией. Если звонят или приходят из полиции, ФСБ или администрации, то докладываете шефу, он сам определится. Если кто-то из наглых попытается прорваться, то вы нажимаете кнопку, она вот здесь, охрана прибудет мгновенно. Мы принимаем вас с испытательным сроком три месяца, на руки будете получать тридцать тысяч. После испытательного срока сорок. Когда можете приступить к работе?

— Я готова.

— Хорошо, сегодня оформляйтесь, я покажу вам офис, познакомлю с персоналом, вместе приготовим чай и кофе. Рабочий день с девяти, но вам необходимо приходить минут на десять пораньше.

— Если можно, то еще один вопрос...

— Людмила, — подсказала она.

— Один вопрос, Людмила — разве шеф не будет беседовать со мной и почему уходите вы?

— Это уже два вопроса... шеф беседовать не будет, а я не уйду. Я заместитель директора по гостиничному бизнесу.

— Извините, Людмила, я думала, что вы секретарь.

— Была и секретарем, но продолжаю беспокоиться об Иване Петровиче — он мой муж.

— Ясно, больше нет вопросов.

Со временем Людмила поняла, что не ошиблась в Элеоноре. Не ошиблась... скорее не ошиблась Надежда, посоветовавшая принять именно ее.

В приемную вошел мужчина, поздоровался с Людмилой и кивнул головой Элеоноре.

— У себя? — спросил он, указывая на дверь генерального директора.

— У себя, проходите.

— Какие планы на вечер? — спросил он.

— Не знаю, ничего не планировали, — ответила Людмила.

— Тогда прошу вечером ко мне, отметим небольшое событие.

— Обязательно будем, а что за событие, к чему готовиться?

— Готовиться не надо, — улыбнулся мужчина, — отметим мое назначение на должность начальника отдела. Я за этим и приходил, чтобы пригласить вас. Пожалуй, пойду, времени мало, жду вечером.

— Нет, Федор, обязательно зайдите, Иван Петрович обидится, если узнает, что были и не зашли.

— Хорошо, загляну на минутку.

Он скрылся за дверью, Людмила пояснила Элеоноре:

— Это сын шефа, он может проходить к нему без доклада и я, естественно. О других вы обязаны докладывать.

Элеонора поняла, что шеф старше Людмилы, но она привыкла держать язык за зубами, не говорить лишнего и не делать скоропалительных выводов.

Ранняя осень, на улице еще тепло днем и можно ходить в одной рубашке. Но сегодня облачно, небо затянуто кучевыми облаками и, видимо, ночью пойдет дождик. Не жарко, не холодно — прелестно.

Директор ресторана «Звездный» позвонил своему другу подполковнику из УБЭП:

— Приветствую тебя, Алексей. Не желаешь составить мне компанию в сауне вечером?

Завтра суббота, можно не торопиться домой.

— Привет, Эдик, попариться можно, в какой сауне?

— В моей домашней — зачем нам лишние разговоры?

— Договорились, подъеду часам к восьми.

— Можно и раньше, я буду дома.

— Окей.

Оба мужчины знали друг друга давно. Вряд ли они дружили, скорее общались на взаимовыгодной основе. С Эдуарда Нестеренко сауна, выпивка и девочки, с Алексея Дворковича соответствующая крыша, как сотрудника УБЭП, и своевременное предупреждение о готовящихся акциях правоохранительных органов. Такое сотрудничество устраивало обоих.

Алексей подъехал к коттеджу Нестеренко в половине восьмого вечером, припарковал свой автомобиль и сразу прошел в баньку. Он не раз бывал здесь и конечно же мечтал о такой у себя — просторной, с бассейном и несколькими спальнями, где можно уединиться с девочками.

Стол уже был накрыт, Эдуард сразу же налил по рюмке водки. Они выпили, закусывая хрустящим соленым огурчиком.

— Поедим, поговорим, потом девчонки подтянутся, — предложил Нестеренко.

Они принялись за еду и выпивку.

— Ты наверняка слышал, Алексей, об убийстве владельца ресторанов, — начал разговор Эдик.

— Конечно, там было тройное убийство, — ответил Дворкович, пока еще не понимая к чему клонит его собеседник.

— Убийство раскрыто, вопросов нет, но там еще одна закавыка имеется. Я с вдовой разговаривал, и она обещала мне продать свои акции по моему ресторану. Но потом заявила, что продала их другому лицу. Сейчас «Холдинг-сервис» владелец всех ресторанов. Я бы все, естественно, не потянул, но свой бы точно выкупил. Убийства расследовал Бугров младший, а холдингом руководит Бугров старший. Улавливаешь связь?

— Пока не очень, — неопределенно ответил Дворкович.

— Ну как же... сам посмотри — убийства раскрывает Бугров младший, старший создает холдинг и выкупает все акции. Я знаю, что денег у них не было — здесь крупной взяткой пахнет, не иначе. Сам понимаешь — одно дело директор ресторана, другое дело хозяин, разница в денежках солидная.

— Была там взятка или нет, сядет кто или нет — тебе не интересно. Тебе нужны акции твоего ресторана, я так понимаю.

— Абсолютно правильно понимаешь, Алексей. Сможешь помочь?

— Не простой вопрос, с кондачка его не решить, думать надо, информацию проверять.

Бугров младший, как ты говоришь, в фаворе сейчас у руководства, сегодня начальником «убойного» отдела стал в управлении, это не хухры-мухры. Поспрашиваю, поизучаю информацию, источники свои напрогу, сам понимаешь — вопрос не одного дня, и я пока своего интереса не вижу, а вопрос очень сложный.

— Треть выручки...

— Треть выручки... Я должен преподнести тебе на блюдечке сто рублей, а ты мне с них тридцать? Половину, на меньшее не соглашусь, не простой вопрос.

— Договорились, — согласился Нестеренко, наливая водку в рюмки, — по маленькой и пойдем девочек смотреть, наверняка уже подъехали, отдохнем по полной программе.

Утром Дворкович проснулся от неимоверной «засухи» внутри организма. Две голые девчонки спали по обеим бокам от него. Он перелез через одну, встал с кровати, нашел банку с водой и присосался. Выпил литр залпом, не меньше, вытер губы ладошкой и присел на кровать, оглядывая девчонок, словно видел их первый раз. Молоденькие лет по восемнадцать девочки сладко посапывали носиками чуть приоткрыв ротик, видимо, тоже хотели пить даже во сне. Водки выпито достаточно много и немолодой организм Дворковича немного потряхивало с похмелья.

В комнату вошел Нестеренко.

— Я тоже уже проснулся — сушняк задавил, литровую банку до дна сразу же опрокинул. Мои тоже спят, — кивнул он на девчонок, — славно повеселились ночью, надо бы опохмелиться и немного попариться, потом в бассейн и станем, как огурцы.

Эдик выглядел не очень, лицо опухло и на фоне приличного пивного животика, обернутого простыней, смотрелось раскисшим. Дворкович, более поджарый мужчина, мог «похвастаться» лишь отечными мешками под глазами. Он обернулся простыней, и они прошли в предбанник, где со вчерашнего вечера оставалась выпивка и закуска. Налили по полстакана водки, выпили, морщась, и пошли в сауну. Голова от жара начала раскаливаться сильнее, но водочка, разбежавшаяся по организму, ослабляла боль, постепенно сводя ее на нет. Они попарились вяло веничком, вышли и кулями свалились в бассейн. Холодная вода освежила и взбодрила сразу, поплавав немного и почувствовав себя снова людьми, они выбрались из бассейна, разойдясь по спальням.

Мокрый Дворкович плюхнулся на кровать к еще спящим девчонкам, те проснулись и завизжали спросонья от его мокрого тела и лапающих рук. Услышав девичий визг в соседней спальне, он ухмыльнулся, входя в одну из девок. Трудился усердно, разминая груди другой девчонке. Кончил и откинулся в изнеможении на кровати. Девчонки убежали подмыться, попить и опохмелиться. Вскоре вернулись, но Алексей предложил пройти к столу. Пьянка и оргия продолжались до следующего утра. На следующий день на работу, необходимо привести тело в порядок. Девчонок отпустили и сами отпивались чаем.

Алексей Дворкович выполнял свою основную работу посредственно, она его интересовала меньше просьбы Нестеренко. Он прикидывал, что ежемесячно ресторан «Звездный» имеет выручку в сумме четыреста тысяч рублей, а это значит, что двести его. Двести тысяч против шестидесяти на службе — вот и весь действующий интерес.

По опыту он знал, что необходимо достоверно устанавливать собственника любого предприятия, а с акционерным обществом возникали дополнительные сложности. Сделка купли-продажи акций является законной без нотариального оформления, она лишь отражается во внутреннем реестре. А кто ему даст глянуть на этот реестр? Никто, естественно.

Дворкович пообщался со знакомыми налоговиками, другими людьми — безрезультатно. Никто не знал достоверно собственника «Холдинг-сервис». Слухи муссировались и усиленно, что собственник профессор Сибирцева. Он знал, что этой семье принадлежит алюминиевый завод, один из крупнейших банков. Денег у них вполне хватило бы выкупить все акции ресторанного, рыночного и гостиничного бизнеса.

Алексей решил пойти ва-банк и заявиться к вдове. Вдова удивилась, потом ухмыльнулась и заявила:

— Все никак успокоиться не можете? Интересно, кто из бизнесменов поручил тебе отжать этот бизнес? Сделка законная, я продала акции, а собственник тебе и твоему хозяину не по зубам, он раздавит вас, как клопов или тараканов какие бы вы интриги не закрутили.

— Вы выбирайте выражения, гражданочка, — возмутился Дворкович.

— А то что — арестуешь меня? Ты же, пес смердящий, незаконно ко мне заявился. Проник в дом, расспрашиваешь, а подобных поручений тебе на службе не давали, в этом я абсолютно уверена, не ваш уровень, чтобы бодаться. Может быть позвонить в управление собственной безопасности, чтобы тебе хвост прищемили? Но я этого делать не стану, даже имя собственника тебе назову, чтобы ты об него свои поганые зубки пообломал. Сибирцевы — слышал такую фамилию? И проваливай отсюда, надеюсь, что сядешь скоро, эта семья обид не прощает.

Дворкович не стал возмущаться и спорить, он узнал главное и понял, что Бугров старший лишь наемный директор. Никакой речи о взятке в данной ситуации быть не может. План прижатия Бугровых под страхом получения срока лопнул. Они не смогут продать акции, которыми не владеют.

Он шел от вдовы и усиленно размышлял. Сибирцевы... семья достаточно известна и знаменита, имеет высоких покровителей и друзей. Здесь необходим железобетонный компромат, при котором не помогут любые покровители. И это как раз по его части, наверняка есть сокрытие налогов и оплата, минуя действующие утвержденные тарифы.

Дворкович решил действовать официально, а для этого необходимо хотя бы сообщение от источника. Написать подобное труда не составляло, но вдруг начальство решит проверить и пожелает встретиться с источником информации. Он перебирал в уме — кто бы из его стукачей мог написать нечто подобное и подтвердить написанное руководству. Вся соль заключалась в том, что оперативная информация нуждалась в проверке и могла подтвердиться или же не подтвердиться в результате. А он мог действовать официально оперативными методами без возможного привлечения к ответственности, если Сибирцевы «капнут» наверх.

Такой человек нашелся. Давно мечтал попасть на прием, но не получалось. Сибирцевы принимали больных через заведующих отделениями больниц и крайне тяжелых, коим он не являлся. А жлоба давила всегда и насолить Сибирцевым очень хотелось.

Дворкович скорректировал сообщение в нужном ракурсе и появилась информация, которую он представил с грифом «совершенно секретно» своему руководству.

Начальник управления БЭП читал полученную информацию:

«... утвержденные Минздравом тарифы самовольно завышаются Сибирцевым иногда в два и более раз. За операцию стоимостью в два миллиона рублей они берут четыре, разницу утаивают и налоги с нее не платят. Кроме того, с некоторых клиентов деньги вообще принимаются мимо кассы...»

Начальник управления вызвал к себе Дворковича.

— Что за бред сивой кобылы? Вместо работы с агентурным аппаратом вы собираете сплетни, подполковник. Что это за ерунда? — он потряс в воздухе сообщением, — объяснитесь, Дворкович.

— Товарищ полковник, — обиженно произнес подполковник, — я считаю, что информацию необходимо проверить. Основания для этого есть, наверняка Сибирцевы частично уходят от налогов и берут за операции больше положенного. А деньги там не малые и мы обязаны отреагировать на оперативную информацию. Обирать больных людей — это кощунственно, аморально и преступно.

— Вот что, борец за справедливость, проверять информацию запрещаю. Если ты совсем тупой, то поясню тебе, что это люди с мировым именем, на прием к которым пытаются попасть за любые деньги, а в друзьях у них губернаторы и министры.

— Вот именно, что за любые деньги, — уцепился за слова Дворкович, — а надо бы по закону.

— Хватит, — стукнул ладонью по столу начальник управления, — Сибирцевы лишнего не берут и прения на этом закончены. Свободен, подполковник.

Дворкович вышел из кабинета мрачный и недовольный, проводить проверку ему запретили, но он может сослаться в случае чего, что проводил ее по итогам полученной оперативной информации еще до запрета. Он уже успел получить действующие расценки оперативных вмешательств и поражался их стоимости от миллиона рублей до пяти. Знакомый из налоговой сообщил ему неофициально информацию, от которой он вообще офанарел и ничего не понял. Клиника оформлена как ИП, а оплаченный шестипроцентный налог превышал стоимость всех операций вместе взятых. Он решил перепроверить, и его знакомый достоверно подтвердил, что Сибирцев действительно оплачивает такую сумму налога. Но как это может быть, не верил свои глазам и ушам Дворкович? Его действия и мысли зашли в тупик. Но внезапно его осенило — работать Сибирцевы могут только по утвержденным расценкам. А если доходность превышает их в разы, то ИП имеет левую выручку. Теперь можно общаться напрямую с Сибирцевым и предложить ему сделку — продажу акций ресторана. Он не дурак и не захочет лишаться всего, отдаст свои акции, как миленький, причем бесплатно.

Утром еще до начала рабочего дня Дворкович уже караулил Сибирцева у клиники. Но даже заговорить с ним не смог — охрана не пропустила его. Подполковник возмутился, угрожая охране:

— Я полицейский и нахожусь при исполнении, сейчас вызову ОМОН, а вы лишитесь лицензии. Немедленно пропустите меня к Сибирцеву.

— Вызывай, — усмехнулся начальник охраны и захлопнул перед ним дверь.

Дворкович оторопел, так еще никто с ним не обращался. Понимая, что ОМОН ему никто не даст, он решил оставить повестку. Чуть позже ему перезвонили, женский голос сообщил, что в указанное время Сибирцев прийти не может — операции. Но господин Сибирцев сможет с ним встретиться после восемнадцати часов в клинике.

«Ага, все-таки испугался повестки, — произнес тихо Дворкович, — посмотрим, что ты запоешь дальше».

Подполковник прибыл в клинику ровно в шесть вечера. Охрана пропустила его, не спросив ни слова. Довольный, он прошел в кабинет, сел в кресло и, не здороваясь, заговорил:

— Перейдем к существу вопроса. Я могу доказать, вернее сделал уже это, что ваша клиника имеет левый доход в сотни миллионов рублей. Вы можете получить реальный срок

и потерять все. Вы отдадите мне акции ресторана «Звездный» и я про это забываю, расходимся как в море корабли.

— Вряд ли сотрудник полиции пожелает записать акции на себя, — произнес Сибирцев.

— Естественно, — довольно улыбнулся Дворкович, — в реестре акционеров должна быть указана фамилия Нестеренко, директора ресторана.

В кабинет вошли трое мужчин, один из них произнес:

— Федеральная служба безопасности, вы задержаны, гражданин Дворкович, руки, пожалуйста.

Чекисты надели наручники и вывели полицейского, не смотря на его возмущение. В коридорах конторы он увидел и Нестеренко. И этот уже здесь, быстро работают в конторе, подумал он. Первое волнение и страх прошли, Дворкович обдумывал ситуацию. Что мне могут вменить? Ничего абсолютно. Нестеренко меня сдавать не выгодно. Сибирцев даст показания — так это слово против слова, ничего не докажут.

— На каком основании меня задержали и в чем подозревают? — озабоченно спросил Дворкович, — вы понимаете, что я находился при исполнении служебных обязанностей и это вам с рук не сойдет?

— Ни при каком исполнении обязанностей вы не находились, проверка в отношении клиники Сибирцева вам была запрещена руководством, поэтому вы превысили свои служебные обязанности. Кроме того, Дворкович, вы вступили в сговор директором ресторана «Звездный» с целью отжатия бизнеса у законного владельца. Вы, Дворкович, подозреваетесь в измене Родине, ибо незаконно собирали информацию на фирму и людей, охраняемых государством.

— Не надо шить мне черное дело белыми нитками и пугать изменой Родине. Неужели сами не понимаете, что полную чушь несете?

— Вы признаете, Дворкович, что превысив свои служебные полномочия, проводили проверку в отношении секретного государственного объекта ИП Сибирцева, а также вступили в сговор с директором ресторана Нестеренко с целью незаконного завладения акциями указанного ресторана? — спросил следователь.

— Что за хрень собачья, — возмущенно ответил Дворкович, — Сибирцев не секретный объект и не надо здесь пыль в глаза пускать. Да, проверку проводил, на то имелись все основания, а решение моего руководства неправомерно. Ни в какой сговор с Нестеренко не вступал. Доходы Сибирцева явно левые и многократно превосходят доходы по тарифным расценкам. Это не только специалист, но даже пень увидит и поймет.

— Про пень не знаю, — усмехнулся следователь, — но вот доходы не левые, а являющиеся государственной тайной, которую вам знать не положено. Вы юрист и сами все понимаете прекрасно. Если не успели и не продали информацию о Сибирцеве, как о секретоносителе, то получите срок за превышение должностных полномочий и вымогательство акций. Вы понимаете, что доказательств у нас за глаза хватит. Советую сотрудничать со следствием, а не перепираться.

Дворкович развалился на стуле, показывая явное пренебрежение к чекистам, усмехнулся:

— Сотрудничая со следствием — увеличиваешь себе срок, это каждый полицейский прекрасно знает. Но я готов сотрудничать. Сибирцев — секретоноситель... это бред полный. По крайней мере мне об этом ничего не известно, он оперировал, а не занимался секретами

и не изготавливал атомную бомбу. Но даже если он ее изготавливал, то я об этом не знаю. Сибирцев платит налоги больше, чем зарабатывает на операциях и это факт. Поэтому я и посетил его с целью выяснения обстоятельств, указывающих на левый доход. Нестеренко знаю, как директора ресторана, это моя работа, извините, общаться с руководителями фирм, а ваша ловить шпионов. Не тяну я на шпиона, придется вам меня отпустить, господа чекисты, и извиниться. А дальше поглядим — возбуждать в отношении вас уголовное дело за незаконное задержание или нет.

Дворкович до последнего ерепенился, но после видеозаписей с Нестеренко и Сибирцевым, а также после очных ставок признал свою вину в вымогательстве и злоупотреблении служебными полномочиями. Об измене Родине речь больше не шла. Суд приговорил Дворковича к семи годам лишения свободы в колонии строгого режима, Нестеренко к четырем годам. Но Дворкович так и не понял почему шестипроцентный налог с ИП превосходит тарифную стоимость операций. Ему никто не объяснил, что имеется ряд заболеваний, не поддающихся оперативному и какому-либо другому эффективному лечению. На данные заболевания не существует расценок, и западные богатые бизнесмены платили за такое лечение по десять миллионов долларов. Все учитывалось в ИП Сибирцева и налоги платились законно.

* * *

Осень наступала непонятная. Уже конец ноября, а еще нет снега и относительно тепло, ночные температуры опускались не ниже минус десяти градусов и днем повышались практически до нуля. Мороз ударил в последний день ноября. Минус двадцать для непокрытой снегом земли слишком много, частично вымерзали многие растения, о чем люди узнавали фактически в начале будущего лета.

Снег пошел только через неделю, на улице потеплело немного, но холод уже сделал свое «голое» дело, выморозив частично озимые и растения. Наступила теплая зима, а отношения между Европой, Америкой и Россией не потеплели. Действовали санкции, Америка держала курс на снижение барреля нефти и активную информационную войну, доходящую до абсурда. Возможно она агонировала, понимая, что десятилетия ее власти испаряются в небытие.

Информационная война велась и на медицинском поприще. Надежда Сибирцева в день принимала двадцать больных, в неделю восемьдесят, в месяц сто восемьдесят-двести человек. На западе и Америке никто из них в СМИ не попадал и народ не знал об успешных операциях в клинике Сибирцевых. Богатеи, общаясь между собой, не давали интервью. Вернее, хотели бы дать, но некому, никто из журналистов на подобный шаг не шел.

Операции, проводимые в клинике Сибирцева по предложению МИДа, желаемого информационного успеха России не принесли. На одной из пресс-конференций ответственный сотрудник МИДа заявил западным и американским журналистам:

«... теперь что касается медицины. По просьбе влиятельных политиков и бизнесменов российская клиника доктора Сибирцева год назад начала прием неоперабельных и неизлечимых пациентов с точки зрения профессоров Европы и Америки. За год полностью излечились и сейчас абсолютно здоровы более двух тысяч европейцев и американцев, которые ранее, я подчеркиваю, с точки зрения докторов Европы и Америки, считались

неизлечимыми. И это, господа журналисты, всем вам достаточно известный факт. Однако в западных СМИ, не смотря на успех клиники профессора Сибирцева, продолжают игнорировать этот факт, обрушиваясь с клеветническими измышлениями в адрес российского доктора с мировым именем. В данных обстоятельствах профессор Сибирцев принял решение не принимать в свою клинику больных из Европы и Америки. Въезд через границу для таких больных закрывается сегодня, успевшие посетить Россию пациенты будут прооперированы. Благодарю за внимание».

Особых эмоций данное сообщение у журналистов не вызвало. Но на очереди в клинику стояли влиятельные политики и бизнесмены, которым было абсолютно не все равно. Всей своей мощью они обрушились на свои правительства и средства массовой информации. Эту силу не могли остановить негласные запреты на достоверные публикации в прессе.

Влиятельные лица Европы и Америки, получившие исцеление в России, хорошо помнили свое предсмертное состояние, понимали участь себе подобных и активно высказывались по телевидению и на страницах газет. Они подробно описывали какими были и какими стали после лечения, не скрывая свое негативное отношение к негласному запрету позитивной информации о Сибирцеве. Человеческая жизнь должна быть выше и ценнее политических амбиций руководства и спецслужб западных государств.

Волна движения в поддержку доктора Сибирцева в Америке и на Западе нарастала словно лавина. В нее включились и простые граждане, ранее обманутые СМИ по негласному указанию правительства своих стран. Но даже в этой ситуации определенные личности выпускали в эфир родственников умерших западных олигархов, не дождавшихся своей очереди на лечение. Они элементарно лгали, заявляя о результате — их близкий человек умер после лечения в России, куда он никогда и не ездил фактически.

Информационная война шла на Западе теперь между сильными мира сего и отдельными ястребами. Но не зря говорят, что сильных мира сего лучше не трогать. Правительства многих западных стран обратились к Президенту России, и он обещал посодействовать в решении больного вопроса, заявив все-таки, что это частная клиника, а не институт скорой международной помощи. Этим странам открыли границу для въезда по договоренности с МИД и клиникой доктора Сибирцева.

Сам доктор на встрече с журналистами сообщил, что является патриотом своей страны и не желает оказывать помощь странам с антироссийской направленностью. «К таким я отношу США, Англию, страны Прибалтики, Польшу и пока еще Украину, как цепного пса Америки. Пусть первым пациентом после непродолжительного перерыва будет человек с болезнью Альцгеймера на ее последней стадии развития. На сеанс исцеления приглашаю лечащего врача, который подтвердит миру наличие этого заболевания и последующее его исчезновение».

Невропатологи всего мира торжествовали — наконец-то удастся покончить с этим доктором Сибирцевым. Он сам выбрал свой путь, заявив, что возьмется излечить болезнь Альцгеймера на последней стадии заболевания. Современные методы терапии смягчают симптомы, но пока не позволяют ни остановить, ни замедлить развитие заболевания. В настоящее время лекарства от болезни Альцгеймера не существует, а в поздней стадии в головном мозге происходят необратимые дегенеративные процессы, нервная ткань атрофируется и не восполняется. Такого больного нельзя излечить. Это было бы равносильно восстановлению отрезанной и утраченной головы.

Невропатологи ликовали, но не все, нашлись и такие, которые верили в Сибирцева, он

не раз подтверждал свои слова делом и ни разу еще не ошибся. Но на них не обращали внимания — умершие нервные клетки восстановлению не подлежат.

После долгих споров, прений и разногласий пациент был выбран. Им оказался семидесятилетний израильтянин Давид Арнави. Профессор Натан Зисман, лечащий врач больного, докладывал на созванной конференции невропатологов Европы:

«Деменция, то есть приобретенное слабоумие началась у Арнави пять лет назад. Постепенно присоединялись симптомы агнозии — нарушения различных видов восприятия: зрительного, слухового, тактильного... В настоящее время пациент находится в стадии тяжелой деменции, произносит единичные фразы и отдельные слова, он апатичен, истощен, самостоятельно передвигаться не может, но еще кушает самостоятельно. Электроэнцефалография выявляет характерные изменения, а компьютерная томография показывает анатомические нарушения — увеличение желудочков головного мозга, атрофию коры больших полушарий и уменьшение размеров головного мозга. Это, как вы прекрасно понимаете коллеги, лечению не поддается. И мне абсолютно непонятно, как может доктор Сибирцев, прекрасный и выдающийся хирург делать столь необдуманные заявления в области неврологии. Это не руку отрезать или опухоль вырезать, это головной мозг человека, святая святых разумного существа».

Речь профессора Зисмана транслировали все телеканалы Европы и Америки, больного Арнави показывали «во всей красе».

Сибирцеву позвонил министр иностранных дел Рукосуев:

— Здравствуйте, Егор Борисович.

— Здравствуйте, Александр Павлович — ответил Сибирцев.

— Вы наверняка смотрите телевизор и видите, что творится в Европе и Америке, с каким воодушевлением они муссируют речь профессора Зисмана и показывают больного Арнави. Все средства массовой информации находятся в стадии эйфории и уверенности в вашем провале. Я верю вам, Егор Борисович, но все же хочу спросить — а не потерпим ли мы фиаско с этой болезнью Альцгеймера?

— Не потерпим, — уверенно ответил Сибирцев, — лишь бы они потом не замолкли. Но я предложу прямую трансляцию оперативного и консервативного лечения, которое продлится не более десяти минут. Западные СМИ с удовольствием согласятся. В некоторых странах, таких как Америка, наверняка прервут трансляцию по техническим причинам, когда адекватный, а неслабоумный Арнави встанет на ноги. Тут уж ничего не поделаешь, это ваш фронт работы, я свою миссию выполняю.

— Вы извините меня за звонок, Егор Борисович, все-таки было некоторое беспокойство, сами понимаете — престиж страны на кону, волнуюсь, но теперь все в порядке.

— Всего доброго, Александр Павлович, удачи нам всем.

Сибирцев отключил связь, он понимал министра иностранных дел и не принимал его звонок, как недоверие.

К приему больного Арнави в клинике Сибирцева готовились заранее. Операцию назначили на пятницу, когда других пациентов не будет. В операционной заранее установили пластиковые стены, отделяющие журналистов от хирургического стола непосредственно и подмости, позволяющие снимать ход оперативного лечения. Все желающие журналисты попасть в операционную не могли, предполагалось лишь двадцать операторов со своими кинокамерами, которые могли транслировать происходящее на весь

мир.

И вот, наконец, день икс наступил. Иностранных операторов проверила служба безопасности и пропустила в операционную. Они расположились и ждали начала, вдруг заметив профессора Сибирцева, находящегося среди них. Он пояснил:

— Оперативное лечение проведет профессор Сибирцева Надежда Егоровна. Я стану давать необходимые комментарии по ходу проведения операции.

Больного вкатили в операционную и переложили на стол. Вошла женщина в белом халате, удивив всех присутствующих своей молодостью, не соответствующей на взгляд журналистов званию профессора и доктора медицины. Сибирцев комментировал:

— Сейчас вы увидите уникальнейшую в своем роде операцию, которая производится без хирургических инструментов и наркозного аппарата. Хирург погружает больного в состояние сна достаточной глубины, чтобы у него не возникали болевые ощущения. Затем излучением определенной частоты стерилизуется пространство операционной и хирургическое поле. Руки хирурга проводят вокруг головы пациента движение, рассекающее мягкие ткани, вы видите обнаженную костную ткань черепа. Вместо трепана или пилы используются опять же руки хирурга, который рассекает свод черепа круговым движением и снимает его с головного мозга. Рассекаются оболочки и перед вами предстает серое вещество. Это таинственное и загадочное образование, позволяющее человеку мыслить.

На подмостках операционной послышался звук падающего тела. Один из операторов упал в обморок при виде отрезанной и снятой черепной коробки, лежащего на простыне рядом. Его вынесли, а Сибирцев продолжал комментировать:

— Глазу специалиста и конкретно доктору Зисману, присутствующему на операции, хорошо видны деструктивные изменения мозгового вещества. Сейчас хирург начнет работать над восстановлением нейронов, их синаптических связей, уменьшением размеров желудочков мозга.

Сибирцева подняла обе ладони на уровень своего лица и все увидели, как засветился голубоватый нимб над ее головой, потом руки и все тело покрылось необычным свечением.

— Богиня, — произнес один из операторов и упал в обморок.

— К сожалению наше число уменьшается, — продолжил с улыбкой Сибирцев, — но вот вы видите, как свечение передалось с рук хирурга на головной мозг пациента. Нервная ткань, погибшая в результате болезни Альцгеймера, начала восстанавливаться, амилоидные бляшки и нейрофибриллярные клубки, характерные для этого заболевания, рассасываются, головной мозг приобретает вид здорового органа. Первый этап оперативного вмешательства завершен, черепная коробка ставится на место и срачивается руками хирурга, не оставляя следов. Нейроны и синаптические связи в коре головного мозга восстановлены, начинается второй этап лечения, связанный с генными нарушениями. Хирург дает установку двадцать первой хромосоме на генном уровне, устраняя мутации.

По телу больного пробежали голубоватые свечения, словно слабые электрические разряды и все стихло. Сибирцев продолжал комментировать:

— В настоящее время мозговые и генные нарушения устранены, хирург дает команду больному проснуться. И он просыпается абсолютно здоровым человеком с восстановленной памятью, речью и всеми присущими человеку функциями. Благодарю вас за внимание, господа, пообщаться с больным вы можете в предоперационной.

Минуту операторы молчали, словно приходили в себя после увиденного, но потом враз ринулись на выход. В предоперационной они забрасывали Арнави вопросами, который

охотно с ними общался. Позже, пытаясь отыскать профессора Сибирцеву, они наткнулись на ее отца, который не стал давать интервью и отвечать на вопросы. Служба безопасности попросила журналистов покинуть клинику. Теперь их засыпали вопросами другие журналисты, не попавшие в операционную и наблюдавшие за ходом лечения на большом экране.

Давида Арнави обследовали в Израиле лучшие специалисты и не нашли ни одного признака заболевания. Западным журналистам и врачам пришлось признать успех клиники доктора Сибирцева. Но говорили они об этом неохотно и бес былого подъема, присущего перед операцией. Врачи не понимали — как такое возможно, а журналисты выдвинули версию о машине времени. Дескать это не заслуга России, Сибирцев прилетел из трехтысячного года и в будущем вся медицина станет подобной.

Однако, Надежда Сибирцева стала популярной не только в России, ее стали называть с легкой руки оператора, упавшего в обморок, Богиней, вкладывая в это понятие не церковное, а возвышенно человеческое определение. Теперь каждый старался разглядеть в ее облике необычное свечение и находились люди, видевшие его в повседневности. То ли у них с глазами существовали проблемы, то ли мечтали обратить на себя внимание таким образом и попасть в телевизор в новостях.

В «убойном» отделе за ходом операции следили все сотрудники, поздравляли Бугрова и задавали глупые вопросы о личной жизни с этой женщиной. Он отвечал с улыбкой: «Я ношу ее только на руках, а ночью становлюсь на колени перед кроватью и молюсь. А в комнате светло, как днем от ее свечения, ровно в полночь тело отрывается от кровати, обволакивает меня и ласкает до первых петухов. С его криком тело падает в изнеможении на кровать, и она превращается в земную женщину».

Сотрудники отдела улыбались, понимая шутку, но все же в реальности не представляли себе обычную жизнь со знаменитостью — все равно должно происходить что-то неординарное. И оно наверняка происходит, только Федор об этом не говорит.

Дома он спросил жену:

— Ты знаешь, Наденька, как тебя в народе называют?

— Как? — поинтересовалась она, — я знаю, что отца называли чудотворцем. Но ведь он действительно творит чудеса.

— Тебя называют Богиней.

— Богиней? Что за чушь...

— Это действительно так, так тебя называют не только наши, но и в Европе из-за твоего свечения на операции.

Она улыбнулась:

— Это отец придумал. Он посчитал, что врачи совсем не поймут моих невидимых действий и посоветовал мне создать вокруг себя светящуюся ауру. Все поняли, что я что-то делаю, хотя работала я совсем другим излучением. Хватит обо мне, как у тебя на работе, Феденька?

— На работе в порядке. Коллеги тоже считают тебя незаурядной женщиной и тактично расспрашивают о нашей жизни. Я с ними согласен — ты у меня самая лучшая, красивая и любимая.

— Ты опять обо мне...

— Так работа идет в соответствии с единством борьбы противоположностей, все как в природе — одни совершают преступления, другие их раскрывают. Чувствую, что благодаря

тебе меня начинают двигать по службе, что мне не совсем нравится. Предложили стать заместителем начальника управления уголовного розыска области. Наверняка подполковника досрочно присвоят. Я не стал отказываться, хотя чувствую, что начальник управления не в восторге. Он считает, что я скоро его подвину. Вышестоящую должность ему не предложат, нет для этого данных, он и эту-то занимал в реальном отсутствии достойного кандидата. Мужик неплохой, трудяга, но на элиту МВД области не тянет. Не пойму кого из замов хотят убрать, оба должности соответствуют? Но разговор был предварительный. Я не писал еще рапорт на новую должность. Вот такие у меня новости, Наденька.

— Я вот что тебе посоветую, Федор, поступай-ка ты на заочное в академию. Даст что-то тебе эта учеба или не даст — не важно. Но без нее ты генерала не получишь, а об этом необходимо уже сейчас подумать.

— Действительно, — согласился он, — как-то упустил сей факт из вида. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Завтра же напишу рапорт в академию.

На сдаче экзаменов в Москве его больше спрашивали о жене, чем задавали вопросов по существу поступления. Было немного противно, когда лезли в личную жизнь, но он терпел, отделяясь общими фразами. И замом его не назначили, после поступления в академию предложили должность начальника управления уголовного розыска области. Подполковника Федор получил еще будучи начальником отдела. А через год стал самым молодым полковником в области. После окончания академии Бугрову предложили генеральскую должность в Москве, от которой он тактично отказался. Все понимали — из-за жены. Предложили другое — должность начальника полиции области, заместителя начальника УМВД. Он согласился. Президент подписал Указ, одновременно присвоив ему звание генерал-майора.

— Ну что, мой генерал, ты доволен? — спросила его улыбающаяся Надежда.

— Доволен ли я? Конечно, доволен. Без тебя сейчас бы был заместителем начальника отдела в звании майора, а не генерал-майора.

— Это нормально. Главное — ты соответствуешь должности и званию и не купил их, как некоторые.

— Надеюсь, что соответствую. Не купил — это верно. Но тебе пришлось расплатиться за меня несколькими внеплановыми операциями. Сейчас не Советский Союз, на должности назначаются лица не по профессиональным навыкам и уму. Все решают связи и деньги.

Надежда вздохнула.

— Я выполнила свой врачебный долг, прооперировав несколько человек по твоей просьбе. Помогла людям обрести здоровье и счастье. Конечно... я все понимаю... но что делать, Феденька, что делать?.. Кстати, сегодня вечером у нас приемный день. В гости напросились Обухов и Соболев, оба генерала хотят поздравить тебя, так что будь в форме, милый.

Бугров в генеральской форме смотрелся как мальчишка. Не каждому дано стать генералом в тридцать один год. Генерал Обухов, начальник УМВД, поздравляя своего заместителя, не скрывал, что через годик собирается на пенсию.

— На следующий год мне исполняется шестьдесят, пора и честь знать. Надеюсь, что Президент сделает исключение, оставив тебя, Федор Иванович, в области.

— Исключение? — не поняла Сибирцева, — в чем?

— Алексей Юрьевич имеет ввиду, что начальниками УМВД, как и УФСБ, назначаются

лица из других регионов, — пояснил Соболев, — считается, что это препятствует сращиванию руководства правоохранительных органов с элитой областного управления и бизнеса, особенно занимающегося сомнительной деятельностью.

— Я еще толком к должности начальника полиции не преступил, — ответил Бугров.

— Это ничего, работай с перспективой на мое место, я из этого секрета не делаю и буду тебя рекомендовать, Федор Иванович, — констатировал Обухов.

— И я поддержу, — согласился Соболев, — надеюсь, что мнение начальника УФСБ тоже учтут в Москве.

К столу подбежала двухлетняя Катя, забралась к отцу на колени.

— Папа, почему у тебя красные полосы на брюках, ты теперь красный командир?

— Это лампасы, доченька. Папа у нас генерал, — ответила с улыбкой Надежда.

— Тоже врачом станет? — поинтересовался Соболев.

— Нет, Лев Сергеевич, врачом не станет, она Бугрова, а не Сибирцева. Наш дар или талант, как хотите, передается только по мужской линии. Вот дети Антона станут врачами. А Катенька, когда вырастет и выучится, займет место Ивана Петровича в бизнесе.

Людмила весь вечер чувствовала себя не в своей тарелке и дома в постели спросила Ивана:

— Ваня, у нас свой ребенок, сын Коленька, почему бизнес должен отойти к Кате, а не к нашему сыну?

— Не волнуйся, Люда, наш сын без дела не останется. Или бизнес распилят поровну, или новый приобретут. У Сибирцевых не принято бросать родственников. Тем более, что денег всем хватит.

Людмила успокоилась, она верила мужу и была счастлива. Ее сын не растет в детском доме, как она в свое время, и будущее у него намечается совсем не бедным. Сибирцевы не просто жили сами и давали жить другим — они исцеляли организм, лечили душу, ибо только в здоровом теле водится здоровый дух!

* * *

Кавалькада машин неслась по шоссе от Н-ска на север. Четыреста километров не расстояние для хорошей машины. Не доезжая до Североянска, колонна свернула в сторону и остановилась в Порогах. Двадцать лет назад семья Сибирцевых, Самохиных и Вороновых покинула это место. Действующий аэропорт не просуществовал и года после отъезда Сибирцевых, Пороги снова захирели, зачахли в отсутствии внимания администрации и работы. Половина домов опустела и из тысячи некогда проживающих осталось всего лишь сто человек. Остались те, кому уезжать было некуда и не к кому.

Домик Егора, построенный всей деревней сохранился и пустовал двадцать лет, дожидаясь своего хозяина. Теперь он принимал у себя во дворе кучу автомобилей. Антон Николаевич и Клавдия Ивановна Самохины с сыном Андреем пошли посмотреть свой заброшенный дом, где родились и прожили молодость. Воронов с Аней ушли к себе. А Егор с Тоней с детьми и внуками направились к Порожнянке. Она все также текла спокойно мимо деревни, но выше к ее порогам уже никто не ходил — некому было.

Егор смотрел на бегущую воду, вспоминал далекие годы и только сейчас осознал, что календарь Майя, закончившийся двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года

означал вовсе не конец света. Вzbесившиеся журналисты прочили в этот день апокалипсис. Этот день настал, прошел и ничего видимого не произошло. Человечество не увидело главного — в этот день наступила новая эра развития Земли, природы и разума. Мы, как первобытные люди, встали у истоков нового уровня человечества, которому предстоит разработать новые законы физики и природы. Пройдут столетия и тысячелетия, новый разум вспомнит Сибирцева, как сейчас вспоминают и ценят Гиппократ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net